

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ÁTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XX

**SZEGED
1988**

otemi Könyvtár

szeged

pl

B 128557

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XX

SZEGED

1988

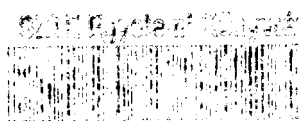
Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata

Redigit

Imre H. Tóth

Seriem publicationum edendam curat

Károly Fábricz

B 128557

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged
A. József Nom.
HU ISSN 0237-9562 Diss. Slav.

К 60-летию юбилею профессора Иштвана Пете

Написать поздравительную статью по поводу 60-летия профессора Иштвана Пете кажется нам очень трудной задачей. Это объясняется, с одной стороны, тем, что удивительная молодость, активность, энергичность Иштвана Пете как бы отрицает факт почтенного возраста, в котором принято уходить на заслуженный отдых; с другой стороны, тем, что самая суть его личности -- прямота, откровенность и непосредственность -- бурно протестуют против всякого чествования, всяких торжественных церемоний. Таким образом, адекватное его личности поздравление должно быть простым, лаконичным и как можно более объективным, иначе оно вызовет поддразнивание юбиляра: такое знакомое нам прищуривание глаз и шутливую улыбку. Это веселое прищуривание глаз и хитроватая улыбка "Pete tanár úr"-а незабываемы для всех его учеников.

Но к великому нашему счастью, есть и такие моменты, которые облегчают выполнение этой трудной задачи. Из них наиболее важным нам кажутся следующие: с одной стороны, необыкновенно богатая научная и методическая деятельность Иштвана Пете, находящаяся в неразрывном единстве с практикой преподавания, с другой стороны -- его непоколебимая верность своему месту работы, кафедре русского языка и русской литературы Сегедского университета им. Аттилы Йожефа. Жизнь названной кафедры более 30 лет неразрывно связана с деятельностью Иштвана Пете. За эти более чем 30 лет он воспитал тысячи преподавателей русского языка, многие из которых стали "маленькими докторами", а потом -- большими кандидатами наук. Третий момент, облегчающий поздравление, заключается в том, что поздравитель обращается к юбиляру не только от своего имени, но и от имени многих преподавателей русского языка -- с искренней любовью и уважением к личности и достижениям Иштвана Пете.

Жизнь Иштвана Пете неразрывно связана также с судьбой и развитием новой, демократической Венгрии. И. Пете родился в

1928 году в Дебрецене в крестьянской семье и юношей стал участником народного движения "fényes szelek". В 1951 году в Эгере он получил диплом учителя русского и венгерского языков для общей школы, потом в 1954 году в Институте имени В.И. Ленина -- диплом преподавателя русского языка и литературы для средней школы, и, наконец, в 1960 году в Сегедском университете -- диплом преподавателя немецкого языка и литературы для средней школы. В 1962 году в Будапештском университете им. Лоранда Етвеша он защитил научную работу на звание "университетский доктор". Кандидатскую диссертацию, написанную на тему "Выражение пространственных и временных отношений", он защитил в 1966 году, а докторскую на тему "Выражение количественных отношений" -- в 1983 году. В результате этой защиты Иштван Пете стал первым в Венгрии русистом-лингвистом доктором наук. Его авторитет как ученого становился все выше и выше: в 1985 году И. Пете был удостоен звания профессора благодаря образцовой прилежности, огромной силе воли, исключительной трудоспособности.

За последние два десятилетия И. Пете занял достойное место и в области международной русистики. На его счету примерно 100 публикаций, свыше 20 из которых вышло в свет за границей. Почти 10 лет И. Пете работал в Комитете по славистике Венгерской академии наук, был официальным оппонентом многих кандидатских диссертаций.

В центре его научной деятельности находятся русско-венгерские сопоставительные исследования, в том числе и семантический синтаксис. Как уже было сказано, в кандидатской диссертации И. Пете проанализировал систему средств выражения пространственных и временных отношений, в докторской -- выражение количественных отношений в современном русском языке в сопоставлении с венгерским. Основное значение монографических работ И. Пете по семантическому синтаксису состоит в следующем. С одной стороны, в новизне постановки вопроса: монография советских лингвистов по пространственным и временным отношениям появилась на несколь-

ко лет позже, чем работа И. Пете. С другой стороны, его работа имеет также и методологическое значение как обогащающая русско-венгерские сопоставительные исследования. По его концепции, сущность сопоставления заключается не в системном сопоставлении типологически релевантных элементов двух языков, а в подробном описании системы иностранного языка, с точки зрения родного языка, при этом необходимо иметь в виду и результаты типологии. По его мнению, основой сопоставления служат функционально-семантические категории, называемые им семантико-языковыми категориями, грамматико-семантическими полями /например, пространство, время, количество, состояние, причина, цель и т.д./. Семантические категории, по И. Пете, в одном или обоих языках тесно связаны с системой средств выражения, они могут пониматься промежуточными категориями между поверхностной и глубинной структурой. Анализ глубинной структуры как таковой стоит вне поля зрения И. Пете. Доказательство оригинальной постановки вопросов -- многочисленные ссылки на его работы как в венгерской, так и в международной русистике. Самые значительные работы И. Пете служат основой для отечественных русско-венгерских типологических исследований. В течение последнего десятилетия сфера его научной деятельности постепенно расширялась в направлении к южно-славянским языкам /сербо-хорватскому и болгарскому/ и к венгерскому языку.

Исследовательская деятельность И. Пете в наибольшей степени характеризуется практическим направлением и, в соответствии с этим, -- его научная деятельность теснейшим образом связана с практикой преподавательской работы. Профиль его преподавательских интересов очень широк: он охватывает все разделы современного русского языка -- от фонетики до семантики, включает также грамматику, лексикологию и фразеологию. В соответствии с этим И. Пете ведет широкую авторскую работу по созданию учебников и учебных пособий. В преподавательской работе И. Пете очень богат на выдумку и очень инициативен. Добросовестный, тре-

бывательный как к самому себе, так и к своим студентам, преподаватель, он всегда готов прийти на помощь своим студентам, о которых заботится бескорыстно. Под его руководством всегда работало и работает много дипломников и членов студенческого научного общества по русистике. С многими из бывших своих учеников И. Пете поддерживает научные контакты, является научным руководителем многочисленных работ на звание "университетский доктор".

Целеустремленность, сила воли, легендарная работоспособность Иштвана Пете являются достойным примером для всех его студентов и молодых коллег. Поздравляю его с 60-летием, желаю дальнейших творческих успехов в преподавательской и научной деятельности, а в личной жизни -- просто счастья, отцовских радостей в воспитании троих детей!

От имени бывших учеников, теперешних коллег, а также от имени всех венгерских русистов

Эдит Саламин

ПОРЯДОК ПАДЕЖЕЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Г. Балаж

Единство научного языка в рамках отдельных дисциплин является желательным критерием исследований. Тем не менее, оно не всегда достигается учеными, а остается лишь более или менее осуществленной целью. К сожалению, отсутствие единства терминов и формул -- явление, нередко встречаемое в языкознании. Свобода в распределении единичных фактов -- в целях подчеркивания тех или иных закономерностей -- представляет собой неоспоримое право каждого исследователя. При использовании же результатов научной работы в обучении иногда возникают известные трудности. В качестве характерного примера отсутствия единодушия можно привести порядок перечисления падежей в грамматиках славянских языков. /Естественно, имеются в виду только те языки, в которых есть склонение./

Как известно, в большинстве т.н. "традиционных" учебников и пособий употребляется порядок падежей, взятый из грамматик других индоевропейских языков¹: N -- G -- D -- A -- /V/ -- I -- L. Постановка вокатива в скобках объясняется его особым положением: "Звательная форма из числа падежей исключается, поскольку она не выражает отношения данного имени к другому слову в том же словосочетании"². Принимая во внимание, что внутренняя структура парадигм не одинакова во всех языках, вместо автоматического заимствования порядок падежей в славянских языках должен определяться на основании морфологической, синтаксической и семантической специфики именно этих языков.

Морфологическую иерархию славянских падежей удобнее всего определить исходя из выделения случаев совпадения их форм, т.е. падежных синкретизмов. Если принять номинатив за исходный падеж -- как это и делается в любой грамматике любого

славянского языка, -- то легко убедиться в том, что второе место должен занимать не гентив /который в большинстве парадигм имеет окончание, отличающееся от номинатива/, а аккузатив. Нет такого славянского языка, в котором отсутствовало бы явление формального совпадения именительного и винительного падежей. Данный синкретизм очень характерен для именного склонения как целого, причем как в единственном, так и во множественном /в словенском и лужицких языках и в двойственном/ числе.

В парадигмах одушевленных существительных, где формальное различие номинатива и аккузатива -- преимущественно в мужском роде -- в силу синтаксических причин стало нужным, наблюдается синкретизм винительного и родительного падежа. Такое явление в единственном числе имеется во всех славянских языках, во множественном числе отсутствует лишь в чешском, словенском и сербскохорватском, а в лужицких языках оно проявляется и в двойственном числе. В системе местоимений /и местоименных прилагательных/ формальное совпадение винительного и родительного падежей даже не сводится к одушевленным именам мужского рода, а встречается и в других парадигмах. На основании этих фактов первые три падежа следуют один за другим в таком порядке: N -- A -- G.

Теперь встанет вопрос о том, который из остальных падежей тяготеет к генитиву чаще других. Творительный падеж и звательную форму практически сразу можно исключить из дальнейшего анализа, поэтому остается два "кандидата": D и L. Хотя /в единственном числе/ есть случаи совпадения окончаний всех трех категорий /G, D и L/, они в определении иерархии данных падежей значения не имеют. Таким образом, в дальнейшем мы ограничимся выявлением синкретизма типов G -- D и G -- L.

Примеры тождественного окончания G и D, отличного от суффикса L, можно найти лишь в единственном числе в сербско-

хорватском /stvāri/³, чешском /dubu/ и русском /снегу; пы-
ли/⁴. В связи с данным синкретизмом и отсутствием омонимии
G -- L в сербскохорватском, для этого языка И. Пете предлага-
ет следующий порядок падежей: N -- A -- G -- D -- L -- I
-- V⁵. В области прилагательных и местоимений, как и в двой-
ственном и множественном числах существительных, формальное
совпадение родительного и дательного падежей /при отграниче-
нии локатива/ полностью отсутствует во всех славянских язы-
ках.

По-другому обстоит дело с омонимией G -- L. Из совре-
менных славянских языков -- за единственным исключением серб-
скохорватского -- она существует во всех. В единственном чис-
ле ее можно обнаружить лишь в польской парадигме существи-
тельных типа dom /ср. G -- L domu, boku, godu и т.д./, а во
множественном числе в парадигмах прилагательных и местоимений
русского /синих, всех/, украинского /синіх, всіх/, белорус-
ского /сініх, усіх/, польского /dobrych, tych/, чешского
/dobrých, těch/, словацкого /dobrých, tych/, в верхне- и ниж-
нелужицкого /dobrych, tych/ и словенского /dóbrih, téh/ язы-
ков. В последнем данные формы -- и их синкретизм -- употреб-
ляются и в двойственном числе. Поскольку синкретизм типа
G -- L в отличие от G -- D является обычным явлением в ряде
парадигм, локатив следует признать четвертым падежом славян-
ского склонения.

В определении порядка остальных падежей особенных труд-
ностей не возникает. Исходя из того, что примеры совпадения
окончаний локатива и датива, даже локатива, датива и генити-
ва, встречаются во всех современных славянских языках, в то
время как синкретизм типа L -- I -- которого у существитель-
ных вообще нет⁶ -- является весьма редким явлением, можно
установить следующий порядок славянских падежей: N -- A --
G -- L -- D -- I. Звательная форма /вокатив/ -- если она не

элиминируется вообще -- может занимать только последнее место, поскольку а/ ее нет во всех славянских языках, б/ она не выделяется в ряде именных парадигм, в/ синтаксических функций она не имеет. Данная иерархия, полученная на основании анализа падежных синкретизмов, совпадает с "интуитивным" порядком, применяемым А. Вайаном в его сопоставительной грамматике славянских языков⁷.

На первый взгляд может показаться, что установленный порядок падежей действителен только в синхронном плане. Однако, рассмотрение случаев синкретизма в парадигмах старославянского /древнеболгарского/ языка убеждает в правильности иерархии N -- A -- G -- L -- D -- I /-- V/ и с точки зрения диахронии. Ср. N -- Asg. пѣть, ность, нма, сѣнѣ, рабѣ, дѣто, конь, полѣ; тѣ, то, мога и т.д.; N -- Apl. кости, нмена, матери, црѣкви, женѣ, земли, лѣта, полѣ; G -- Asg. нисоуѣ; тебѣ; G -- Lsg. камене, врѣмене; G -- Lpl. тѣхѣ, ихѣ, моухѣ, насѣ; L -- Dsg. матери, женѣ, земли; тои, моги, мнѣ и т.д. Особенно показательны в этом отношении падежные омонимии в двойственном числе, последовательно реализуемые во всех парадигмах. Например:

N -- A /-- V/	пѣти	сѣнѣ	женѣ	тѣ	ва
G -- L	пѣтью	сѣновоу	женоу	тою	ваго
D -- I	пѣтьма	сѣнѣма	женѣма	тѣма	вама

Вышеуказанные омонимии, как известно, возникли не в древнеболгарский период, а значительно раньше, причем являются заимствованиями из общеславянского языка. По всей вероятности, они существовали уже в грамматической системе индоевропейского праязыка. Об этом свидетельствуют, между прочим, данные ведийского языка: "Трехчленная парадигма падежных противопоставлений, в которой сняты противопоставления N. -- A., I. -- D. -- Abl. и G. -- L., представлена в двойственном числе у всех существительных, прилагательных, местоимений, а

также у числительного dvaú 'два'..."⁸. Нельзя исключить ту возможность, что эти, происшедшие в глубокой древности совпадения падежных форм в высокой степени определили направление последующих изменений в системе именных парадигм.

Отметим, что У.С. Хэмилтон, тщательно разбирая глубинные и поверхностные изменения в синкретических типах на материале общеславянского, чешского, польского, русского и сербскохорватского языков, пользуется также порядком падежей N -- A -- G -- L -- D -- I⁹. Он приходит к выводу, что проанализированные им славянские языки свидетельствуют о значительных изменениях в конфигурациях и субстанции своих структурных компонентов, но сохраняют типы и число компонентов, унаследованные ими от общеславянского языка¹⁰.

Валидность закономерностей в механизме синкретизмов как в синхронном, так и в диахронном плане объясняется существованием семантических инвариантов падежной системы, впервые вскрытых и описанных Р. Якобсоном в его основополагающей работе по славянской морфологии¹¹. При разборе, с одной стороны, синкретических типов русского языка, т.е. системы означающих, и, с другой стороны, инвариантных значений отдельных падежей, т.е. системы означаемых, Якобсон обратил внимание на действие семиотических закономерностей внутри грамматической структуры имен. Вопросы об иерархии падежей он только коснулся: "Структурный подход к падежной системе вскрывает ее строго закономерный иерархический характер с беспризнаковым И. /= именительным/ как исходным падежом..."¹². Однако, описывая отдельные падежи на основе их дискретных признаков, он обнаружил семантические противопоставления внутри падежной системы. Как известно, N является ненаправленным, необъемным и непериферийным падежом. Последние два признака его сближают с A; оба они -- как прямые падежи -- противопоставляются всем остальным, косвенным падежам. К N и A примыкает G как третий непериферийный падеж, в отличие от L, D и I, т.е. периферий-

ных падежей. G и L объединяются признаком объемности, и одновременно оппонируют N, A, D и I. Наконец, признак периферийности сближает D и I с L¹³.

Таким образом, порядок падежей, установленный на основе их синкретизмов, находит и семантическое подтверждение. Иерархический ряд N -- A -- G -- L -- D -- I в славянских языках отражает внутреннюю структуру как означающих, так и означаемых¹⁴.

Примечания

1. N -- именительный, G -- родительный, D -- дательный, A -- винительный, I -- творительный, L -- местный п., V -- звательная форма.
Ср. И. Пете. "Порядок падежей в парадигме сербскохорватских имен. In: Hungaro-Slavica, 1983, с. 247.
2. П.С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, с. 12.
3. Локатив в этой парадигме имеет различную интонацию, ср. stvári.
4. К обоим парадигмам принадлежит ограниченный круг существительных, а первый тип имеет альтернативное, гораздо более распространенное окончание -а, ср. снега. Следует отметить, что во втором типе местный падеж отличается от дательного и родительного лишь местом ударения.
5. И. Пете. Ук. соч., с. 247--248.
6. "В творителен и местен падеж стоят обикновено обстоятелствата и обстоятелствените допълнения в широк смисъл на думата... Обстоятелствата принадлежат на една и съща синтактична категория и имат еднакво място /положение/ в изречението, т.е. те са т а в т о к а т е г о р и а л н и и х о м о т о п и ч н и. Следовательно творителен и /безпредложен/ местен падеж /т.е. обстоятелствата/ не могат да съвпадат..." В.И. Георгиев. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София, 1969, с. 27.

7. "Ilya sept cas en balto-slave: nominatif, accusatif, génitif, locatif, datif, instrumental, vocatif. Cet ordre des cas s'impose en slave /mais non en baltique/, du fait qu'on a fréquemment à parler de nominatif-accusatif, de génitif-accusatif, de génitif-locatif, de locatif-datif, de datif-instrumental, le vocatif étant à part." A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. Tome II, Première Partie. Lyon-Paris, 1958, p. 20--21. Ср. еще: Р. Нахтигал. Славянские языки. М., 1963 /1952/, с. 92--104.
8. Т.Н. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982, с. 197.
9. W.S. Hamilton, Jr. "Deep and Surface Changes in Four Slavic Noun Systems. In: Linguistics. N° 127, 1974, pp. 27--73.
10. Там же, с. 64.
11. Р. Якобсон. "Морфологические наблюдения над славянским склонением". In: 'Selected Writings II. The Hague, "Mouton", 1958/1971, pp. 154--183.
12. Там же, с. 158--159.
13. Там же, с. 158 и сл.
14. В результате тщательного и всестороннего анализа данных иерархический порядок падежей рекомендуется и К. Чвани для современного русского языка. Ср.: C.V. Chvany. "Jakobson's Fourth and Fifth Dimensions: On Reconciling the Cube Model of Case Meanings with the Two-Dimensional Matrices for Case Forms. In: Case in Slavic /ed. by R.D. Brecht and J.S. Levine/. Columbus, "Slavica", 1986, pp. 107--129.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОБЛЕМАТИКЕ
ВИДОВ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Й. Бихари

1. В последнее время большой критике подвергается т. наз. "классическое" определение видов глагола, согласно которому для формы глагола совершенного вида характерно то, что действие, выраженное им, ограничено, достигает конечного предела, в то время как для формы глагола несовершенного вида это не характерно. Такое определение оказывается узким в теоретическом отношении, к тому же оно является неудовлетворительным и в практическом употреблении русского языка иностранцами. Дело в том, что рассматриваемые дефиниции не могут дать характеристики, например, нейтральным случаям употребления глагольных форм, транспозиции и, пожалуй, случаям асемантического употребления этих форм. Об анализе одного такого случая речь пойдет ниже.

2. Рассматриваемые ниже глаголы при выражении начала действия по сравнению с содержанием предыдущего предложения характеризуются определенным дополнительным смысловым оттенком: а/ Все заняли свои места. Можно отправляться; б/ Уже ровно девять часов. Надо начинать урок; в/ Все уже высказались. Можно собрание закрывать; г/ Сейчас начнется фильм. Надо включать телевизор. В этих случаях нерусские на основе вышеприведенного определения формы глагола несовершенного и совершенного вида не могут употреблять форму глагола несовершенного вида. Мало того, имеются налицо все основания для употребления формы совершенного вида.

Действительно, на первый взгляд кажется, что все приведенные выше примеры как бы соответствуют общей характеристике глаголов совершенного вида, которую обычно называют качественным признаком: кажется, что действие завершается в любом

отдельном случае, достигает своего предела, причем и потому, что в контексте действия по времени следуют один за другим и полностью исчерпываются, -- ведь автобус может отправиться, скажем, лишь после того, как все пассажиры заняли свои места; логично можно думать о закрытии собрания после того, как уже высказали свое мнение и т.д. И, как известно, ход событий, когда одно завершенное действие сменяется другим завершенным действием, требует употребления именно формы совершенного вида. /ср.: Подул легкий ветер, темная туча покрыла небо, сверкнула молния, раздался гром; Когда ученики окончили школу, они уехали в летний лагерь/.

Бесспорно, в вышеупомянутых случаях должна употребляться форма несовершенного вида, вследствие чего возникает как бы противоречие между формой глагола и содержанием, который он выражает /содержание включает в себя завершенность действия, одноразовую сущность/.

Для того чтобы нерусские правильно толковали эту проблему, рекомендуется исходить из количественной характеристики глагольных видов, иными словами, действие должно рассматриваться во времени в ходе процесса или повторяемости. Если говорить конкретнее, здесь уместно сослаться на аналогию с т.наз. фазисными /периодическими/ группами глаголов, то есть рассмотреть такие глаголы, в которых содержится начало, процесс и окончание действия и, вследствие этого, действие может быть выражено лишь формой несовершенного вида. Наряду с этим следует заметить, что количественная характеристика действия является понятием более высокого ранга, чем понятие фазисного глагола. А именно: если глаголы спать, начать, продолжать и др. обозначают действие в своем процессе, то глагол кончать выражает прекращение действия, так как оно достигло конца; вместе с этим логично, что этот глагол относится скорее к семантике глагольных форм совершенного вида. Включе-

ние подобных глаголов в группу фазисных глаголов, таким образом, является результатом грамматической абстракции, которая превалирует над лексическим значением, присущим этому глаголу.

Как бы то ни было, глаголы, выражающие оттенок начала действия, на основе количественной характеристики глагольного вида совпадают с фазисными глаголами; это характерно для всех глаголов.

Очевидно, аналогии могли бы способствовать здесь, с одной стороны, подходу фазисного значения начала действия, а с другой стороны -- переходу одного действия в другое, уже завершённое действие, к которому можно или должно приступить. Другими словами, кажется, что во внутренней структуре уже упомянутых глаголов, которые выражают оттенок приступа к действию, как правило, присутствует фазисный глагол начинать. Этот глагол в следующем предложении предполагает употребление формы несовершенного вида; напр. В нижеследующей поверхностной структуре: "До отъезда остался один день. Надо укладывать вещи". "Все уже пообедали. Можно убирать посуду." в глубине плоскости соответствуют структуры с глаголом начинать во второй части, которые указывают на появление содержания первой части: "Надо начинать укладывать вещи"; Можно начинать убирать посуду." Правда, не всегда имеется возможность непосредственно демонстрировать наличие фазисного глагола, ср.: "Все пришли? можно начинать урок" /нельзя сказать: можно 'начинать начинать' урок/, это, однако, в принципе совершенно не исключает построения совершенно аналогичных конструкций, которые непременно содержат в себе фазисный глагол.

Естественно, аналогия довольно сильно дает почувствовать свое влияние и в кругу фазисных глаголов в том смысле, что целый ряд глагольных лексем, -- в соответствии с нормами современного словоупотребления, -- требует использования формы глагола несовершенного вида: привыкать -- привыкнуть, от-

выкать - отвыкнуть, приучать - приучить, отучать - отучить, учиться - научиться, надоедать - надоесть, наскучивать - наскучить, уставать - устать, избегать, понравиться, полюбить, разлюбить. Часть этих глаголов, как правило, выражает продолжительное действие /ср.: привыкать/; в том случае, если использовать форму их совершенного вида, то именно вследствие продолжительного процесса эти глаголы выражают достигнутый результат /ср. привыкнуть/. Наряду с этим целый ряд глаголов по смыслу легко причисляется к фазисным глаголам, ср.: понравиться, полюбить, где приставка по- выражает окончание действия, в то время как конструкции начать нравиться, начать любить или разлюбить и перестать любить указывают на начало действия.

Привлечение целого ряда новых единиц в сферу глаголов, обладающих фазисной семантикой, точно так же, как и развитие близких оттенков, сигнализирующих начало действия, и прочие другие причины, приводящие к чрезвычайно важным последствиям, позволяют сделать вывод о том, что в русском языке все более начинают распространяться употребление глаголов несовершенного вида. Из этого следует, что вышеупомянутые факты аналогии выступают не вследствие колебаний отдельных категорий, а скорее в результате системной конкуренции глаголов несовершенного вида, возникшей в системе глагольных видов.

В связи с этим стоит обратить внимание на то, что Р. Якобсон при перечислении категорий русских глаголов вид глаголов называет "квантификатором", очевидно по той причине, что в общей системе аспектов значительно возрос качественный характер их удельного веса. Если принять такое понимание проблемы, то глаголы, обозначающие начало действия, занимая место в один ряд с семантико-грамматическими фазисными глаголами, даже и в формальном отношении означают не что иное, как тот факт, что в русском языке возросла роль квантификации, что еще раз является доказательством количественного характера глагольных видов на современном этапе развития аспектов. В

противовес этому многие аспектологи подчеркивают относительный качественный характер глагольных видов.

3. Понятие видов глаголов мы можем лучше всего осветить таким образом, если исходить из того, что завершенный - незавершенный, результативный - нерезультативный, продолжительный - одноактный, единичный - повторяющийся способы действия /Aktionsarten/ выражают признаки действия, обозначают качество действия, в то время как глаголы совершенного и несовершенного вида являются терминами грамматических категорий, носителями значений отношений.

Чтобы понять сущность вышеназванных значений отношений, рассмотрим два цитируемых здесь следующих предложений:

Николай сказал: -- Эх вы, горе-повара! /Чехов. Мужики/

Ольга... говорила: -- Бог милости прислал!

Оба высказывания прозвучали в одинаковой ситуации, то есть кто-то начал говорить, делает замечание, которое не является добавлением к раннему высказыванию и не является отправным пунктом нижеследующего высказывания. Следовательно, оба сообщения как действие можно квалифицировать одинаково, поскольку они совпадают даже и по своей продолжительности. Оба сообщения прозвучали только один раз, и оба являются единичными действиями, ни одно из них не повторяется вновь.

С точки зрения говорящего /писателя/ оба сообщения представляют собой законченное действие, поскольку, с одной стороны, цитата содержит целое сообщение, а с другой стороны -- оба сообщения -- по отношению к речевой ситуации писателя -- предвременны /= в прошлом/.

С точки зрения результативности оба сообщения также являются равноценными: произошла коммуникация и, таким образом, имеется результат, а именно: одно сообщение не имело конкретного результата, ведь оба сообщения содержат только замечание.

В отношении внутренних пределов оба действия также явля-

ются одинаковыми, то есть оба сообщения имеют начало, процесс и конечную точку.

Но несмотря на все вышеперечисленные совпадения для обозначения одного и того же "действия" /высказывания/ писатель в одном цитированном предложении употребляет форму совершенного вида глагола, а в другом -- форму несовершенного вида. Совершенно очевидно, что в этих двух конкретных случаях разграничение не может быть направлено на действие, так как оба действия по всем параметрам одинаковы. Однако, кроме ситуации, действия, мы можем опираться лишь на единственный фактор, -- на писателя, говорящего, который "отчитывается" своему читателю о ситуации, о действии. Третьего фактора нет. Если же писатель /говорящий/ решает, какую форму ему выбрать, тогда очевидно, что со своей стороны, он с помощью выбранной формы желает что-то выразить. Форма, таким образом, обязательно должна выражать какое-то отношение говорящего к действию. Какое же отношение может быть между говорящим и действием? Чтобы решить этот вопрос, проследим несколько таких конкретных действий, которые имеют начало, продолжительность и завершенность /конец/ и сравним значения их форм прошедшего и будущего времени:

шить платье -- сшить платье; -- megvarrta a ruhát /megvarrat egy ruhát/,

будет шить платье -- сошьет платье: ruhát fog varmi, megvarrja a ruhát, fog varmi egy ruhát -- magvarr egy ruhát,

читал роман -- прочитал роман: olvasott egy regényt -- elolvasott egy regényt,

будет читать роман -- прочитает роман: olvasni fogja a regényt -- elolvassa a regényt,

решал задачу -- решил задачу: foglalkozott a feladat megoldásával -- megoldotta a feladatot,

будет решать задачу -- решит задачу: foglalkozni fog a feladat megoldásával -- meg fogja oldani a feladatot.

Эти примеры ясно показывают, что глаголы совершенного вида означают выполнение действия в целом /в прошедшем и будущем времени/, в то время как глаголы несовершенного вида указывают только на то, что происходило между началом и окончанием действия.

Сообщение является передачей мысли говорящего путем языковых знаков. Формы совершенного и несовершенного видов глаголов, таким образом, обозначают мысли говорящего, предмет его внимания. И здесь раскрывается отношение между действием и говорящим. Говорящий в одной ситуации концентрирует свое внимание на действие в целом, а в другой ситуации - на процесс действия и направляет внимание слушателя, читателя.

Глагольный вид, таким образом, выражает отношение говорящего к данному действию, а точнее, сосредоточивает ли он внимание на действие в целом, наблюдает ли действие, видит ли говорящий перед собой действие /совершенный вид/, или же его кругозор охватывает тот отрезок действия, который проходит между его началом и окончанием /несовершенный вид/.

Если процесс действия выражен формой глагола несовершенного вида /напр.: я переписываю, я переписывал/, тогда говорящий находится как бы в струе процесса. Он не видит ни его начала, ни конца, и, следовательно, не может выразить этот процесс завершенным, целостным действием. В данном случае точку зрения говорящего можно сравнить с точкой зрения участника первомайской демонстрации. Этот участник вместе движется с толпой, он не видит ни начала демонстрации, ни ее конца. Если же мы выразим действие формой глагола совершенного вида /напр.: я переписал/, то говорящий словно бы стоит вне процесса, выраженного этим глаголом: вследствие этого процесс он рассматривает как единое целое. В этом случае позиция говорящего напоминает позицию людей, которые во время demonstra-

ции стоят на праздничной трибуне: они видят и начало и окончание демонстрации, так что демонстрация вызывает в них полное впечатление. Графически эти две формы вида можно изобразить следующим образом:

Несовершенный вид /в дальнейшем: НСВ/:

-----X-----
говорящий

как бы находится в самом процессе.

Совершенный вид /в дальнейшем: СВ/:

-----X-----
говорящий

находится как бы вне процесса, он его рассматривает в своей целостности.

Выводы относительно характера форм глаголов СВ и НСВ мы сделали, исходя из анализа форм СВ и НСВ таких глаголов, которые означают действия, характеризующиеся началом и окончанием. Вопрос состоит в том, действительна ли эта констатация для любого действия, которое может означать русский глагол. Ответ на данный вопрос даст анализ форм глаголов СВ, выражающих начало, комплексивность, состояние и бытие.

4. Только такое действие можно рассматривать в его целостности, у которого есть начало и окончание, то есть у которого имеются /временные/ внутренние пределы /ср.: сшить платье/, а также можно рассматривать такое состояние, не имеющего внутреннего предела, которое говорящий или другие обстоятельства помещают во временные рамки /пределы/, ср.: посидеть, проработать два часа. Без ограничения не существует глаголов СВ. Это так и есть. Однако ошибочно заключение, согласно которому сущность СВ состоит в ограниченности действия: дело в том, что граница является признаком действия, а НСВ и СВ глаголов -- грамматическая категория, выражающая с помощью грамматических средств отношение говорящего к

действию.

5. Исходя из вышеприведенного определения видов глаголов, легко можно вывести ошибочное заключение, по которому выбор формы глагольного вида зависит исключительно от субъективности говорящего. Однако дело обстоит далеко не так.

Во-первых, форма глагольного вида -- это один из элементов мысли говорящего, ее мозаичный компонент. А в этот мысленный образ не одинаково вписываются ни один из глагольных видов. Форма языкового выражения /материальная оболочка мысли/, можно сказать, рождается вместе с мыслью. То есть, это не самоволие говорящего, а выражающаяся, формирующаяся в его сознании мысль проводит выбор формы глагольного вида. /Даже и такие формы, которые, на первый взгляд, имеют одинаковое значение, как например, уже упомянутые сказуемые говорил - сказал, -- указывают на определенное различие в оттенках значения. Глагол говорила подчеркивает скорее то, как прозвучало замечание, а глагол сказал подчеркивает то, что прозвучало./

Однако, кроме этого, в направлении внимания говорящего, в определении формы глагольного вида играют роль и многие другие факторы. Перечислим здесь наиболее важные из них:

а/ Формы, выработанные /а также и невыработанные/ русским народом, например, действия, выраженные формами одновидовых глаголов, или пересказ ряда событий, произошедших в прошлом, в форме воображаемого настоящего времени;

б/ Образ мышления русского народа, который в ходе многовекового развития некоторые значения связал с определенными формами глагольного вида, например, запрещение выражается не + форма глагола НСВ, предупреждение -- не + форма глагола повелительного наклонения СВ;

в/ Различные временные отношения между действиями, протекающими в действительности /или в воображении говорящего/ и т.д.

6. В статье уже говорилось, что на основе новейших исследований глаголы СВ обозначают действие в своей целостности, как некое замкнутое, завершённое событие, в то время как глаголы НСВ в сравнении с этими особенностями ведут себя нейтрально, при этом не отрицая этих особенностей. Другими словами в этом случае обычно говорят о тотальном -- нетотальном виде глаголов. Эта теория имеет очень давние исторические предпосылки, однако более обширное и ясное изложение вышеупомянутой теории было проведено двумя советскими лингвистами -- Ю. Масловым и В. Бондарко. Но, по мнению одного нашего отечественного аспектолога, эта теория не оправдывает себя. Исследователь аргументирует свои выводы следующим образом: форма глагола писать не выражает тотальности, а глагол исписать выражает тотальность, и все же эти две формы глагола не образуют видовую глагольную пару. В этом случае речь может идти, очевидно, о недоразумении, ведь основой теории аспектуальности является требование, по которому видовую пару могут образовывать лишь два таких глагола, которые обладают одинаковым лексическим значением. Эту точку зрения поддерживает и Е. Кошмидер, когда пытается определить сущность аспекта с помощью двух возможных временных направлений одного и того же действия. Мало того, даже и наш, только что упомянутый аспектолог, когда сущность аспекта видит в том, что действующее лицо рассматривает то же самое действие /а также в коэссивной и постэссивной ситуации/, как и по мнению Ю. Маслова -- суть аспектуальной противоположности состоит в том, что говорящий может рассматривать то же самое действие /естественно в пределах трех типов: характеристика действия, образ мышления русского народа и границы развития языка/ в глобальности его происхождения. Глаголы писать -- исписать -- это два глагола, они обозначают два различных действия, следовательно, и речи не может идти о том, могут ли они образовать видовую пару -- ни по одной теории, ни в том

числе, по теории тотальности - нетотальности. К этому добавим следующее: русские и иностранцы, говорящие на русском языке, не могут абстрагировать категорию глагольного аспекта от его значения; можно сказать, человек мыслит, имея в виду аспект, ему необходимо так мыслить. Вынуждает его так поступать современное состояние языка, потому что любой глагол и любая форма глагола -- наряду с прочими значениями -- несут в себе также значение аспекта. И, таким образом, из природы категории аспекта следует, что совокупность форм русских глаголов разделяется на две большие группы глаголов СВ и НСВ. Каждый глагол одной группы -- по своему аспекту -- противопоставлен каждому глаголу-члену другой группы. Из этого, однако, не следует, что любой член одной группы образует видовую пару с любым членом второй группы. Общеизвестно также, что видовые пары глаголов, имеющих несколько значений, не во всех своих значениях тождественны между собой. Достаточно сослаться лишь на один пример: обвинять -- обвинить. Но два таких действия, которые обозначают глаголы писать и исписать, не близки друг к другу более, чем два значения глагола заносить /ср.: занести -- заносить и занашивать -- заносить/ или действия, обозначенные глаголами забегать и забегать. /В образовании видовой пары вышеупомянутых глаголов они стоят далеко друг от друга, как, например, два любых глагола различного аспекта, см.: глаголы писать -- увидеть/. Основу недоразумений, очевидно, составляет то обстоятельство, что не делается разграничения аспектов от способов действия, а это является сутью всех аспектологических теорий. Что же касается противопоставления коэссивной и постессивной ситуаций тотальности - нетотальности, ошибочной отправной точкой исследователей является то, что коэссивная и постессивная теория видит в аспекте выражение отношения действующего лица к действию, в то время как по теории тотальности - нетотальности аспект выражает отношение говорящего к действию. Из значения тотальности - нетотальности следует постессивная-

коэссивная ситуация действующего лица, но постэссивная-коэссивная ситуация действия не приводит /или необязательно приводит/ к тотальности - нетотальности. Следовательно, если какой-либо исследователь признает, что глагол писать выражает тотальность, а глагол исписать -- нетотальность, то в этом случае, собственно говоря, он отрицает свою собственную теорию, поскольку признает, что аспект выражает отношение говорящего к действию. Наш аспектолог заблуждается также и с логической точки зрения, когда к сторонникам теории тотальности - нетотальности он применяет следующий силлогизм: члены видовой пары находятся в отношении тотальности - нетотальности; глаголы писать -- исписать находятся в отношении тотальности - нетотальности, следовательно, глаголы писать -- исписать образуют глагольную, а также аспектуальную пару. Из этого ошибочного силлогизма действительно следует точка зрения вышеупомянутого аспектолога: поскольку конклюденция противостоит действительности, то, следовательно, теория тотальности - нетотальности ложная. Нам вновь необходимо подчеркнуть, что здесь, по крайней мере, речь идет о добронамеренном, невинном заблуждении, так как отправная точка теории тотальности - нетотальности, как впрочем, и других теорий аспектуальности, следующая: аспектуальную пару образуют две такие глагольные формы, которые совпадают во всем, но в отношении тотальности - нетотальности являются противоположными. Иными словами, аспектуальную пару образуют два таких глагола, которые имеют одно и то же лексическое значение, но с точки зрения тотальности - нетотальности они являются различными, противоположными. Бесспорно, что со стороны нашего аспектолога, первая премисса заключений, выведенных сторонниками теории тотальности - нетотальности, является ложной, она не соответствует действительности и, таким образом, оказывается ошибочной и конклюденция, которая диаметрально противоположна основам теории аспектуальности и противостоит так-

же и точке зрения последователей теории тотальности - нетотальности. В соответствии с отправным силлогизмом отечественного аспектолога и на основе теории тотальности - нетотальности, аспектуальную пару образуют два таких глагола, которые имеют одно и то же лексическое значение, но в отношении значения тотальности - нетотальности они противоположны. Но поскольку глаголы писать -- исписать по своему лексическому значению различны, -- они заведомо не могут образовывать аспектуальную пару. Следовательно, в том смысле, какие глаголы в русском языке образуют пары, аспектуальные пары, обе теории различий не показывают.

7. Как мы видели, понятие "завершение" /конец/ предполагает, но не содержит в себе понятия "начало" и "процесса", в то время как понятие "целое" не только предполагает, но и содержит в себе понятие "части", -- в данном случае речь идет о понятии "начала", "процесса" и "конца".

Вопрос теперь состоит в доказуемости следующего: может ли означать какой-нибудь глагол СВ завершенность, не охватывая при этом начала и процесса? Контекст определенного рода доказывает это. Например:

а/ Я читал книгу так долго, пока не прочитал ее;

б/ Я уже купил тот дом, который я покупал вчера.

Форма глагола СВ обозначает "целое" действие, то есть она предполагает и начало, и процесс. Поэтому мы считаем, что в предложении: "Как только /когда/ я прочитал его письмо, он звонил мне" -- глагол прочитал выражает действие "в целом" /все действие/, т.е. я прочитал письмо/до конца!/. Но если в контексте глагол СВ может быть заменен соответствующей формой глагола НСВ, тогда получим следующее высказывание: "Когда я читал его письмо, он звонил мне". В этом случае различие между значениями форм СВ и НСВ состоит всего лишь в том, что в форме глагола СВ выражается завершенность действия /начало и

процесс действия выражаются также и в форме глагола НСВ/.

Определение завершенности действия зависит от цели действия: "Когда я прочитал газету, я шел спать" /miután elolvastam..., végig olvastam.../

В связи с этим необходимо упомянуть и о так называемых антитерминативных /т.е. не связанных с целью/ действиях. В таких случаях, по мнению одних исследователей, действие выражает прерывистость, что является, однако, спорным, поскольку здесь идет речь об Aktionsart /сидеть -- посидеть/, а не о глагольном виде, не об аспекте.

В относительных придаточных предложениях форма глагола СВ однозначно выражает завершенность действия, в то время как форма НСВ может выражать как завершенность, так и процесс. Так, например, употребление формы глагола НСВ в предложении: "Он ничего не знал о письме, которое я писал тебе" -- является единственно правильным в том случае, если действие не завершено /... которое я тогда как раз писал/, и все же такое употребление двусмысленно, потому что эта форма глагола может быть употреблена и в том случае, если написание вышеупомянутого письма уже завершилось /... которое я "на"писал моей тете/. Конечно, употребление формы глагола СВ /написал/ придало бы значению глагола полную однозначность.

В некоторых контекстах может быть использован лишь глагол НСВ, хотя в других контекстах действие может считаться и завершенным. Например, предложение: "Играли /передавали/, исполняли "Русалку" с точки зрения действия является двусмысленным. /"сы"грали или именно в тот момент играли/.

8. Как известно, не каждый глагольный аспект имеет пару, поэтому данную проблему можно было бы развивать дальше, но сейчас мы оставим ее в стороне, и только проиллюстрируем ее на одном примере: "Он не знал ничего о кошке, которую мы имели" /...amely nekünk "még" meqvolt; или: amely nekünk meqvolt, а также:

которая в момент незнания еще была
которой в момент незнания уже не было.

Здесь встает вопрос: верно ли считать глаголами НСВ те глаголы, у которых нет формы СВ и, таким образом, они пригодны как для обозначения завершенного, так и для обозначения процессуального действия. Наверное, правильнее было бы в этом случае говорить -- в противоположность обычному толкованию -- о глаголах, имеющих двойной аспект.

Как видим, определение сути русских аспектов, их употребление являются чрезвычайно трудной задачей. Не случайно заметил В.Г. Белинский: "Виды составляют краеугольный камень здания русских глаголов". Абсолютные дефиниции, как мы уже ссылались на это, -- редки и относительны. Можно ли, например, сказать, что процессуальное действие выражается лишь формой глагола НСВ? Нет! Что же касается "всего" действия, то есть границы завершения действия, начало действия также может рассматриваться как целое, на что также мы уже ссылались в данной работе. Одним словом, глаголы СВ всегда имеют определенное значение /начало-продолжительность-конец/, а глаголы НСВ на это не указывают.

9. Венграм, изучающим русский язык, главным образом, следует учитывать то, что перед глаголами СВ нельзя употреблять глагольную связку в будущем времени, то есть нельзя сказать 'я буду написать тебе письмо'.

Поскольку аспект является грамматической /а, по мнению некоторых исследователей, морфологической и синтаксической/ категорией, sine qua non аспекта тождественно /или, по крайней мере, приближаются друг к другу/ лексическому значению. /Разумеется, имеется и такое мнение, согласно которому аспект в равной мере является как грамматической, так и лексической категорией./ Если же, однако, от аспекта отграничим способы действия, -- а по-другому, на наш взгляд, поступать невозможно, -- то эта констатация опровергает себя.

10. Все ученые выражают согласие в том, что глагольный аспект НСВ является славянским нововведением, потому, что в других индоевропейских языках соответствующие девербативы при действиях не образуют дистинкции процесс-завершенность.

11. При изучении материала по данной теме, опираясь на собственный опыт, естественно, многое еще можно было бы говорить о глагольных аспектах. Мы не стремились к полноте изложения темы. В заключение, однако, позволим сделать несколько замечаний. Об аспектах мы можем говорить лишь в том случае, если от формы глагола СВ путем суффиксации можно образовать форму глагола НСВ, например, переписать -- переписывать, а также -- в случае супплетивных образований, например, брать -- взять. Последний случай уже оспаривается многими лингвистами. Если перед глаголом поставить префикс, то этим способом выражается либо новое явление действительности, например: строить -- устроить, либо возникают новые Aktionsart, либо такие глаголы, которые отличаются от основных глаголов не в том, что выражают какое-то новое, реальное явление, а в том, что они по сравнению с основными глаголами выражают другие оттенки их лексических значений, например, строить -- построить, смеяться -- засмеяться. Если все это учитывать в процессе обучения, то будет означаться, что т. наз теория "пустых" предикатов /Ю. Маслов/ несодержательна /см.: делать -- сделать/, и, как мы уже говорили, строго следует отделять аспекты от способов действия. И все же остается множество спорных вопросов, хотя некоторые из них уже упоминались в данной работе. Отметим их еще раз: какая семантическая противоположность соответствует противоположности форм НСВ и СВ? В чем заключается суть аспектуальной пары? Являются ли различные глаголы членами аспектуальной пары, или же они только грамматические формы одного и того же глагола? Способы образования аспектов, их системати-

зация, какова ситуация с т.наз. глаголами движения, перемещения и т.д. и т.п. Несомненно, виды русских глаголов нуждаются в дальнейших исследованиях, так как где мы найдем такой язык, который так прекрасно мог бы выразить суть видовой системы русских глаголов, как следующее предложение: "Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее". /В. Виноградов, 497/.

НЯКОИ СЛУЧАИ НА ВОКАЛНА ХАРМОНИЯ В СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ ЕЗИК

Константин Босилков /София/

О. Престоят ми в Сегед като лектор в местния университет ме подтикна да търся паралели между такива "отдалечени" езици, според традиционните класификации, каквито са унгарския и българския. До оловка, доколкото историческите и, като следствие на тях, лексикалните взаимодействия между нашите два народа и езици, са сравнително добре проучени, насочих усилията си предимно да търся типологически паралели в начините на граматично изразяване. Оказа се, че аглутинацията, която типологически характеризира унгарския език, е много широко застъпена и в българския -- факт, на който почти не е обръщано внимание в българистиката¹.

Типологическите сродства на унгарски и български обаче, като че ли не се изчерпват само с някои успоредици в начините на граматично изразяване.

1. В тази скромна по обем и претенции бележка ще засегна въпроса за вокалната хармония, която е типична за аглутинативните езици, респ. за унгарския, но се проявява в ограничени случаи и в български.

1.1. При членуването на имената в българския език, едно явление, което има явно аглутинативен характер, се наблюдава, макар и непълна, вокална хармония.

Преди разглеждането ѝ обаче е необходимо специално да се изтъкне, че от гледище на диахронната граматика членуването в съвременния български език намира опора в старобългарските постпоставени показателни местоимения и затова техните съвременни форми -- вече като аглутинирани морфеми -- са преди всичко морфологически мотивирани.

1.1.1. Тъкмо това обстоятелство, в съчетание с непоследователно прокарания принцип за вокална хармония при членуването, ме накара да възразя на Г. Балаж, който пръв ми обърна внимание върху явлението. По-късно, пак в устен разговор, А. Александров също подреши идеята за вокална хармония при членуването като се позова и на П. Пашов. За съжаление, тук в Сегед, тази работа на П. Пашов ми е недостъпна и неизвестна /ако изобщо е публикувана/. Все пак, единството в мненията на тези трима специалисти, на които безспорно принадлежи приоритета и заслугата за находчивото наблюдение, ме подтикна да се вгледам по-старателно в явлението и да открия някои примери, които го подкрепят. Впрочем, оказа се, че още С. Стоянов пише за Частична зависимост на членната форма от предходната гласна, без да разглежда обособено това явление².

1.2. За прегледност, нека да се разгледа последователно членуването при съществителните и прилагателните от гледище на вокалната хармония, а накрая да се извлече обобщението.

1.2.1. Съществителни

1.2.1.1. При съществителните от м.р. ед.ч. вокалната хармония не е принцип, а е случайно явление. Срв. мъжа/-ът/, слова/-ът/, въздуха/-ът/, но наред с тях -- и многобройни случаи като сина/-ът/, човека/-ът/, листа/-ът/... Единствено в случаите, когато в окончанията на съществителните от м.р. се крие исторически мека съгласна, може да се допусне съвсем хипотетично, че принципът за вокална хармония при членуването все още задържа, иначе загубената, краесловна мекост на съгласната. Това се отнася предимно за суфиксалните образувания на -тел. Срв. учител/т/, родител/т/ и познатите едносрични съществителни като кон, цар...

1.2.1.1.1. Специално внимание обаче трябва да се отдели на онези съществителни от м.р. ед.ч., сравнително малобройни, които окончават на -а от типа на вития, владика, съдия... Те

придобиват членна форма -та и това явление трябва да се ока-
чества безспорно като влияние на принципа за вокална хармо-
ния. Тук е неуместно да се търси граматичност при членуване-
то както е напр. при момче, момиче /момчето, момичето, неза-
висимо от половата разлика, която лежи в основата на катего-
рията род/, защото и двете имена принадлежат на граматическия
Ср.р. и членуването им се подчинява на морфологичния принцип,
който е общо положение. Думи от типа на момче, момиче законо-
мерно се съчетават с определения също в ср.р. Срв. едното /до-
брото/ момче или момиче. Случаите от типа на владика, съдия,
независимо от формата си, принадлежат към м.р. и се съчетават
с определения също в м.р. Срв. добрия/т/ владика, справедли-
вия/т/ съдия и въпреки това придобиват членна форма -та. Този
факт не може и не трябва да се обяснява като форма за ж.р.
/поне от синхронно гледище/, а е явен аглутинат, подчинен на
вокалната хармония. /За сравнение -- виж по-нататък членуване-
то на съществителни от ж.р. ед.ч., окончаващи на съгласна --
1.2.1.2. -втори абзац/.

1.2.1.2. При членуването на съществителните имена ж.р. ед.
ч. вокалната хармония е очевидна, но тя е морфологически моти-
вирана, защото мнозинството съществителни от ж.р. окончават на
-а, -'а, -я. Срв. жената, лопатата, земята, змията...

При малкото случаи, когато съществителните от ж.р. окон-
чават на съгласна, за вокална хармония е неуместно да се гово-
ри, защото те се подчиняват закономерно на морфологичния прин-
цип при членуването. Срв. пръстта, калта, но и пролетта, есен-
та...

1.2.1.3. Аналогично е положението и със съществителните
в ср.р. ед.ч., където вокална хармония се проявява при оконча-
ние -о -- делото, селото..., но не и при окончание -е -- дете-
то, полето... Следователно и в този случай членуването е гра-
матически мотивирано.

1.2.1.4. Членуването на съществителните от м.р. и ж.р. в множествено число е унифицирано в морфемата -те и съществуващата вокална хармония отново трябва да се разглежда като случайна. Срв. мъжете, жените, учителите, учителките...

1.2.1.5. За разлика от тях, при членуването на съществителните от ср.р. в множествено число с -та, определено се съзира влияние на принципа за вокална хармония. Срв. децата, лалетата, поля/ета/та... Този тип на членуване едва ли е уместно да се обяснява като наследство от стария Dualis, т.е. на морфологична основа. По-приемливо изглежда фонетичното обяснение, особено в съпоставка със стремежа към унифициране на множествената форма, който личи при м.р. и ж.р.

1.2.1.6. При членуването на съществителните pluralia tantum отново се наблюдава закономерна вокална хармония. Срв. клещите, плещите, но очилата, хората.

1.2.2. Прилагателни и числителни /определения/

1.2.2.1. В унифицирания определителен член на прилагателните в м.р. ед.ч. -я/т/ може да се допусне влияние на вокалната хармония в йотацията, вместо очакваното -а /-ът/, но от друга страна, йотацията при съчетание -иа в краесловие е по-общ фонетичен принцип в българския език. Срв. първия/т/, добрия/т/, но и комедия, история.

1.2.2.2. При прилагателните от ж.р. ед.ч. вокалната хармония е налице, но тя трябва да се окачестви отново като случайна. Срв. едната, първата, добрата...

1.2.2.3. Същото се отнася и за членуването на прилагателни в ср.р. ед.ч. Срв. едното, първото, доброто...

1.2.2.4. Множествената форма на определителния член за прилагателните е унифицирана -те. Срв. едните, първите, добрите /мъже, жени, деца/. В съпоставка със съществителните, тази унификация отново подкрепя идеята за вокална хармония при членуването на съществителни от ср.р. в множествено число.

1.3. Изложените наблюдения пораждат следните изводи:

1.3.1. В мнозинството от случаите, при членуването в съвременния български език е налице вокална хармония в резултат на граматична мотивираност. Все пак, тези случаи имат статистически превес и висока фреквентност и по тази причина създават образец за вокална хармония при членуването изобщо.

1.3.2. Отклонения от този образец за системност се наблюдават главно при съществителните и прилагателните от м.р. ед.ч., при съществителните от ср.р. ед.ч., окончавщи на -е.

1.3.3. Фонетично мотивираната вокална хармония се наблюдава при членуването на съществителните от среден род в множествено число, при съществителните *pluralia tantum* и при съществителните от м.р. ед.ч., окончавщи на -а, -я. Може да се обобщи, че окончание -а, -я на нечленувани съществителни /в единствено и множествено число/ изисква членна форма -та по силата на вокалната хармония, без оглед към родовия или числов признак.

2. При друго -- явно аглутинативно явление в българския език -- деепричастието, образувано със суфикс -йки също се наблюдава частична вокална хармония.

2.1. Глаголите от първо /е-/спрежение закономерно образуват деепричастия на -ейки. Срв. четейки, пишейки, смеейки се...

2.2. Странно е обаче, че глаголите от второ /и-/спрежение се подвеждат по същия модел и образуват деепричастия отново на -ейки: ходейки, мислейки, търпейки... Това може да се обясни като стремеж към унификация, но е допустимо също, че звукът [e] в български е неутрален към вокалната хармония, така както звукът [i] в унгарски.

2.3. Независимо от явния стремеж да се унифицира формата на деепричастието като -ейки всички глаголи от трето /а-, я-/спрежение задържат основната гласна и така се получават вокал-

но хармонични форми като падайки, пускайки... И тук обаче се наблюдават отклонения като гледайки, стреляйки... и, забележително е, че те пак са свързани с, може би, неутралния към хармонията звук [e].

4. Като заключение може да се каже, че вокалната хармония не е принцип при граматичното словообразуване в българския език, но все пак тя се проявява и то тогава /!/, когато е на лице и явна аглутинация. При това, доколкото е застъпена като закономерност, тя се влияе изключително от предходен вокал [a], а пък гласната [e] се държи като безразлична към вокалната хармония.

Бележки

1. К. Босилков. За аглутинацията в граматичната система на съвременния български книжовен език. -- In: *Dissertationes Slavicae. Sectio linguistica*. XVIII. 1986 /под печат/.
2. С. Стоянов. Граматика на българския книжовен език. III изд. София, 1980, с. 237.
3. Аналогично може да се обясни и формообразуването на сегашното деятелно причастие. Срв. пишещ, мислещ, но рисуващ.

APPROACHES TO HISTORICAL TYPOLOGY OF MORPHOSYNTAX
PAST AND PRESENT

László Dezső

The terms figuring in the title of the paper need clarification. "Typology" is used in its broad sense including the study of types, general or universal grammar, the type of language and typological characterization, but the study of types and typological characterization will be relevant in most approaches to historical grammar in both the historical and comparative aspects. "Morphosyntax" includes a wide range of linguistic phenomena from some relevant problems of morphophonemics to the order of meaningful elements /cf. Coseriu 1983, 270/.

In the 19th century the empirical base of linguistics and especially that of grammatical typology consisted of information on morphology, especially on paradigms and their function in the sentence. In this century information available on syntax has been greatly increased but the aspects of its presentation are far less uniform than is the case with morphology. Thus even at present, morphosyntax remains the most reliable source for typological research. In the last decades grammatical theory and typology have been oriented to syntax and questions of morphology have been far less studied. The questions of morphosyntax should be reconsidered in the context of present-day typology. Before or parallel to this we should look back at the history of research in order to use the lesson in the present and in planning the future.

At present, in our work on the computer base of the project "Encyclopedia of the Languages of the World", we have an enormous amount of reliable information on morphology and

morphosyntax which can be and will be generalized in a structural-functional approach. The information "beyond" morphosyntax is far less complete and systematic. This is true not only in synchronic but also in diachronic aspect. In order to meet the challenge presented by the information at our disposal, I turned to the past to learn its lesson.

Here, I can present only some views of six scholars from the 30-ies of the 19th century up to the 80-ies of this century. I selected only one monograph from each of them /for details see Dezső 1987/.

Humboldt's Kavi -- work

First, I shall comment on Humboldt's Kavi -- work /after the German Kavi -- Werk/: Über die Kavi-Sprache auf der Insel Jawa nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. /I. Band 1836, II. Band 1838, III. Band 1839/. The independence and importance of the introduction is indicated in the title. Thus, the separate publication of the introduction is justified. The study of the introduction without regard to the rest of the Kavi -- work is less acceptable. The "Verschiedenheit" gives a final shape to Humboldt's theory of language and his typology, and can, therefore, be treated separately. Still it is a part of the Kavi-work which illustrates the application of the author's approach to language and civilization on the material of Malay-Polinese languages and the civilization of Java. Humboldt's views, exposed in an abstract way with philosophical implications in the introduction, become clearer in their application. From the point of view of the Kavi-work, which is the topic of our discussion, the introduction must be considered as its integral part. Humboldt does not repeat his typological statements in the rest of the work, but he applies

them in the description of Kavi and Javanese and in the comparison of Malay-Polinese languages.

The first book /Buch/ deals with the historical, cultural, and especially religious contacts between India and Jawa /1--312 of the first volume/. In the second and third volumes Humboldt studies Kavi /the second book: 1--206/, and the Malay-Polinese language group /the second and third book: 205--1028/. A big part of the third book was written by Buschmann /from page 569/. The study of Kavi and of the Malay-Polinese languages, probably, had a considerable effect on the development and final shaping of Humboldt's theory. This possibility, as well as the fact that Humboldt was the founder of Malay-Polinese comparative linguistics, is usually not considered. This group of languages required the modification of comparative methodology applied by Humboldt's contemporaries to the ancient Indo-European languages. Javanese was the only language the earlier stage of which was known in Kavi /10--13 centuries/. The role of structural comparison accompanied with etymological observations was in the foreground. In the Kavi-work genetic and typological comparison are interwoven. This has become one of the major features of the diachronic research in morphosyntax during its whole history up until today.

A.S. Teselkin characterizes Humboldt's work from the point of view of the history of Kavi studies: "As a matter of fact this was the first scholarly work on Kavi language. When characterizing grammar, Humboldt demonstrated its similarity to that of Modern Javanese. In this respect, Humboldt considered it possible to explain the grammatical phenomena of Kavi from the point of view of Modern Javanese. For the grammatical study only the text of the "Brata Yuddha" was at his disposal. Humboldt was aware of the fact that the grammatical structure of this poetic work could differ from that of prosaic texts... The description of Kavi was only a part of a more important

task: the general characterization of Malay-Polinese group of languages. Therefore, the author did not focus his attention on the peculiarities of Kavi. On the contrary, he concentrated on the discovery of general features of the Malay-Polinese group." /Teselkin 1963:14, 15/.

I should add that Humboldt's views on grammatical typology are reflected in the description of Kavi and in its comparison to other languages. This is apparent in the careful study of verbal predicate and its role in the sentence which was an important aspect of Humboldt's theory /cf. Ramat 1973/. In his comparative approach Humboldt starts with the synchronic description of the oldest attested language, compares it with its modern variant and proceeds to closely and distantly related languages. The study of language was based on the profound presentation of culture and civilization. This was necessary in the case of Kavi because of the dominance of Sanskrit elements in vocabulary and the preservation of Malay grammatical structure. Humboldt described the facts which explained the impact of civilization on vocabulary. In the Kavi-work there appears an important aspect of the study of the relationship between language and society. The introduction formulates it in an abstract philosophical way, which gave rise to different interpretations, among them to metaphysical speculations, and that the solid concrete study of the relationship between Kavi and the Javanese society had been forgotten.

Potebnja's "From Notes on Russian Grammar"

Potebnja was little known in his lifetime but now he is the classic most quoted in the Soviet typology and grammatical theory. At the beginning, Humboldt and Steinthal had an important influence on his views, later he worked out his

own approach and applied it in historical linguistics. The philosophical background of contemporary Russia and the specific topic, theoretically and typologically oriented study of Russian and Slavonic grammar, shaped his original approach.

His major work, the four-volume "From Notes on Russian Grammar" is not a canonic historical grammar of the pre-neogrammarians time. In the first two volumes /published 1874, second edition 1889 which is usually referred to/ the author analyzes the fundamental issues of grammar, especially the relationship between the parts of the sentence and the parts of speech and then he turns to the problems of Slavic historical grammar, as the only reliable source, for historical evidence. In volume 3 he studies the development of nouns and adjectives and in volume 4 the problems of the verb are treated /cf. Potebnja I--IV/. At that time, in the 70-ies and 80-ies of the 19th century, the basic questions of both descriptive and historical grammar were formulated in a peculiar way as the primacy of the verb or of the noun in the evolution of the human language. There were different proposals in favour of one or the other part of speech supported usually with nonsystematized data and speculations. The questions behind them were real. Potebnja posited them as the relationship between the parts of sentence and parts of speech. Although he made some use of the data of child language, he transferred the problem into the study of historical grammar. The predicate became the centre of analysis and he tried to establish the mutual relationship between syntax and morphology and their categories. His discoveries in Slavic grammar are mostly reliable even today. V.I. Borkovskij compared Potebnja's results with those of the recent investigations and Potebnja's statements concerning the evolution of adverbs, denominal adjectives, deverbal adverbs from participles, the formation of impersonal sentences and of hypotaxis were correct /cf. Borkovskij's introduction to Potebnja III/.

In summarizing Potebnja's contribution to historical morphosyntax, the historical characterization of concrete languages should be emphasized. Humboldt characterized an ancient state of a language, Potebnja completed the description of Old Russian with its development to Modern Russian. This was a general trend in comparative historical linguistics but Potebnja considered the theoretical and typological aspect as well. The empirical base of his studies was limited to the Indo-European languages with excursions to other language families.

The next linguist had at his disposal the more or less reliable descriptions of a big number of very different languages and hence the possibility of making typology.

Winkler's Sprachgeschichte

H. Winkler had published two books on Uralic and Altaic languages before his major contribution to historical typology: *Zur Sprachgeschichte. Nomen, Verbum und Satz. Antikritik* /Winkler 1887/ and: *Weiteres zur Sprachgeschichte. Formlose Sprachen. Entgegnung* /Winkler 1889/. He was relatively competent in Uralic and Altaic historical linguistics and the knowledge of the ancient Indo-European languages was a part of his linguistic education, but the history of their later development was only partially considered in his work.

His Sprachgeschichte is introduced by the comparison of Indo-European and Uralic-Altaic verbal predicate and of the cases of subject, object, the dative and the adnominal cases /2--17/. Here he formulates the basic problems which will be studied on the material of many languages. Then the first part deals with the verbal predicate /30--120/, the second studies the cases of subject, object, the dative and the adnominal cases /121--274/. The problem of grammatical gender

is formulated at the end of the book and examined in its continuation /Winkler 1889, 1--87/, the analyses of different formless languages are presented in the rest of the second book /Winkler 1889, 88--194/.

It is apparent from the content of the books that Winkler's approach to grammar has the sentence and its predicate in the centre and analyses the cases as a means of expression of the parts of sentence. The emphasis is on the morphological means, though, and Winkler needed a sentence oriented approach because he dealt with many languages without paradigms and the label "case" covers any expression of subject, object etc. Nevertheless, in the part on verbal predicate he formulates the basic of the sentence problems as those of the extension of the predicate by the basic parts of the sentence and this way they were elaborated in the part on "cases" in detail. Winkler shared the view concerning form languages and formless languages with his contemporaries. The form language distinguishes between verb and noun, its predicate is a real verb, has a real subject and object. The formless languages have formless or noun-like or half-predicative etc. verbs and hence no real subject and object. The Indo-European /Indogermanisch/ is at the top of the scale of perfectness and the rest of languages are posited on a scale. They represent the different grades of development from the point of view of an abstract historical development. The history of some of the language groups are also considered, especially of Uralic, Altaic and Indo-European. Thus, the title Sprachgeschichte is justified to some degree.

In the introduction Winkler compares the Indo-European as a group of form languages with the Uralic and Altaic languages which are formless. The major line of argumentation was presented above. In early Indo-European the agent and action are clearly distinguished in the subject and the verbal predicate while this cannot happen in Uralic and Altaic because

these languages don't differentiate a noun and a verb, more precisely their verb has nominal character /as an evidence the suffixes of determinate conjugation, identical with possessive suffixes of nouns in Hungarian, are referred to/. Thus, the Uralic and Altaic sentence is similar to a possessive construction /Winkler 1887, 2--3/. This is not true for indeterminate conjugation which shows a tendency toward predicativity according to Winkler. The Indo-European object-case expresses general, nonspecified but very close relationship between the verb and its object. The case of the object is not specified according to its definiteness /Winkler 1887, 8/. He is aware of the fact that the case of object is "dissolved" as a result of its abstract nature in the course of later development. I shall not follow Winkler's line of argumentation which proceeds to the dative and to other cases, including the elaborated system of local cases. His conclusion should be quoted: "Der höhere, umfassende Standpunkt ist auf der Seite des Indogermanischen, aber das scharfe Erfassen der tatsächlichen Verhältnisse... kann im Ural-altaischen eine Präcision und Genauigkeit bei aller oft staunenswerte Knappheit hervorrufen... die unseren Neid erregen kann" /Winkler 1887, 15--16/.

Winkler's Sprachgeschichte is far from being a reliable account of the history of human language or even of those particular branches of languages which were familiar to the author. At the same time, the author classified the facts of very different languages in a way to be considered even today. I have in mind the treatment of verbal predicates according to their morphological properties: it is based on the facts of different languages and proceeds along this line; from less "formed" languages to morphologically developed languages considering the form of predicate, subject and object. His account of the fact of ergative languages, of the role of the Bantu

noun classes in sentence deserves our attention. His comments can be disregarded.

Winkler's approach focusing on the basic constituent of sentence and his classes of predicates and sentence structure have isomorphic features with modern approaches to the typology of morphosyntax, especially with contentive typology in its early form.

Fortunatov's typology of morpho-syntax and
the characterization of Indo-European

Even this fragmentary presentation of different approaches would be incomplete without mentioning Fortunatov's contribution.

F.F. Fortunatov belonged to the neo-grammarian trend in historical grammar and was one of its best representatives. As the professor of Indo-European studies at the Moscow University he read two courses which pretend of our interest: "A course of comparative linguistics" /Fortunatov 1956, I. 23--199/ and "Comparative morphology of the Indo-European languages" /Fortunatov 1956, II. 257--426/. They were mimeographed several times but published only in the 1950s, therefore, they were available only in Russia.

Fortunatov was the founder of the "formalistic" trend in Russian linguistics. His approach can be characterized by a consistent methodology combining the analysis of form with that of meaning. It had become an integral part of morphological analyses of Russian. A great part of his "Course of comparative linguistics" is devoted to the methods of analysis which is applied to typological classification and to the characterization of Indo-European /cf. Fortunatov 1966, I. 131--181/. Fortunatov's comparative morphology of Indo-European languages is founded on the same method. He approaches grammar from morpheme to word and to the combination of words. In this respect he

differs from Potebnja and Winkler. There are no traces left from the theories and prejudices of 19th century typology. In his morphology the method of analysis implies a possible application to typology and typology is based on his method. The types are restricted to morphology but are formulated exactly as the ways of expression of words and combinations of words. The Indo-European and Slavic make use of a set of these possibilities.

The study of Indo-European and of contemporary general linguistics, including Breal's contribution to semantics, had contributed to the exactitude of Fortunatov's methodology of typological analysis which had a positive impact on the characterization of Indo-European and Slavic grammar.

Skalicka on the development of Czech declension

V. Skalicka's study on Czech declension belongs to his early writings, it was published in Czech in 1941 and became available in German only in 1979 /Skalicka 1941/1979, 126--172/. The author limits his investigation to the formal side of declension, and the problems of case and number are not examined. First he analyses the general principles of earlier studies like "the development toward simplicity" or "the equating of gender with declension", finds them simplified and dogmatic and cannot accept Trubeckoj's thesis on the "decay of declension", either. Then the author presents the development of declension from the Indo-European to Proto-Slavic and characterizes the latter in detail. The Old Czech period deserves special attention because of the great change of the vowel system which had a great impact on the form of case suffixes. In the analysis of Modern Czech, the differences between the literary language, spoken Czech and the dialects are considered.

Skalicka checks Gabelentz's idea about the spiral-like development of morphological types. According to Gabelentz the isolating type is replaced by agglutination as a result of accumulation of formal elements joining the stem. Then the elements become shortened and blurred and thus result in inflexion which disappears later. Here, a new cycle starts with a new variant of isolation. Skalicka proves that in the Western group of Indo-European languages inflexion was replaced by isolation which supports Gabelentz's theory, but in the Eastern group the period of inflection was followed by agglutination /Skalicka 1941 /1979/, 159--161/. Czech goes with the Eastern Indo-European languages in the change from inflection to agglutination which started in the time of the great vowel-shift. What has been said is true for case suffixes, and the prepositions represent the tendency toward isolation /Skalicka 1941 /1979/, 166--167/.

The analysis of the Czech declension is followed by a short overview /Ausblick, 171--172/. Here, Skalicka summarizes the general tendency of development from Indo-European to Modern Czech. The Indo-European was on the borderline between agglutination and inflection, the later development toward inflection reached its peak in Old-Czech during the great vowel shift. Then the development turned toward agglutination but the Czech is inflectional even today. Then Skalicka poses the question about the cause and reason of change of type /"Warum und wozu gehen die Sprachen von einem Typ zum anderen über: Skalicka 1941 /1979/, 171/. He finds parallels between the development of language and literature. "The peak /Akme/ of inflectional type in Czech is in the period of vowel shift. The peak of Old-Czech literature is at the same time" /Skalicka 1941 /1979/, 171/. He finds similar coincidences in the history of language and literature in Latin: the peak of inflection in the time of classical literature, and in French:

the peak of isolation in classical French. He makes the conclusion: "from the point of view of language, literature is an exponent, an avantgard of language, literature can prove what can be achieved, expressed by language in its given form" /Skalicka 1941 /1979/, 172/.

Skalicka's book was the first study in typological characterization of the historical morphology of a language corresponding to my requirements: a reliable description of historical grammar provided with typological interpretation based on a complex typology and considering the problems of language change formulated in a typologically relevant way. Potebnja's grandiose work on Russian morpho-syntax contributed very much to Russian historical linguistics, examined the basic problems of linguistic change but was not specific enough from typological aspect. Winkler's book on the history of language was typologically relevant but lacked the reliable historical presentation of development. The progress in Skalicka's study was due to the development of both historical grammar and typology, especially Skalicka's contribution to the latter. The fundamental statements of this study will reappear in a developed and specified form in his later articles on the characterization of different languages, especially on Slavic /cf. 1958 /1979/, 238--257/, and on the theoretical problems of historical linguistics /cf. 1955 /1979/, 263--281/. The relationship between language change, especially the change of type and the development of society and literature is still open. Skalicka's pupil Petr Sgall also developed this aspect in his early book "Die Entwicklung der Flexion in den Indoeuropäischen Sprachen, besonders im Tschechischen und Englischen" /Vývoj flexe v indoevropských jazycích zejména v češtině a v angličtině. Praha 1959/. At present, typologists avoid this problem because of its complexity, but this does not contribute to its solution.

In the second part of this century there have been two global or complex typologies which contributed to the study of morpho-syntax. One of them is Greenberg's word order typology applied especially to the study of Indo-European. Since it became a component of the approach to historical grammar, I shall not examine it. I will call the attention to trend in typology imitated by I.I. Meschaninov and recently labelled as contentive typology. This was a historical-typological approach to morpho-syntax from the very beginning and was associated with a simplified understanding of the link between the development of language and society which was early abandoned although the problem has been considered relevant afterwards, as well. This trend is presented in a great number of publications and this fact and lack of time allows me to present only one book which goes beyond the boundaries of the Meschaninov school.

Guxman on diachronic constants

M.M. Guxman's book Historical typology and the problem of diachronic constants /Guxman 1981/ is based on the typological studies in the history of different Indo-European, Finno-Ugric and Turkic languages and focuses on the problems of paradigms. I can present only some basic issues of the book relevant to any approach to historical typology. The subject matter of historical typology is concerned "With the discovery and study of usual /uzualnyj/ unidirectional processes which can be related... to the reorganization of features mutually dependent and structuring the type of language" /Guxman 1981, 14/. This sophisticated and carefully formulated definition is explained in the rest of the book and illustrated on rich material. The tasks of historical typology make it more specific; 1./ to study the features which are the components of typological correlations, 2./ to study the

process connected with universal categories like predicatedness, attributiveness, quality, quantity, possessivity, 3./ to study the processes connected with the change of inter-level dependences, 4./ to find the possible ways of reorganization of whole system types /cf. Guxman 1981, 33/. The tasks are determined according to the definition of historical typology and proceed from the features of types via the study of universal categories to holistic types. The diachronic constants are "constructs, models generalizing the laws of language changes; they are "building materials" of historical typology,... present in his all variants: in the study of related and unrelated languages, in functional, formal-structural and contentive typologies" /Guxman 1981, 34/. The bulk of the book is devoted to the establishments of diachronic constants in the paradigmatic systems of different branches of Indo-European, Finno-Ugric and Altaic languages: in the unification of noun paradigms in Indo-European, and in the role of analytic and synthetic principles in the reshaping of paradigms, to mention only the generally known processes. Guxman finds that in the change of paradigms the major factor, determining the direction, volume and depth of historical constants /and thereby the intensity of change or conservation/ is to be found in the specificity of initial systems of the different branches of related languages /cf. Guxman 1981, 123/. The historical realization of the tendencies, programmed in the initial system, are influenced by other factors as shown in her examples.

I cannot deal with the questions of application of contentive typology in historical grammar, discussed in detail by Guxman. I refer only to her conclusion in the summary. Since contentive typology has very strong "requirements", its application presupposes the real capturing /podlinnoje pronik-

novenije/ of the "spirit of language"; at present, it is necessary" to limit ourselves to the statement of the possibility of such transformations" in the case of well studied languages /like Indo-European or Kartvelian/. The scanty data of exotic languages are insufficient /cf. Guxman 1981, 247/.

Arriving at the end of my presentation, I cannot claim that it was complete or represented the major approaches to the historical typology of morpho-syntax. I can simply say: "these linguists were my guests tonight". They studied the ancient stages of different language families. /Humboldt and Fortunatov/, the history of languages, groups of languages /Potebnja, Skalicka, Guxman/. Their studies represented the different stages in the development of historical grammar, and especially in typology. Different ideas and theories about linguistic change were present in their studies. There was a general tendency toward the formation of both historical and typologically relevant approaches to historical grammar. In the 19th century only their components were arising, in the 20th century their combination in historical-typological approaches could have been demonstrated.

Not all approaches to typology have been applied to the history of languages and not all languages can be used for the typological study of the historical morpho-syntax. I would not comment on the first fact, but the second one is worth being considered. As was shown in the paper, morpho-syntax of well studied languages has been a sound basis for typological research and only an insignificant part of the available information was generalized by typology, the rest is waiting for researchers.

References

Coseriu, E. 1983. Sprachtypologie und Typologie von sprachlichen Verfahren. Allgemeine Sprachwissenschaft, Sprachtypologie und Textlinguistik. Festschrift für Peter Hartman. Tübingen: Narr, 269--279.

Dezső, L. 1987. Tipológia és kontrasztív nyelvtan. Múlt és jelen /Typology and Contrastive Grammar. Past and Present/. Bp., Tankönyvkiadó.

Fortunatov, F.F. 1956. I. II. Izbrannyje trudy. Moskva, Učebno-pedagogičeskoje Izd.

Guxman, M.M. 1981. Istoričeskaja tipologija i problema diahroničeskikh konstant. Moskva, Nauka.

Humboldt, W. von I. 1836, II. 1838, III. 1839. Über die Kavi-Sprache auf der Insel Jawa nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, Dümmler.

Potebnja, A.A. I--II 1874 /1888, 1958/, III 1899 /1968/, IV 1941 /1977/. Iz zapisok po russskoj grammatike. Voronež, Harkov, Moskva.

Ramat, P. 1973. Del problema della tipologia linguistica in Wilhelm von Humboldt e d'altro ancora. Lingua e Stile. 8. 37--59.

Skalicka, V. 1941 /1979/ Die Entwicklung der Tschechischen Deklination. Typologische Schriften 1979. Braunschweig, Vieweg.

Teselkin, A.S. 1963. Drevnejavanskij jazyk /Kavi/. Moskva, Izd. Vostoč. Literatury.

Winkler, H. 1887. Zur Sprachgeschichte. Nomen, Verbum und Satz. Antikritik. Berlin, Dümmler.

Winkler, H. 1889. Weiteres zur Sprachgeschichte. Grammatische Geschlecht. Formlose Sprachen. Entgegnung. Berlin, Dümmler.

AN OUTLINE OF THE *SZEHAT* MACHINE TRANSLATION SYSTEM

Károly Fábricz

0. Preliminary Remarks.

The *SZEHAT* Machine Translation Project was launched in the fall of 1985. At that time it was started as a small-scale project aimed at experimentation in the field of computational linguistics in general, and English-Hungarian machine translation, in particular.

Then the research group consisted of five linguists and three computer specialists, employed at different institutions of the JATE University of Szeged. Since, unfortunately, the project failed to receive the financial support from government sources, the research had to be reorganized both in its architecture and the staff taking part in the programme. Regardless of the desperate efforts to maintain the enthusiasm of researchers, some of our colleagues decided to turn to questions not related to machine translation.

Consequently, a new computational infrastructure had to be found and also other specialists had to be involved. The reorganisation of *SZEHAT* in early 1987 led to a substantial modification of both the computational paradigm and the system architecture.

Previous research was based on a PC-LISP environment with a view to the possible application of currently available software for NLP in general. Sample parsers were constructed and debugged, research into the construction of a machine dictionary was taking place, but,

more characteristically, questions of transfer and Hungarian output generation were investigated.

The reorganisation of SZEHAT in the beginning of 1987 has led to the formation of a research group comprising specialists from two different institutions: the Humanities Faculty of the JATE University was responsible for issues of the theory of translation, as well as of the description of English and Hungarian (the latter being in itself a formidable task, since, up to date for Hungarian there exist no complete formal descriptions), and, on the other hand, the Cybernetics Laboratory provided some help both in hardware and assistance.

The other institution to take part in SZEHAT was the Research Team for the Theory of Automata at the Szeged Affiliation of the Hungarian Academy of Sciences which took the responsibility of collaborating in software design.

1. An overview of SZEHAT.

At present, SZEHAT (Szeged University English-Hungarian Automatic Translation) can be viewed as a prototype system hopefully close to being able to run on our local IBM PC XT/AT network at the JATE Humanities Faculty. It will, however, remain an experimental system for a long time. It seems probable that the mainstream of future work will be oriented on the development of the lexicon and transfer rather than on modifying system architecture on the whole. The latter is presented in some detail below:

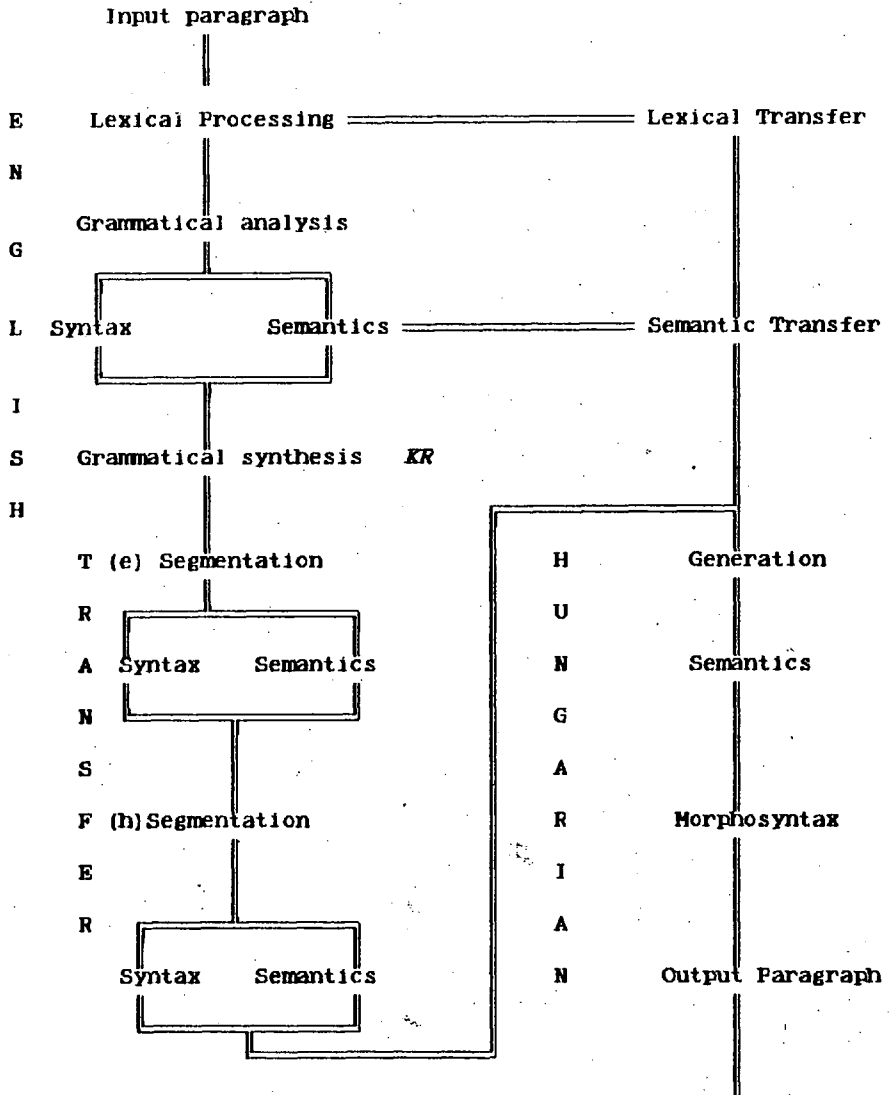

Table 1. The Architecture of SZEHA T

As illustrated in the table above, the process of translation is split up into a sequence of modules consisting of:

- ♦ reading the input paragraph
- ♦ lexical processing
- ♦ grammatical analysis
- ♦ grammatical synthesis (KR)
- ♦ segmentation I.
- ♦ segmentation II.
- ♦ semantic generation
- ♦ morphosyntactic generation
- ♦ writing the output paragraph.

2.0. General system description.

Observing the order of the modules listed above, the present state of research into the construction of SZEHAT may be briefly summarized as follows.

2.1. Choosing a paragraph to be the unit of translation is motivated by the inadequacy of treating such textual phenomena as pronominalization or reference on a purely sentence-by-sentence level. Some investigations established on sentence-based translation have shown that e.g. referential assignment, in the case

of English--Hungarian translation, is of crucial importance - not only in its own right but also due to a specific feature of the Hungarian language, whereby proper indexation affects not only the class of pronouns but phenomena on the morphological level as well (e.g. choice of verb-forms, conjugation types, or prefix + stem inversion).

A text-oriented approach also has other theoretical and practical advantages as well. We shall return to this question under 2.7. below.

2.2. Lexical processing at present is limited to a narrow range of not more than 1000 English dictionary entries and about as many Hungarian lexemes. Nevertheless, this amount covers much of the basic word stock most commonly used in scientific papers. Selection of words for this basic word stock was carried out by way of a simple sorter programme (QSORT, as described by Wirth and implemented in Pascal) on a corpus of some 200.000 words typed in from different scientific articles with a thematic span ranging from papers on linguistics, chemistry, biology, computer technology, geography, and information technology.

It would seem appropriate to throw some light on the construction of the lexicon. SZEHAAT is supposed to carry out machine translation on a wide range of scientific topics. This intention is reflected in the modular build-up of the lexicon:

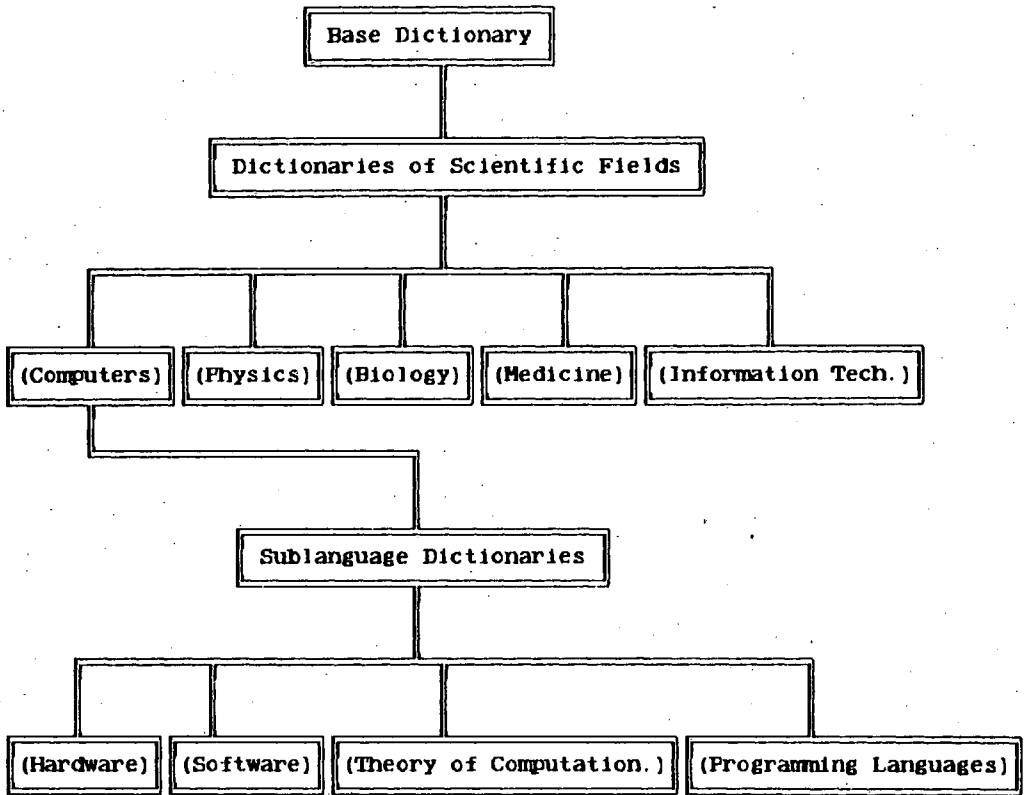

Table 2. The Construction of the Lexicon

When the input paragraph is typed in the entries go through dictionary look-up and are supplied with their syntactic and semantic codes for subsequent processing, along with a pointer to their potential Hungarian counterparts. When a word is not found in the dictionary of basic words, it is passed to a sublexicon of scientific fields (for instance, that of computation) from where it can proceed to one of the sublanguage dictionaries (e.g. programming languages).

The choice of specific modules for a given article is based on the system for bibliographic cataloguing. The sublexicons and sublanguage dictionaries have yet to be constructed with the help of specialists from different branches of science.

At present, there is but limited morphological analysis for the English input. Due to the small size of the word stock, morphological phenomena are dealt with during dictionary look-up: the word-forms of lexemes are integrated under one heading, labelled with the head word, while the actual morphological information is embodied in the syntactic and/or semantic code.

Thus, a lexical entry in SZEHAТ would look something like this:

```
STACKS [headword: STACK] -----> 0014 [pointer to  
                                     Hung. eq.]  
[N9-110A-N-] [syntactic code]  
[NT-421-ina] [semantic code]
```

Figure 1. A sample lexical entry in SZEHAТ base dictionary.

A phrasal dictionary for the base lexicon has also been constructed. It is quite simple and works basically as a list-matching procedure: the word marked in the base lexicon as a possible candidate for coexisting with one or more words making up an idiom is matched against a list of words following it so as to identify it as a member of an idiom. If that fails, the procedure is terminated. If the list-matching succeeds the list in itself is supplied with the codes for subsequent analysis.

The phrasal dictionary contains not more than 100 items, and it can only handle phrases making up just one sentence constituent (an NP or a VP).

2.3. English grammatical analysis includes the application of a set of different parsers implemented basically in Pascal. English analysis is based on a modification of the LSP grammar of New York University as described in the book by Naomi Sager.

Among the grammars available we chose this one for two reasons: on the one hand, its BNF component seemed to fit our PROF-LP language processor. On the other hand, a modification of its restriction grammar so as to meet the requirements of our attribute grammar appeared to be a not too formidable task.

The PROF-LP language processor was originally developed by the Research Group on the Theory of Automata at the Academy of Sciences. It is a programme package for writing attribute grammars and is marketed by the Research Group. It is also the language processor software used by the other Hungarian researchers currently investigating Russian-Hungarian machine translation (the MTA SZTAKI project).

PROF-LP is a program generator system for IBM XT/AT compatible computers. On the basis of an attribute grammar description, the system generates a Pascal program which can be viewed as the processor of the given specification. PROF-LP can be used for generating both one-pass and multi-pass language processors. A further advantage of the system is that a Pascal 8000 version is also available for IBM 360/370 computers, i.e. it runs on the university mainframe.

Grammatical analysis in SZEHAТ is basically carried out following the rules specified in Sager's monograph. The PROF-LP attribute grammar makes it possible to divide English input processing into three phases to be integrated later on during grammatical synthesis. Thus, syntactic (BNF) and semantic (restriction) analyses are built on each other, with lexical analysis terminating input processing. The latter results in an output providing a basis both for semantic transfer and grammatical synthesis.

2.4. Grammatical synthesis is a peculiar feature of SZEHAТ aimed at providing opportunity for subsequent processing in a new dimension. In fact, this phase regains all results relevant for later operations.

As a result of previous analyses, synthesis makes it possible to rule out faulty solutions and to apply constituent-level, sentence-level and paragraph-level operations. These operations include different kinds of techniques for obtaining an appropriate Hungarian paragraph. Among them the most significant are the application of knowledge representation and various types of a procedure named segmentation. Syntactic synthesis serves as a basis for segmentation (see below), while semantic synthesis

results in a semantic structure that is carried over to the phase named "semantic transfer" together with the result of the technique boastfully called "knowledge representation".

2.5. Knowledge Representation in SZEHAT at the present state of affairs is restricted to reducing the contents of the sentences containing a paragraph to a simpler semantic representation. On the one hand, it implies establishing so-called "base relations" demonstrating different semantic operations such as inclusion, paraphrasing, description, illustration etc. On the other hand, the semantic operations identified are directly "translated" into Hungarian in order to obtain a frame for the output paragraph.

In other words, KR is at present used to generate Hungarian sentences with a semantic structure identical to that of the English input. The term "KR" is used here in a rather unusual sense. In fact, with its help we try to make use of the observation that a scientific article is basically constructed according to cliches whose representation is to some extent language-specific. The advantage of applying a quasi-KR basis for semantic transfer is manifest not only in acquiring some better translation but also in filtering out most of the features characteristic of English input, though not apparent in Hungarian.

Thus, KR is responsible for converting the majority of passive constructions into active ones in Hungarian and also for imposing restrictions on possible frame structures.

At present, this module handles only a small set of semantic features. Nevertheless, its application seems essential for the system to run well. The module consists of a pattern recognizer, a Hungarian pattern generator, and a frame generator. The Hunga-

rian patterns are stored in a synonymous arrangement, i.e. all semantic relations are represented by a set of Hungarian patterns from which the suitable one is selected according to the degree of lexical coincidence.

2.6 English and Hungarian Segmentations represent a syntactic-semantic transfer device that takes into account the configurational difference between English and Hungarian. During segmentation the English structure arrived at in "2.4." is ascribed a configuration and the latter is transformed into Hungarian -- a non-configurational (or semi-configurational) language.

The Segmentation Module breaks the input into constitutional units recognizing such phenomena as topicalization, wh-movement, co-indexation etc. in order to map the given configuration onto the Hungarian output. Syntactic segmentation is also responsible for handling such English phenomena as tenses of the verb (Hungarian has a much simpler system of tenses), multiple possessive constructions (which usually begin with a reverse order of elements) etc. Semantic segmentation is important, among others, for defining Hungarian verbal conjugational types on the basis of the evaluation of an English object. It means that specific features of Hungarian translation are accounted for before actual generation of the Hungarian output comes into force.

2.7. The final stage of the translational process will be the generation of the Hungarian output. It is going to be carried out on the basis of the following parts:

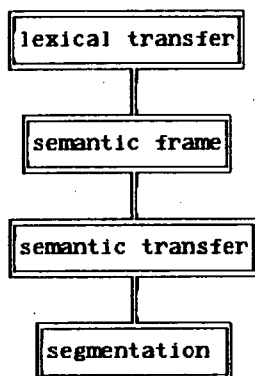

Table 3. Hungarian output generation

Semantic frame and semantic transfer represent the starting-point for Hungarian generation. Semantic frame reflects that of the English input, while semantic transfer provides clues for criteria of well-formedness on constituent level.

Lexical transfer takes place only when all the restrictions for Hungarian sentence construction have been imposed.

The last stage preceding morphosyntactic generation is the application of the results of segmentation. The aim of segmentation is to produce the constitutional organization of the Hungarian paragraph with respect to configurationality in Hungarian.

It is at this stage that the advantage of segmentation (should we call it 'word-order generation'?) becomes manifest.

We find that morphosyntactic generation is thus confined to a substantial morphological generation.

3. To sum up, SZEHAT is an experimental English-Hungarian MT system currently being developed with the joint effort of specialists (or budding specialists) from different institutions of Szeged. The characteristic features of SZEHAT are:

- a) linguistic analysis is carried out with the help of an attribute grammar;
- b) the unit of analysis is the paragraph;
- c) SZEHAT is based on modular transfer;
- d) Hungarian generation partly rests on a KR-like semantic representation;
- e) SZEHAT is being implemented on a configuration of IBM XT/AT computers, the programming languages employed being Pascal and Prolog.

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИЯХ НОМИНАТИВНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

И.А. Гончар

Хорошо известна продуктивность номинативных конструкций в русском языке. "Этому содействует их лаконичность, лексическое разнообразие их наполнения, практически неограниченные возможности распространения, а также отсутствие стилистических ограничений: разные семантические типы таких предложений в разных условиях употребительны во всех сферах литературного языка"¹.

Что касается художественной публицистики, анализ которой послужил материалом для данной статьи /примеры взяты из экологических зарисовок В. Пескова, регулярно публикуемых в газете "Комсомольская правда" под рубрикой "Окно в природу". Список цитируемых произведений дан в конце/, то частое употребление в ней указанных конструкций, по-видимому, связано с расширением номинативных задач, стоящих перед автором, который, как правило, сам участвует в описываемых ситуациях. "Описание же организуется прежде всего существительными и прилагательными /шире -- определителями/"², которые позволяют выразить оттенки значений с более тонкими нюансами, чем другие синтаксические формы. Номинации получают все предметы, попадающие в поле зрения автора-рассказчика, все звуки, воспринимаемые им.

С явлением номинации в широком смысле мы встречаемся уже в заголовках публикаций: "Корабль пустыни", "Абориген Севера", "Наш давний знакомый", "Снежные обезьяны", "Дорожные узелки", "Подземный ходок", "Смирные лисы", "Желание полететь", "Июньская ночь", "Остановленный миг", "Рябиновая зима" и т.д. Как видно, подавляющее их большинство составляют сочетания имен существительных с прилагательными в качестве согласованного

определения. Однако заголовки номинативными предложениями не считаются, а мы их отмечаем постольку, поскольку хотим проследить переход от заголовка к тексту.

Писатель достаточно часто само произведение начинает номинативным предложением. Сравним только два предложения, -- заголовок и первое предложение первого абзаца, -- мы почувствуем психологическую оправданность такой подачи. В следующих примеры заголовки даются в левом столбце, а начальные предложения -- в правом:

"Живая корона" --

"Европейский благородный олень. ...".
прочитав название статьи и увидев фотографию /а ими проиллюстрированы почти все публикации/, читатель уже может разгадать метафору; первое предложение подтверждает догадку: речь пойдет об олене.

"Рябиновая зима" --

"Последние дни предзимья. ...".
В данном случае начальное предложение уточняет информацию /время/, заложенную в названии.

"Три минуты из жизни

... " -- "Три минуты из жизни котенка.
Почти детективная повесть ...".
Начальное предложение распространяет мысль заглавия, второе -- придает шутливо-интригующий тон.

Не менее редко номинативные предложения в экологической прозе В. Пескова фигурируют и в качестве первого предложения последующих абзацев, обозначая их тему. Так прослеживается линия рассказа: заголовок /совпадающий по форме с номинативным предложением/, самое начало произведения, начальные предложения абзацев. Различные комбинации позиций номинативных предложений в тексте, осуществляя задачу представления темы произведения в целом и тем отдельных абзацев, одновременно служат и выполнению дополнительной задачи -- психологической: подготавливают адресата к лучшему восприятию, повышают читательское внимание уже в самом начале прочтения, облегчают прослеживание логики повествования, задают требуемый тон, формируют нужное настроение. Рассмотрим некоторые примеры.

"Чудеса лунной ночи. ... Утро. Мы идем мимо всех, кто проснулся ... Летучие мыши. Много. Не висят, как обычно ..".

"Утро туманное, утро седое--- И день такой же. ... Звук... Их очень немного. С криком тревоги вспорхнула с куста калины стайка дроздов. ... ". /В распространенном номинативном предложении определяющее слово почти обязательно стоит перед определяемым. Редкие случаи инверсии объясняются особыми стилистическими требованиями или -- в поэтической речи -- требованиями стиха. В данном случае автор цитирует строку из известного романа, не меняя порядка слов оригинала/.

"Камчатка! Мне кажется нет на земле еще такого же, почти сказочного сундука с богатствами и диковинками природы. Горы? Есть, ... А вулканы! Их много. Вулканы, веками спящие ...".

Примеры заставляют обратить внимание также и на лексический повтор как на примету экспрессивного синтаксиса, основным параметром которого является синтагматическая расчлененность. При этом "повышается интонированность текста: прочтение, даже внутреннее, становится более прерывистым, количество логических акцентов увеличивается"³. В связи с этим необходимо отметить еще один тип номинативных предложений, встречающихся в произведениях В. Пескова. Это характерные для разговорной речи номинативные предложения, в которых после личного местоимения следует имя существительное, а конкретизирующее значение этого местоимения:

"И вот он, танк, кончавший в этих местах войну ...".

"И вот он, остановленный долей секунды миг стремительного прыжка-полета".

"Вот он, голубчик! -- мой спутник широким длинным ножом поддевает плотный слой почвы и с глубины достает клубень ...".

Указательная частица "вот" актуализирует значение наблюдаемости предмета или явления, придает особый оттенок высказываниям и выделяет их из общей массы номинативных предложений"⁴.

Наряду с другими элементами экспрессивного синтаксиса, номинативные предложения являются такими синтаксическими формами, "которые одни или в сочетании с другими языковыми средствами способствуют созданию определенного художественно-образного впечатления"⁵. Следующий отрывок является характерным образцом использования "блоков изобразительного регистра" речи, коммуникативная функция которых заключается в "воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя, в едином с ним хронотопе"⁶.

"Утро Мы идем мимо всех, кто проснулся с восходом солнца. Слоны, бегемоты, ламы, жирафы. Стрекот и пение множества птиц. И вот знаменитая дверь. Открываем ее. Часы в коридоре показывают вечернее время -- 22 часа. И все кругом живет по этому времени. Темно. Но глаза постепенно привыкают к слабому синеватому свету. Лунная ночь! И вот она рядом, за толстым стеклом, ночная жизнь леса, пустыни, тропических джунглей. Для каждого из животных в громадных вольерах создана естественная среда. Темнеют деревья, течет ручеек, пустынная синева не- крупных камней и песка. Но шевельнулся кто-то... Тушканчик, азиатский прыгун: Видишь его обычно, проезжая степью или пустыней, секунду-другую. Мелькнул в свете фар и исчез. Тут он сидит спокойно -- ушастый, глазастый, короткими передними лапами что-то придерживает у рта. Длинный хвост с кисточкой, длинные задние ноги, мордашка с усами."

Необходимо обратить внимание еще и на такой важный элемент семантики номинативных предложений, как значение настоящего времени, с которым связана не просто констатация какого-либо времени, но прежде всего момент включения в ситуацию ли-

ца говорящего, т.е. автора. Таким образом, в семантике проявляется значение актуальности и, следовательно, наблюдаемости явления, что также способствует созданию определенных отношений между автором и читателем. При этом уже сам факт употребления таких предложений становится воздействующим на читательское восприятие и вызывает сопереживание.

В рамках приведенного отрывка можно выделить несколько типов номинативных предложений.

1. Утро -- Типичное использование номинативных предложений в контекстуально необусловленной, независимой позиции /для обозначения времени/.
2. Стрекот и пение множества птиц. -- Номинативное предложение формируется отглагольными существительными, актуализирующими значение действия: грамматическая форма является здесь производной и уже поэтому -- экспрессивной.

Приведем еще пример.

"И еще раз два выманивал меня Михаил на Камчатку. В последнюю встречу мы вместе летали к подножию извергавшегося вулкана. Никогда не забуду ночь, красную от огня. Рев и грохот. И шлепки малиновых ключев лавы".

Синтаксическая конструкция в данном типе актуализирует значение наполняющей лексики. Лаконизм высказываний /их малая осложненность/ способствует выявлению воздействующей силы их звукового строя. Таким образом, синтаксическая конструкция берет на себя организующую роль в выявлении выразительных сил и лексики, и фонетики.

3. Слоны, бегемоты, ламы, жирафы. Тушканчик, азиатский прыгун! -- Этот тип представляет особый интерес. Общеписательный характер контекста, в который они включены, выявляет их собственно номинативное значение. Однако непосредственный предтекст приближает их к предложениям сказуемого типа /Все, кто проснулся, --

это слоны Шевельнулся кто-то -- это тушканчик/. Сдвоенность семантики -- еще один способ актуализации, выдвижения в центр восприятия частей предметов изображаемой картины⁷.

4. Длинный хвост с кисточкой, ... -- Это неполная реализация предложений с обязательным детерминантом "у него", пропуск которого тоже фиксирует читательское внимание на изображаемом⁸.

Отметим также, что текстовая последовательность рассмотренных номинативных предложений подчинена законам создания художественного описания в соответствии с особенностями восприятия, а именно: от самого общего обозначения ситуации /Лунная ночь/ к конкретизации картины /Тушканчик, азиатский прыгун/ и, наконец, к представлению деталей. Проиллюстрируем примерами:

"Морозный день, Остановившись на лыже, слышу стук, но явно не дятла... Поползень! Что-то старательно долбит. Испугавшись, птица роняет еду. Достая из рыхлого снега орешек. Крепкий, здоровый, явно из запасенных с осени".

"Плотно друг к другу стоят дома. Почти что все двухэтажные, низ -- каменный, верх -- деревянный. Заборы. Наличники. Двери с коваными запорами. В окнах -- герань. У заборов -- скамейки с обязательными старушками. Девятнадцатый век!"

Подачу описываемого материала можно сравнить с киномонتاжем: от общего плана -- к деталям, и наоборот.

Грамматико-семантическая однородность рематических доминант, например, последнего отрывка: дома, заборы, наличники, двери, герань, скамейки /имена существительные, обозначающие постройку, атрибуты постройки, их внешний вид/ -- подтверждает смысл описания, который "обычно в том и состоит, чтобы констатировать наличие предметов, представляющих компоненты общей картины, и указать на пространственные соотношения между ними"⁹. Такому типу речи принципиально свойственна активность однородных построений в силу того, что объект изображения конкретен, и его надо описывать в единстве различных сто-

рон, деталей, частных признаков, дополняя, уточняя, конкретизируя.

Итак, мы рассмотрели некоторые функции номинативных конструкций, которые являются наиболее характерными для писательской манеры В. Пескова.

Примечания

1. Русская грамматика. т. II, "Наука", М., 1980, с. 358.
2. А.Н. Васильева. Художественная речь. "Русский язык", М., 1983, с. 58.
3. Г.Н. Акимова. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Издательство ЛГУ, Ленинград, 1982, с. 81.
4. Грамматика русского языка. т. II, М., 1954, с. 60.
5. Е.А. Иванчикова. Об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте. В кн.: Русский язык, Проблемы художественной речи. М., 1981, с. 95.
6. Г.А. Золотова. О перспективах синтаксических исследований. -- Известия АН СССР. Серия Литературы и языка 45, № 6, 1986, с. 504.
7. О разнообразии функций номинативных предложений см. в кн.: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.
8. Об этом типе предложений см., например, Г.А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973, с. 136; Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983, с. 162.
9. Г.А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. "Наука", М., 1982, с. 305.

Список произведений В. Пескова, цитируемых в статье:

1. "Любовь -- Камчатка", 29 ноября 1980 г.
2. "Чудеса лунной ночи", 5 июля 1984 г.
3. "Рябиновая зима", 11 ноября 1984 г.
4. "Остановленный миг", 12 января 1985 г.

5. "Три минуты из жизни...", 31 июля 1985 г.
6. "Плес", 28 сентября 1985 г.
7. "У зимы на пороге", 6 октября 1985 г.
8. "Живая корона", 16 октября 1985 г.
9. "Зима -- не тетка", 11 января 1986 г.
10. "Степь", 4 сентября 1986 г.
11. "За трюфелями", ноябрь 1986 г.

ВЕНГЕРСКИЕ ЭКЗОТИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ,
ПЕРЕВЕДЕННЫХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Л. Хайзер

I.

Заимствованиям русского языка посвящена богатая теоретическая литература, в которой иногда незначительное место отводится и словам, заимствованным из венгерского языка /см., например: ковер, шалам, хутор, гуляш;¹ гуспр, антал, чардаш, доломан, гас, гуляш, гайдук, гарцевать, гонвед, кучер, маслаш /машлаш/, ментик, рокош, шеренга, шишак, табор, токай /токайское/, хата;² гуляш, чардаш, хутор, шалам, гарцевать, шеренга, бекеша, гусар, гайдук, табор, кулеш, ментик³.

В то же время до сих пор не уделялось в русистике /и в хунгаристике/ должного внимания особому типу иностранных слов -- экзотизмам венгерского языка в русских текстах, непосредственно доказывающим результаты общения народов /и культур/, межъязыковые контакты.

Среди иноязычных слов русского языка Л.П. Крысин выделяет три основных типа: а/ заимствованные слова; б/ экзотическую лексику; в/ иноязычные вкрапления⁴. Но граница между заимствованным словом и экзотизмом, по тем или иным причинам, иногда может стираться.

Под экзотизмом А.А. Брагина подразумевает "чужие слова, сообщающие национальную, локальную окраску", явственно связанные с бытом, культурой той или иной страны, то или иного народа⁵. Экзотизмы /или "заимствованные безэквивалентные слова"/ не однородны, их роль в заимствующем языке различна, но все они сохраняют так или иначе свою самостоятельность в новой языковой среде как раз потому, что образуют особую "безэквивалентную и фоновую лексику".

Следует отметить, что некоторые лингвисты вместо термина "экзотизм" пользуются словом "варваризм"⁶.

Число венгерских экзотизмов в художественных произведениях, переведенных с венгерского в последние десятилетия, значительно возросло, благодаря развивающимся контактам между ВНР и СССР в области культуры и просвещения. Это значит и то, что благодаря переводам миллионы читателей знакомятся и с некоторыми венгерскими экзотизмами и предметами /реалиями/, ими обозначаемыми. Кроме того, лексика каждого языка в наибольшей степени "открыта" и "проницаема" для внешних влияний. Несмотря на то, что часть приводимых венгерских экзотизмов имеет скорее о к к а з и о н а л ь н о е употребление в художественных переводах, со временем -- теоретически -- они могут когда-либо обогатить так или иначе периферийный словарный фонд русского литературного языка.

II.

Подобранный нами лексический материал не так богат по тематике, как узбекский, опубликованный недавно И.У. Асфандриаровым⁷, поскольку "европейско-северо-американский тип цивилизации" /и соответствующие фоновые знания/ стоит намного ближе к русской культуре, чем "азиатский тип" цивилизации⁸.

Уже с 50--60 годов XX века русский язык заметно стал оказывать большое влияние на другие языки /в первую очередь на языки народов СССР/, но при этом и с а м подвергся известному воздействию этих языков, в первую очередь в отношении с л о в а р н о г о с о с т а в а и фразеологии⁹.

В середине 60-х годов некоторые советские лингвисты подчеркнули, что "проблема взаимообогащения языков является новой проблемой, выдвинутой советским языкознанием..."¹⁰, но данная проблема, на наш взгляд, может встать на повестку дня и в языкознании других стран.

Часть венгерских экзотизмов, встречающихся чаще всего в

переводах, рассмотренных нами, входит или в число исконно венгерских слов/ хатом; летегтете; нилаш; пенге, ель, хольд; фреч, перкельт; леббенч и т.п./, или в группу слов, заимствованных венгерским языком/ левенте; вербункош; комондор; пуста; бетъяр; филлер; мункаш; палинка; токаны; тархоня и т.п./. Но есть среди них и слова, этимология которых абсолютно точно неизвестна /пули; чига; лангош; кеверт; лабанц; куруц и многие другие/. Часть этих экзотизмов встречается в переводах в склоняемой форме, и это немаловажное условие /один из первых шагов/ "для вхождения в систему заимствующего языка"¹¹.

1. Эх, отведал бы он сейчас с удовольствием лангоша, будь этот лангош там у него. /К. Миксат. Призрак в Лубло/
2. ... Это имение сын его Кальман... проиграл в карты до последнего хольда. /М. Сабо. Старомодная история/
3. -- Знаю я одну в Чатохазской пусте. /Ж. Мориц. Счастливый человек/
4. Начинает он Сито с фреча, потом идет идет второй фреч, третий. /П. Сабо. Пядь земли/

На "начальный этап" вхождения в систему заимствующего языка тех или иных рассматриваемых лексических элементов указывает и то, что они встречаются в художественных переводах и как компоненты недавно сложившихся фразеологических сочетаний, благодаря "полукалькированию":

1. И заказал Фери маленький фреч. /К. Сакони. Сквозь дымку/
2. Дядя Якаб выпил с ними по большом фречу... /Там же/
3. ... Заплатили землю деньги по пятьдесят форинтов за квадратный ель. /Л. Барат. Пламя и копоть/
4. -- Не понравилась тебе абрикосовая палинка? /М. Залка. Осада/

Следует отметить, что в тех или иных переводах последних лет к венгерским экзотизмам не дается никакого "лингвистического паспорта"¹², но с этой практикой вряд ли можно согласиться. Мы сомневаемся в том, что "рядовой" носитель русского языка без соответствующих "страноведческих фоновых знаний" точно поймет в переводах венгерские экзотизмы, приведенные, например, ниже:

1. В трактире дядя Якад заказал перкельт... /К. Сакони. Сквозь дымку/
2. До сих пор помню, как он учитель, став главным начальником Левенте в городе, парадным шагом прогнал все три роты молодцов перед нашим домом. /Там же/
3. Хотите принесу вам лангош, прямо с пылу с жару. /Л. Мештерхази. Люди из Будапешта/
4. Юла была родом чанго... /Т. Череш. Ой ты, небо звездное.../
5. Трубы тарогато гудели... /Ф. Мора. Речка в Майтеня/

Девятое издание "Словаря иностранных слов" содержит несколько венгерских лексем в качестве "иностраных слов": вербункош, гайдук, гонвет, гусары, паприка, пеге/пенго, пушта, филлер, форинт, хольд, чардаш, шеренга¹³, но этот скудный перечень вряд ли поможет читателю разобраться в словах-названиях реалий венгерской культуры и быта прошлого.

В художественных переводах, рассмотренных нами до сих пор, тематически были представлены следующие группы лексики:

I. Названия блюд, пищи, напитков, табачных изделий /и их сортов/

Поесть бы разок бабушкин паприкаш из курицы. /Ж. Мориц.
В шуршашей, шелестящей тафте/

- Перкельт -- основа венгерского обеда. /Ж. Мориц. Обед/

Огонь он разводит..., чтобы сварить тархоню и лебенч...
/Ж. Мориц. Варвары/

..Приговим токань из баранины... /Ж. Мориц. Хоть однаж-
ды досыта наесться/

Мама пошла на кухню готовить обед: фаршированную пап-
рику... /К. Фехер. У меня будет остров!/

Отведайте моего лангоша, сыночки. /К. Миксат. Призрак
в Лубло/

Из посуды самое важное -- казан для чиги. /П. Сабо.
Пядь земли/

- Палинка у тебя есть? /М. Залка. Осада/

- Знаешь, чего бы я сейчас выпил? Холодного фреча круж-
ку. /И. Добози. Без власти/

- Подай "Кекфранкош", -- сказал я девушке. /К. Сакони.
Все торопятся по домам/

Она собирает со столиков грязные стаканы, за это ей
плеснут пятьдесят граммов "кеверта". /Э. Галгоци. Цер-
ковь святого Христофора/

И бросят пачку "Мункаша". /Там же/

Она... неизменно курила вонючие сигареты самого деше-
вого сорта - "Левенте". /Я. Дарваш. Пьяный дождь/

II. Названия лиц по социальным, политическим, идеологичес-
ким и прочим признакам. Эти формы образованы иногда при помощи
суффикса "интернационального" происхождения" /В.В. Акуленко;
М. Фогараши/ -ист¹⁴:

Я лабанцев гнал толпою

Плакал над твоей судьбою...

/Э. Ади. Песня скитальцев-куруцев/

- Куруцем мне надо быть /И. Добози. Без власти/

Нужно задать перцу этим баконским бетярам. /Ж. Мориц.
Родственники/

-- Они приведет сюда нилашистов. /М. Залка. Осада/
15 октября ... путч совершили не гитлеровцы и не сала-
шисты /Й. Дарваш. Город на трясине/

Имредисты, нилашисты... сообщали ему Брунхофу все
политические новости... /Там же/

-- Известно что! Он не душегуб, авош! /Й. Дарваш. Пья-
ный дождь/

III. Специфические названия разных единиц меры /и их дроб-
ные части/. Единицы-названия относятся к определенному ареалу,
народу, поскольку "средства номинации самобытно складываются
в каждой языковой системе"¹⁵:

Эти вот люди, как и другие... заплатили за эту землю
деньги. По пятьдесят форинтов за квадратный ель. /Л. Ба-
рат. Пламя и копать/

Господи Иусусе! Пенге-форинт каждый день! /Ж. Мориц.
Вшуршащей, шелестящей тафте/

Вернуться домой с пятью хольдами -- большое дело, а
если с десятью... /М. Залка. Осада/

С молотка пошло все: и дом, и лавка, и мебедь, и трид-
цать ланцев земли... /К. Миксат. Два нищих студента/

т... В Верне телеги остановила красавица Хорватине и
вручила Винце хатош... /К. Миксат. Черный петух/

Должны мы остались восемьдесят форинтов семьдесят фил-
леров /Ж. Мориц. Господский пир/

IV. Наименования, связанные с природными и культурно-эт-
нографическими особенностями данной страны:

Меня пригласил в гости граф, прежний хозяин той пусты,
где появился на свет мой отец. /Д. Ийеш. Обед в замке/

-- А как же, и верхом тоже, -- сказал я.

-- И по пуште?

-- И по пуште, -- сказал я. /Т. Дери. Отложения дней/

Косорукий Бикаи набрался наконец смелости, отпустил свою даму и вербункош отплясывает. /П. Сабо. Пядь земли/

Прямо по время летегтете... кавалер Вицы ... лихо вертел девушку... /К. Миксат. Говорящий кафтан/

Жофи верна, как старый комондор..." /Т. Дери. Милый бо-пэр!/

Маленькая пули наострила уши... /Ж. Мориц. Варвары/

V. Наименования жителей тех или иных населенных пунктов.

Эти имена нарицательные, образованные при помощи разных суффиксов от соответствующих венгерских топонимов, имеющих и "национально-культурную семантику"¹⁶:

Шарошане только рождаются в Шароше, но живут они в других краях... /К. Миксат. Кавалеры/

Есть что-то донкихотское в этих шарошанцах. /Там же/

... Был тот самый бывший депутат канядцев и нынешний за-булдыга. /Д. Ийеш. Обед в замке/

-- Значит, ты не альфелдец? /Ж. Мориц. Родственники/

... И он крымский хан точит зуб на десять самых красивых кечкеметочек. /К. Миксат. Говорящий кафтан/

Смятение кечкеметцев объяло, когда вскоре и куруцы совершили налет на город... /там же/¹⁷

III.

Упомянутые венгерские экзотизмы, обладающие разной степенью экзотичности и "чуждости" имеют неодинаковые "шансы" стать когда-либо заимствованными словами русского

литературного языка. Некоторые из них, вышедши из обширной категории "иностранных слов", или из категории "усвоенных, но не освоенных"¹⁸, или "недоосвоенных", в той или иной степени уже и сейчас удовлетворяют необходимые и в то же время достаточные внутриязыковые и внеязыковые /экстралингвистические/ условия: отсутствие семантических дублетов на лексическом уровне; употребительность не менее чем в двух разных речевых жанров; слово не может быть заимствовано раньше, чем предмет, им обозначаемый и т.п.¹⁹

С середины 50-х годов словарь русского языка пополняется заимствованиями через специальные сферы /научная, техническая, политическая и спортивная терминология/, важную роль при этом играла как пресса, так и художественные переводы²⁰.

Ю.Г. Маслов отмечает, что "заимствования из письменных текстов или, во всяком случае, с учетом письменного облика слова... связаны с более "квалифицированным" освоением чуждоязычной культуры, идущим через книгу, газету, через сознательное изучение соответствующего языка..."²¹ И первая "обработка" иноязычного элемента, имеющего какой-нибудь шанс на "статус" экзотизма, принадлежит обычно первому популяризатору -- переводчику художественного произведения. Эта ответственная работа выполняется в последние десятилетия высококвалифицированными мастерами слова, такими известными мастерами слова и знатоками обоих языков, как, например, недавно скончавшиеся В. Клепко, И. Салимон, А. Гидаш, и многими другими выдающимися "послами венгерской культуры в СССР" /Е. Малыхиной, Т. Воронкиной, Ю. Гусевым, Ю. Шишмоным, Е. Терновской, Е. Тумаркиной, О. Грозовым, Г. Лейбутиным, О. Россияновым, А. Науменко, Н. Залкой, Л. Васильевой, Н. Подземской, Ф. Осколковым и т.д./. Представляют они, как правило, т.н. субординативное двуязычие²², и как раз поэтому их переводы, на наш

взгляд, заслуживают внимания как с точки зрения психолингвистики, так и теории перевода и языкознания.

Под языковым контактом некоторые лингвисты понимают лишь "речевое общение между двумя языковыми коллективами"²³, но о межъязыковой связи можно говорить и в том случае, если двуязычия может не быть, напр., при заимствовании тех или иных лексических элементов в процессе различных социально-политических, культурно-исторических и иных отношений²⁴.

Мы придерживаемся позиции, которая в большей степени учитывает как "дихотомию языка и речи", так и немаловажную форму контактирования, названную Б.А. Серебренниковым "маргинальным контактированием"²⁵.

В венгерско-русской лексикографии и сейчас даются "русские эквиваленты" к тем или иным экзотизмам венгерского языка, приведенным и в нашей работе. В "Венгерско-русском словаре" Л. Гальди /Будапешт -- Москва, 1976/ приводятся, между прочим, такие русские формы с разными описаниями и объяснениями-комментированиями:

- бетяр: разбойник, грабивший богатых и защищавший бедных /с. 91/
куруц: участник восстания князя Ракоци против Габсбургов в XVIII веке /с. 435/
лабанц: приверженец Габсбургов в начале XVIII века /с. 439/
левенте: член профашистской организации молодежи в хорватской Венгрии /с. 469/
палинка: венгерская водка /с. 605/
паприкаш: тушеное мясо, приправленное красным перцем /с. 606/
перкельт : кусочки мяса, тушенные в соусе с красным перцем и луком /с. 622/
пули : маленькая венгерская овчарка /с. 624/

пуста, пушта: венгерская степь /с. 625/

тархоня: изделие из пресного теста в виде мелких шариков, используется как заправка в суп и как гарнир /с. 716/

Литература

1. Н.М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1964, с. 100.
2. Papp Ferenc. Konyv az orosz nyelvről. Budapest, 1979, pp. 381--385.
3. Pete Istvan. Orosz-magyar egybevető szótár. Budapest, 1982, p. 69.
4. Л.П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 43.
5. А.А. Брагина. Лексика языка и культуры страны. М., 1981, с. 82.
6. А.А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1967, с. 137--139.
7. И.У. Асфандриянов. Узбекские лексические элементы в русских переводах с узбекского. -- ВЯ, 1981, № 6, с. 74--79.
8. Г.Д. Томахин. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения. -- ИЯШ, 1980, № 4, с. 84--85.
9. Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко. О некоторых вопросах развития языковой культуры народов СССР. -- ВЯ, 1966, № 2, с. 11.
10. Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко. Процессы взаимодействия русского и других языков народов СССР. -- РЯШ, 1966, № 1, с. 11.
11. Л.П. Крысин. Ук. соч., с. 35.
12. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. О лингвострановедческом аспекте учебника. -- В кн.: Содержание и структура учебника русского языка как иностранного. М., 1981, с. 164--167.
13. Словарь иностранных слов. М., 1982, с. 100, 107, 138, 146, 360, 370, 411, 529, 536, 549, 559, 562.
14. Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980, с. 83.

15. К. Мусаев. Культура языка и перевода. Ташкент, 1982, с. 93.
16. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Язык и культура. М., 1983, с. 74--75.
17. Дальнейшие примеры см.: Л. Хайзер. Названия лиц по местности, мотивированные венгерскими топонимами. In: A korszerubb orosznyelv-oktatásáért V. /Szerk. Misky Gyorgy/. Pecs, 1985, pp. 61-80.
18. А.А. Реформатский. Ук. соч., с. 135--136.
19. Л.П. Крысин. О новых иноязычных заимствованиях в лексике современного русского литературного языка. -- Вопросы культуры речи, вып. 5, М., 1964, с. 77--78, 89--90.
20. Лексика современного русского языка. Серия "Русский язык и советское общество", т. I /Под ред. М.В. Панова/. М., 1968, с. 88--91.
21. Ю.С. Маслов. Введение в языкознание. М., 1975, с. 256--257.
22. В.Ю. Розенцвейг. Языковые контакты. Л., 1972, с. 10.
23. В.Ю. Розенцвейг. Ук. соч., с. 10.
24. Ю.А. Жлуктенко. Комментарии к "Языковым контактам" У. Вайнрайха. Киев, 1979, с. 211.
25. Б.А. Серебrenников. О взаимодействии языков. -- ВЯ, 1955, № 1, с. 10.

Перечень цитированных в работе художественных
переводов

1. Э. Ади. Песня скитальцев-куроуцев /Перевод Б. Дубина/ -- "ИЛ", 1977, № 12.
2. Л. Барат. Пламя и копоть /Перевод К. Иванова/. В кн.: Человек в кожаной тужурке. М.: Прогресс, 1969.
3. Э. Галгоци. Церковь святого Христофора. -- "ИЛ", 1981, № 8, /Перевод Е. Малыхиной/.
4. И. Дарваш. Город на трясине /Перевод К. Иванова, Н. Дзубы, В. Мусатова и Ю. Шишмолина/. М.: Воениздат, 1977.
5. И. Дарваш. Пьяный дождь /Перевод Б. Гейгера/. В кн.: И. Дарваш. Колокол в колодце. Пьяный дождь. Романы. М.: Прогресс, 1975.
6. Т. Дери. Отложения дней /Перевод Н. Подземской/. -- "ИЛ", 1974, № 9.

7. Т. Дери. Милый бо-пэр! /Перевод Е. Малыхиной/. -- "ИЛ", 1979, № 7.
8. И. Добози. Без власти /Перевод Ю. Шишмолина/. М.: Воениздат, 1982.
9. М. Залка. Осада /Перевод Ф. Осколкова/. М.: Воениздат, 1983.
10. Д. Ийеш. Обед в замке /Перевод Т. Воронкиной/. -- "ИЛ", 1971, № 9.
11. Л. Мештерхази. Люди из Будапешта /Перевод О. Громова/. В кн.: Л. Мештерхази. На озере Ферте. М.: Ин. литература, 1961.
12. К. Миксат. Призрак в Лубло /Перевод Г. Лейбутина/. В кн.: К. Миксат. Кавалеры. Повести. М.: Московский рабочий, 1981.
13. К. Миксат. Два нищих студента /Перевод Г. Лейбутина/. В кн.: К. Миксат. Голубка в клетке. Два нищих студента. М.: ГИХЛ, 1962.
14. К. Миксат. Черный петух /Перевод О. Громова/. В кн.: К. Миксат. Кавалеры. Повести.
15. К. Миксат. Говорящий кафтан /Перевод О. Громова и Г. Лейбутина/. В кн.: К. Миксат. Кавалеры. Повести.
16. Ф. Мора. Речка у Майтенья /Перевод Агнессы Кун/. В кн.: Ф. Мора. Король Печка. М.: Детгиз, 1962.
17. Ж. Мориц. Господский пир /Перевод Ал. Гершковича/. В кн.: Ж. Мориц. Пьесы. М.: Искусство, 1962.
18. Ж. Мориц. В шуршащей, шелестящей тафте /Перевод Агнессы Кун/. В кн.: Ж. Мориц. Избранное, т. 2, М.: ГИХЛ, 1958.
19. Ж. Мориц. Обед /Перевод А. Кун/. Там же.
20. Ж. Мориц. Варвары /Перевод А. Кун/. Там же.
21. Ж. Мориц. Хоть однажды досыта наесться /Перевод А. Кун/. Там же.
22. Ж. Мориц. Родственники /Перевод Е. Малыхиной/. В кн.: Ж. Мориц. Пьесы.
23. Ж. Мориц. Счастливый человек /Перевод В. Оленина/. В кн.: Ж. Мориц. Избранное, т. I, М.: ГИХЛ, 1958.
24. М. Сабо. Старомодная история /Перевод Ю. Гусева/. М.: Прогресс, 1980.
25. П. Сабо. Пядь земли /Перевод Ю. Гусева/. М.: Прогресс, 1975.
26. К. Сакони. Сквозь дымку /Перевод С. Середы/. В кн.: К. Сакони. Дивное лето. Рассказы. М.: Радуга, 1982.
27. К. Сакони. Все торопятся по домам /Перевод В. Самошкина/. Там же.

28. К. Фехер. У меня будет остров! /Перевод О. Громова/. М.: Детская лит., 1982.
29. Т. Череш. Ой ты, небо звездное /Перевод Е. Малыхиной/. В кн.: Т. Череш. Холодные дни. Повести и рассказы. М.: Радуга, 1985.

ТРУДНОСТИ ВЕНГРОВ В ОБУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ВИДА

И. Кечкеш

I. Категория вида еще и в наши дни является одним из самых важных и в то же время наиболее спорных вопросов русистики. Причина этого общеизвестна. Процесс грамматикализации глагольных видов и в настоящее время не можем считать законченным. Вид тесно связан, по словам В.В. Виноградова¹, "с лексико-семантическими своеобразиями словесного материала", "со своей лексикологической базой". Мы можем согласиться с А.М. Ломовым², что для вида далеко не безразлична многозначность слова, поскольку он, строго говоря, ориентируется в первую очередь на составляющие слова -- его лексико-семантические варианты, которые являются единственно реальными репрезентантами слова в функционирующем языке.

Этот тезис наглядно подтверждается тем фактом, что иногда наблюдается расхождение в образовании перфективных соответствий к одному и тому же имперфективному глаголу, реализующему разные лексико-семантические варианты. Например:

бить -- побить мальчика

бить -- разбить стакан

мешать -- помешать чай ложкой

мешать -- смешать вино с водой

Ориентация на лексико-семантический вариант слова как одна из ярких и существенных особенностей глагольного вида, в свою очередь, обуславливает и другие особенности этой категории и затрудняет ее изучение для владельцев других языков, в том числе, венгров.

II. Основные различия между русским и венгерским языками:

1. В русском языке существует вид, как самостоятельная

грамматическая категория, имеющая свои особенности формального выражения, а в венгерском языке есть лишь видовые образования. В русском языке в образовании видовых форм решающую роль играют префиксация и суффиксация. Превербы венгерского языка во многом отличаются от своих русских эквивалентов. Важнейшим различием является то, что они обладают большей самостоятельностью, чем русские приставки. Они могут отделяться от глагольной основы и в то же время иногда встречаются и без глагольной основы в кратких ответах на вопросы, например:

- <u>Feladtad</u> a levelet?	- Ты отправил письмо?
- <u>Fel</u> .	- Да, отправил.

В венгерском языке превербы являются самостоятельной частью речи. Они могут стоять перед и за глаголом.

Itt megáll a vonat. /Здесь останавливается поезд./

Itt nem áll meg a vonat. /Здесь не останавливается поезд./

Бывают случаи, когда между превербом и глаголом стоит еще и другое слово. Например:

Itt meg kell állnia a vonatnak.

/Здесь поезду надо остановиться./

Все превербы могут иметь перфективирующую функцию, когда они сливаются с глагольной основой, за исключением нескольких глаголов с превербом "el". Например: elábrándozik /замечтаться, размяться/, eléldegél /проживать/ и другие.

Если преверб отделяется от основы и следует за ней, то глагол обычно выражает несовершенство.

Péter elment. Петр ушел.

Péter most megy el. Петр уходит.

Однако не существует постоянного правила, что глагол всегда выражает несовершенство, если приставка стоит за ним. Инверсия приставок, имеющих перфективирующую функцию, выделяет подлежащее или дополнение³. Например:

Kolja megcsinálta a feladatot. Коля сделал задание.

Kolja csinálta meg a feladatot. Задание сделал Коля.

Átadott egy könyvet. Он отдал /мне/ книгу.
Egy könyvet adott át. Он /мне/ книгу отдал.

2. Категория вида в русском языке охватывает всю глагольную лексику. Каждый глагол относится или к несовершенному или к совершенному виду⁴.

В венгерском языке это далеко не так. Тот же самый глагол может выражать совершенность или несовершенность в зависимости от контекста. Например:

Vera este leveleket írt.

Вечером Вера писала письма.

Vera este írt egy levelet.

Вечером Вера написала письмо.

Ebéd után ivott egy pohár sört.

После обеда он выпил стакан пива.

Mikor megláttam, éppen sört ivott.

Когда я увидел его, он пил пиво.

В русском языке совершенность или несовершенность действия обычно обозначается морфологической структурой глагола, тогда как в венгерском это реализуется чаще всего на синтаксическом уровне.

Вот одна из главных причин ошибочного употребления видовых форм в речи венгерских учащихся. Они уже на раннем этапе обучения русскому языку знакомятся с формальными показателями вида и при переводе они ищут те же формальные показатели и в венгерских глаголах. То есть, если венгерский глагол не имеет в своей морфологической структуре ни приставки, ни суффикса, при переводе венгерский ученик в большинстве случаев употребляет глагол несовершенного вида, хотя это обычно неправильно.

А. Клемм⁵ пишет о том, что глагольное действие определяется, и таким образом перфективируется ударным дополнением или обстоя-

тельством, относящимся непосредственно к нему. Если глагол ударен, то он и формально перфективируется. Например:

Vera este levelet írt.

Вера вечером написала письмо.

Vera este megírt egy levelet.

Вечером Вера письмо написала.

Полемизируя с мнением Клемма, И. Пете⁶ доказывает, что и безударное дополнение может перфективировать глагольное действие. Например:

Elővette a füzetét és írt egy verset.

Он взял свою тетрадь и написал стихотворение.

И. Пете указывает и на очень важное свойство венгерского языка, которое характерно для всей его системы; грамматическое значение не нужно маркировать еще раз, если оно уже маркировано. При количественных дополнениях обычно употребляются глаголы несовершенного вида, потому что законченность, результативность действия и по контексту несомненна. Например:

Reggel ittam két pohár tejet és ettem két zsemlét.

Утром я выпил два стакана чая и съел две булочки.

3. В венгерском языке выражение будущего времени не зависит от вида глагола, оно выражается синтаксически, с помощью обстоятельств. Вспомогательный глагол будущего времени "fog", в основном, имеет в современном венгерском языке эмфатическую функцию.

Holnap hatkor kelek.

Завтра я встану в 6.

Holnap hatkor fogok felkelni.

Завтра я встану в 6.

Для подчеркивания действия употребляется приставочный глагол совершенного вида:

Holnap felkelek hatkor.

Завтра в 6 я встану.

В русских предложениях будущее время передается морфологической структурой глагола. обстоятельство "завтра" только подчеркивает это, но предложение и без него выражает будущее.

Если в венгерском предложении обстоятельство "holnap" заменяется обстоятельством "mindig", предложение выражает настоящее время:

Mindig hatkor kelek.

Я всегда встаю в 6.

В венгерском языке вспомогательный глагол "fog" сочетается и с глаголами несовершенного и совершенного вида. Например:

Holnap hatkor fogok kelni. Holnap hatkor fogok felkelni.

Тогда как русский вспомогательный глагол "быть" /буду, будешь/ может стоять только с глаголами несовершенного вида. Вот чем объясняется типичная ошибка венгров типа:

Завтра я буду встать в 6.

III. В венгерских учебных пособиях обычно дается следующая трактовка видов: несовершенный вид выражает повторяемость, процессуальность, длительность действия, тогда как совершенный вид обозначает единичность, результативность и законченность. Учащиеся склонны это правило абсолютизировать. Они никак не понимают разницы между предложениями типа:

На уроке мы обсуждали планы летнего отдыха.

На уроке мы обсудили планы летнего отдыха.

Как вы провели лето? Как вы проводили лето?

В тот вечер умер капитан Никитенко, он мучительно умирал.

/Ю. Бондарев: Последние залпы./

- Ты знаешь, что с Верой случилось?

- Знаю, знаю, она уже рассказывала мне.

Хотя мы в данном случае имеем дело с единичным, результатив-

ным и законченным действием, оказывается, что все-таки можно употребить и глагол несовершенного вида.

Совсем упускаем из виду, что при констатации факта, имевшего место в прошлом, хотя действие единичное и конкретное, законченное, надо употребить несовершенный вид. Глагол совершенного вида изменяет значение целого высказывания. По нашему убеждению, в процессе обучения виду не уделяется достаточного внимания тому факту, что вид -- это выражение взгляда говорящего по-русски человека на действие. Он подбирает языковые формы соотносительно тому, что он намерен в данной ситуации выразить. При обучении виду мы обычно идем от формы к содержанию, хотя надо было бы наоборот: от содержания к форме. Для этого учащихся надо ознакомить с основным содержанием видов.

Несовершенный вид "только" называет действие, указывает на то, что оно проходит, проходило, будет проходить. Повторяемость, длительность, процессуальность -- значит все, что обычно называется частными видовыми значениями несовершенного вида, выражается не самим глаголом, а разными другими языковыми средствами, в том числе обстоятельствами, придаточными предложениями и т.д. Таким образом, несовершенный вид является нейтральным, немаркированным членом видовой оппозиции.

Совершенный вид, в свою очередь, направляет внимание на пределы, совершенность, результативность действия уже своей морфологической структурой. Его частные видовые значения обычно не нуждаются ни в каких дальнейших формальных "подкреплениях". Значит, совершенный вид надо считать маркированным членом видовой оппозиции.

IV. В процессе обучения виду много внимания уделяется выражению повторяемости действия глаголами несовершенного вида. Венгерским учащимся мешает тот факт, что в нашем языке выражение повторяемости действия нельзя считать частью общего видового значения глагола. Пете указывает на то, что даже итератив-

ные глаголы могут быть несовершенными и совершенными⁷, например:

Gyakran <u>megveszem</u> a Népszabadságot	/CB/
Я часто <u>покупаю</u> Непсабадшаг.	/НСВ/
Minden nap <u>megiszik</u> egy liter tejet	/CB/
Каждый день он <u>пьет</u> литр молока.	/НСВ/

V. При выборе правильной видовой формы очень важную роль играет лексическое значение глагола. По мнению О. Суона⁸, глаголы можно классифицировать следующим образом:

1. глаголы, выражающие результативность своим лексическим содержанием:
купить, взять, послать, заказать
2. глаголы, не выражающие результативности своим лексическим значением:
играть, смеяться, работать, любить, жить
3. глаголы, стоящие на полпути между результативным и нерезультативным значением:
строить, звонить, просить, делать.

"Чисто видовую" корреляцию образуют, на наш взгляд, только глаголы первой группы, потому что результативность является неотъемлемой частью их значения. Поэтому было бы целесообразно ввести понятие вида на основе таких глаголов, как покупать/купить; посылать/послать; получать/получить; заказывать/заказать и т.д., в которых лучше всего выражается видовое противопоставление, и студентам не надо различать их по результативности.

Но в учебниках обычно встречаются такие "видовые пары", как делать -- сделать, писать -- написать, учить -- выучить, смотреть -- посмотреть, играть -- сыграть, видеть -- увидеть, строить -- построить.

В них переплетаются два процесса: формообразование и словообразование. Разница в лексическом значении глаголов типа видеть/

увидеть; учить/выучить; смотреть/посмотреть; играть/сыграть и их противопоставление по выражению результативности мешает венгерским студентам понять суть видового противопоставления.

VI. В учебных пособиях обычно нет ни слова о так наз. "конкуренции видов", хотя в упражнениях встречаются в большинстве случаев только предложения вне контекста. Так, в некоторых предложениях может употребляться и глагол совершенного и глагол несовершенного вида в зависимости от ситуации. Определяющая роль цели высказывания выдвигается на передний план особенно в таких случаях, когда в предложении нет другого языкового средства, которое подчеркивало бы употребление той или иной видовой формы. Например:

Я знаю, как он живет, потому что он писал/написал мне об этом. Кто открывал/открыл окно? Вы уже обедали/пообедали?

Л.Н. Шведова⁹ пишет о том, что "минимальный контекст позволяет вместо глагола совершенного вида употребить глагол несовершенного вида и наоборот, так как значение, выражаемое и той и другой формой, не противоречит смыслу изолированного высказывания. Однако для уточнения границ взаимозаменяемости видов необходимо привлечь контекст, передающий речевую ситуацию в целом /включая и коммуникативную задачу говорящего/. При этом в ряде случаев конкуренция видов снимается".

Об употреблении совершенного или несовершенного вида обычно дается следующая трактовка¹⁰:

1. Если внимание говорящего направлено на присутствующий в момент речи результат, используется глагол совершенного вида.
2. Если же предполагается выяснение обстоятельств, связанных с осуществлением действия, то в предложении должен быть представлен глагол несовершенного вида.

На наш взгляд, к этому надо еще добавить, что употребление глагола несовершенного вида возможно обычно в том случае,

если законченность, результативность действия уже выражены ситуацией, и их обозначение таким образом становится излишним, что дает возможность употреблять имперфектив для выражения специфических значений. Например:

а/ -- Смотри! Кто покупал это платье? Оно так некрасиво.
-- Я не знаю. Спроси у Веры.

б/ -- Вот посмотрите этот словарь.
-- Да, интересно. Где вы брали его?

В таких вопросительных предложениях в венгерском языке глагол употребляется без преверба, если вопросительное слово или дополнение ударно. Например:

<u>Ki</u> díszített fenyőfát?	Кто украшал елку?
Ki díszítette <u>a fenyőfát</u> ?	Кто украшал елку?

Если глагол стоит в фокусе, преверб стоит за ним.

Ki díszítette fel a fenyőfát? Кто украсил елку?

Дальнейшие примеры:

<u>Mikor</u> főzöl ebédet?	Когда ты готовишь?
Mikor főzöd <u>az ebédet</u> ?	Когда ты готовишь обед?
Mikor <u>főzöd meg</u> az ebédet?	Когда ты приготовишь обед?

VII. Для преодоления трудностей усвоения правильного употребления видов русского глагола надо принимать во внимание следующие факты:

1. Ученики уже на начальном этапе обучения русскому языку сталкиваются с видом, ведь нет русского глагола вне этой категории. Следовательно, еще в четвертом классе начальной школы рекомендуется начать работу над видами. В действительности, однако, это начинается только в седьмом классе.
2. Что касается проблемы образования видовых пар, на наш взгляд, этот вопрос не столь важен, чтобы его вводить в учебный план. Знакомясь с глаголами русского языка как с новыми словами, ученики сразу же получают видовую пару,

где она есть. Способы образования видовых пар очень разнообразны и сложны, они составляют для венгров большие затруднения, и у учащихся обычно складывается ошибочное убеждение, будто каждый русский глагол имеет свою видовую пару, хотя это далеко не так.

3. Чтобы заметить особенности видо-временной системы русского языка, нужно приводить такие примеры, в которых тот же самый глагол имеет все пять возможных временных форм. Например: Наташа помогает маме. Наташа будет помогать маме. Наташа поможет маме. Наташа помогала маме. Наташа помогла маме.

Сначала целесообразно сопоставить формы и функции глаголов в настоящем и будущем времени. Ученики довольно легко понимают, почему спрягаемые формы совершенного вида передают будущее время. При сравнении с венгерскими эквивалентами надо подчеркнуть, что венгерский глагол на самом деле не имеет формы будущего времени, и поэтому это временное значение выражается на синтаксическом уровне. На втором этапе обсуждается разница между видо-временными формами прошедшего времени. Как уже было установлено, это представляет собой особую трудность для венгров, так как данная оппозиция в венгерском языке часто нейтрализуется. Следовательно, этой проблеме надо уделить специальное внимание.

4. Родной язык может быть опорой в процессе обучения виду только в некоторых случаях. Как мы видели, это объясняется тем, что между глагольными системами наших языков имеются основные различия в отношении как формы, так и содержания.

Примечания

1. В.В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. -- В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952, с. 125.
2. А.М. Ломов. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, Изд. Воронежского ун-та, 1977, с. 18.
3. Dezső L. A főnévi csoport.-- Általános Nyelvészeti Tanulmányok VI. 55.old.
4. Имеются и так называемые двувидовые глаголы типа командовать, атаковать, использовать, организовать, которые образуются в большинстве случаев от основ иноязычного происхождения. Однако и в этой группе наблюдается тенденция распределения по видам, напр.: атаковать -- атакывывать, образовывать -- образовывать.
5. Klemm A. Történeti mondatattan. Цитирует И. Пете в статье: Pete I. Az igeszemlélet, a cselekvés megvalósulásának foka. -- Magyar Nyelv LXXXIX. 2. szám, 145. old.
6. Pete I. Az igeszemlélet, a cselekvés megvalósulásának foka. -- Magyar Nyelv LXXIX, 1983. 2. szám, 145. old.
7. Ук. соч., с. 144.
8. O. Swan. The mystery of the "Imperfective--Completive". -- Slavic and East European Journal, Volume 21, Number 4, Winter 1977, p. 519.
9. Л.Н. Шведова. К вопросу о конкуренции видов в современном русском языке. -- Русский язык за рубежом. № 3, 1978, с. 76.
10. Там же, с. 76.

ПЕРМИССИВНЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Крекич

1. Каузальный подход к теме пермиссивных побудительных высказываний предполагает исследование причин языкового поведения /процессов мышления/, изучение воздействия, которое оказывает язык на слушающего. Большую помощь в этом оказала нам теория речевых актов, изложенная Дж. Серлем, который развил самую последовательную концепцию этой теории¹.

1.1. Дж. Серль обратил внимание на то, что между языком и коммуникацией, между значением и речевыми актами имеется существенная связь. Основной единицей коммуникации он считает иллокутивный акт, который некоторые лингвисты смешивают с перлокутивным актом. Неточное понимание разницы между иллокутивным и перлокутивным актами является -- по его мнению -- главной слабостью теории значения². Недоразумения объясняются тем, что некоторые лингвисты видят в слове "force" /воздействие, сила/ только одно видовое значение. Слово "воздействие" как и русский глагол "воздействовать" имеет два видовых значения: одно имперфективное и одно перфективное. Первое относится к способу, или к степени, второе к последствию, результату воздействия, т.е. при иллокутивном акте речь идет о способе, или степени воздействия, а при перлокутивном -- о последствии, результате воздействия говорящего на слушающего.

1.2. Возникает вопрос, что называют специалисты иллокутивной силой, иллокутивным воздействием. По мнению Дж. Серля, понятие иллокутивной силы производно от нескольких элементов. Одним таким важным элементом он признает, например, иллокутивную цель высказывания, которая является лишь частью иллокутивной силы. "Так, например" -- пишет он далее --, "иллокутивная цель просьбы -- та же, что и у приказаний: и те, и другие представля-

ют собой попытку побудить слушающего нечто сделать"³. Упомянем только о тех элементах иллокутивной силы /иллокутивного воздействия/, которые применимы лишь к побудительным высказываниям. Таким элементом можем считать, например, силу намерения говорящего, "различия в энергичности, или в силе, с которой подается иллокутивная цель"⁴. С точки зрения силы намерения мы различаем еще так называемую внешнюю и внутреннюю силу воздействия, в зависимости от того, как, каким способом осуществляет говорящий свою иллокутивную цель. Речь идет о внешней иллокутивной силе, когда воздействие говорящего проявляется в различной степени энергичности, власти. В соответствии с вышесказанным нам представляется, что "различия в статусе или положении говорящего" могут послужить элементом проявления внешней иллокутивной силы /внешнего иллокутивного воздействия/. В этом отношении наше внимание направлено на социальное положение интерактантов. /Относительно этого вопроса заслуживает особенного внимания исследование В.С. Храковского и А.П. Володина -- 1986./⁵. Мы имеем в виду внутреннюю иллокутивную силу, когда воздействие говорящего проявляется в различной степени возложения ответственности /обязательств/ на адресата. Важным элементом иллокутивной силы признается нами и оценочная /аксиологическая/ функция императива /или побудительного высказывания/, "различия в том способе, которым высказывание соотнесено с интересами говорящего и слушающего"⁶. Главным индикатором иллокутивной побудительной силы высказывания можно считать форму императива /форму СВ или НСВ/, с которой факультативно могут сочетаться разные конструкции /в виде "очень прошу тебя", "если хотите"/ и частицы /"ну-ка", "а ну", "ну", "пожалуйста" и т.п./, оттеняющие иллокутивную силу высказывания.

2. В нашей статье нам хотелось бы коснуться лишь одного спорного прагматического значения, а именно значения пермиссивности /разрешения/ в побудительных высказываниях.

3. Форма императива НСВ чаще всего наблюдается в частной

видовой позиции конкретного процесса: она служит как бы сигналом к совершению единичного, конкретно-процессного действия, прикрепленного к ситуации речи.

3.1. В позиции конкретного процесса форма императива НСВ может обозначать качество акта разрешения. Говорящий разрешает, делает возможным намеренное действие адресата, не ограничивает его в своей воле /в своем намерении/; адресат может поступать по своему усмотрению. Иллокутивное воздействие императива НСВ при этом качестве акта минимально, оно сведено почти к нулю. Инициатором речевого акта является адресат. Говорящий оттесняется по отношению к адресату несомненно на второй план, но не зависит от воли адресата. Эмоциональное отношение говорящего к акту можно считать нейтральным, т.е. ни положительным, ни отрицательным; он относится обычно к намеренному действию адресата с безразличием /с равнодушием/. Однако тут же необходимо подчеркнуть -- как указывает Г.Х. Вraith --, что с философской точки зрения категория безразличия уже категории разрешения. Все то, к чему мы относимся с безразличием, разрешается, но не ко всему мы относимся с безразличием, что нами разрешается⁷. /При качествах акта пермиссивной просьбы, пермиссивного приглашения и пермиссивного предложения и говорящий хочет, чтобы намеренное действие адресата совершилось, он относится к совершению действия благосклонно, т.е. неравнодушно, небезразлично. Такое высказывание передается формой императива СВ; оно имеет побудительную иллокутивную силу одобрения. Об этом см. подробнее в пункте 3.2./. Приведу блестящий пример, указывающий на различие между собственно разрешением и пермиссивной просьбой:

Звонцов. "Разрешите предложить медведя Бетлингу! Вы знаете, он оказывает нам... Булычов. "Знаю, знаю. Предлагай. А то -- архиерею предложи!" /М. Горький. Егор Булычов и другие, 209/.

Главным индикатором акта собственно разрешения является по-

велятельная форма НСВ. Собственно разрешение можно называть и условным разрешением, так как имплицитно /иногда и эксплицитно/ адресату предоставляется поступать в духе вежливой оговорки "if you will" "если вы хотите"⁸:

"-- Степан, словцо бы сказать хотел. -- Говори" /М. Шолохов. Тихий Дон, I. 48/. "Лучше я возле тебя посижу. -- Сиди, если хочешь" /В. Распутин. Последний срок, 405/. " -- Разрешите идти? -- Иди /А. Корнейчук. Фронт, 335/. " -- Закурить можно? -- Курите" /В. Шукшин. Сураз, 190/.

К повелительной форме НСВ часто могут присоединяться разные индикаторы качества акта условного разрешения, как, например, частицы ну что же, ну что ж, что ж, ну и, что угодно, как угодно, употребляющиеся для выражения безразличия, нейтрального отношения говорящего к высказываемому. Частицы ладно, пожалуй указывают на допустимость /возможность/ совершения действия, а частица пожалуйста используется для выражения вежливого разрешения:

" -- Я выезжаю. -- Ну что ж, езжай" /М. Шолохов. Тихий Дон, III. 303/. "Барышня, можно у вас ножку поцеловать? приставали к ней юнкера. -- Ах, какие вы... ну, целуйте!" /Н. Щедрин. Чижиково горе, 386/. Лика. "Налить еще чаю?..." Леонидик. Ладно, наливай..." /А. Арбузов. Мой бедный Марат, 153/. Кривonos. "Молчи. Я спать хочу". Лубецко. "Что ж, отдыхай..." /А. Корнейчук. Богдан Хмельницкий, 213/. Булычов. "Вот, давай-ка, поговорим теперь о божьей-то, о господе, о душе". Меланин. "Ну... что ж, говори!" /М. Горький. Егор Булычов и другие, 228/. Слетов. "Володька, можно поцеловать Олю?" Орлов. "Целуй, пожалуйста". Ольга. "Об этом не мешает спросить меня" /А. Афиногенов. Волчья тропа, 53/. " -- А ты знаешь ли, что я тебя за эти слова к исправнику отправлю, да напишу, чтобы он хорошенько тебя поучил! -- пригрозил Федор Васильевич, не теряя самообладания. -- Мне что ж... отправляй, пожалуйста!" /Н. Щедрин. Пошехонская старина, 357/.

4. При качествах акта пермиссивной просьбы, пермиссивного приглашения и пермиссивного предложения целостные действия повелительных форм СВ осуществляются в частной видовой позиции конкретного факта. Формы императива СВ служат как бы сигналом к совершению конкретного и разового действия, приуроченного к одному узко локализованному временному плану, к одной ситуации.

4.1. Качество акта пермиссивной просьбы. В пункте 3.1. нами указывалось на то, что все, к чему мы относимся с безразличием, разрешается, но не ко всему относимся с безразличием, что нами разрешается. Мы можем разрешенное и одобрять в виде пермиссивной просьбы, пермиссивного приглашения и пермиссивного предложения. В таких случаях в цели действия положительно инвольтирован не только адресат /инициатор акта/, но и говорящий /"Te-losinvolvierung"/.

Инициатором пермиссивных актов бывает всегда адресат, но импульсом пермиссивных каузаций может быть не только запрос /обращение адресата с просьбой к говорящему/ -- как это утверждают Храковский и Володин⁹ --, но и любое утвердительное высказывание, выражающее волю, намерение адресата.

При качестве акта пермиссивной просьбы адресат своим импульсом старается сделать говорящего заинтересованным в совершении действия. Говорящий не только разрешает, но и просит адресата совершить действие, в цели которого он /говорящий/ положительно инвольтирован /или в выполнении которого он находит удовольствие/:

Татьяна. "Налить вам чаю?" Бессеменов. "Налей..." /М. Горький. Мещане, 115/. " -- А хочешь, я тебе сыграю, развею тоску твою. -- Сыграй" /В. Шукшин. Одни, 27/. " -- Можно, я скажу ребятам, что у нас все в порядке будет? -- Так и скажи: всю землю перевернем вверх тормашками, а мать не отдадим" /В. Распутин. Деньги для Марии, 566/. Звонцов. "Разрешите предложить медведя Бетлингу! Вы знаете, он оказывает нам..." Булычев. "Знаю, знаю! Предлагай. А то -- арихиерею предложи!" /М. Горький. Егор Булы-

чов и другие, 209/.

4.2. Качество акта пермиссивного приглашения. С прагматической стороны проблематичным оказывается определение качества акта у императива СВ в следующей ситуации /1/:

/1/ /Раздается стук в дверь./ Максимов. "Войдите!" /С. Алешин. Дипломат, 337/.

Качество акта императива "войдите" в этой ситуации толкуется лингвистами по-разному. О.П. Рассудова придает императиву "войдите" модальное значение "разрешения"¹⁰. Дж. Форсайт считает его нейтральной, но абсолютно вежливой просьбой¹¹. В.М. Матвеева использует императив "войдите" для выражения "просьбы"¹². Ян Светлик присваивает ему оттенок категоричности¹³. Наш материал показывает, что императив "войдите" в примере /1/ сигнализирует пермиссивное приглашение.

Приведем несколько примеров, передающих разными способами качество акта пермиссивного приглашения. В нижеследующем высказывании /2/ сообщается о том, что к Раймонду пришла дама. Слуга должен попросить ее войти. В примере /3/ полковник просит стучащих в дверь войти. В высказывании /4/ Антонина императивом СВ настойчиво приглашает войти незнакомого, стучащего в дверь. Осадчий, узнав, что вошедший ему знаком, обращается к нему более вежливо; смягчается категоричность высказывания, дистантное положение интерактантов переходит в контактное; холодная вежливость /"distant politeness"/ переходит в смягченное приглашение. Когда говорящий ожидает знакомого, он использует повелительную форму НСВ /5/. Замена формы СВ формой НСВ вносит в высказывание смягчение категоричности, иллюкутивное побудительное воздействие ослабляется:

/2/ Слуга /к Раймонду/. "К вам русская дама". Раймонд.
"Проси!" /Братья Тур. После разлуки, 262/.

/3/ /Стук в дверь./ Кузьмин. "Прошу". /Входят крестьянин и крестьянка./ /Братья Тур. Губернатор провинции, 123/.

/4/ /Стук в дверь./ Антонина. "Войдите!" /Входит Каргин./ Каргин /на пороге/. "Помешал? Извините", Осадчий. "Входи, входи, Саша" /Братья Тур. После разлуки, 289/.

/5/ /Стук./ Казимиров. "Входите, Варенька". /Входят Дина и Богатыревич./ /Л. Зорин. Стресс, 594/.

Вышеприведенные высказывания имеют и оттенок пермиссивности: если кто-либо приглашается после стука в дверь, то этим, бесспорно, разрешается и вход.

4.3. Качество акта пермиссивного предложения. Говорящий относится к предполагаемому действию адресата безразлично. Он одобряет действие адресата тем, что он не только разрешает, но и предлагает адресату произвести действие. Говорящий хочет, чтобы адресат выполнил предполагаемое им /адресатом/ действие. При качестве акта пермиссивного предложения в цели действия положительно инволевирован /заинтересован/ адресат. Здесь необходимо отметить, что в предложении кроме семы рекомендации скрывается еще и сема просьбы, чего нет, например, в совете. Первый из приведенных ниже примеров прямо свидетельствует о наличии семы просьбы в пермиссивном предложении:

Плотоногов. "Разрешите попробовать?" Колибри. "Конечно, прошу. Попробуйте". Плотоногов /берет таблетку и, проглотив, запивает ее наливкой/. "Хуже не будет" Колибри. "Думаю, что нет" /С. Михалков. Зеленый кузнечик, 324/. Гомира. "Прошу слова! Тихо!... Хочу сказать пару слов..." Букин /поощрительно/. "Давай, Боря, скажи. Вырази" /А. Вампилов. Прощание в июне, 9/. " -- Наташа, светочка, что-то хочу рассказать... -- Ну, расскажи" /М. Шолохов. Тихий Дон, I. 211/. " -- Довольны ли вы, господа генералы? -- спрашивал между тем мужчина-лежебок. -- Довольны, любезный друг, видим твое усердие! -- отвечали генералы. -- Не позволите ли теперь отдохнуть? -- Отдохни, дружок, только свей прежде веревочку" /Н. Щедрин. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил, 282/.

Выясняется, что говорящий одобряет /разрешает/ действие адресата тем, что он не только предлагает, но и просит адресата совершить действие: он хочет, чтобы адресат выполнил разрешенное /одобренное/ и даже предложенное им действие.

5. В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что пермиссивные акты, выраженные повелительными формами НСВ и СВ, противопоставлены по прагматическим признакам безразличия/небезразличия /безразличного/небезразличного отношения говорящего к высказываемому/ и по признакам слабого и сильного иллокутивного воздействия на адресата. Высказывания с повелительными формами НСВ при пермиссивном качестве акта оказывают слабое иллокутивное воздействие на адресата, а высказывания с повелительными формами СВ оказывают сильное иллокутивное воздействие. Это сильное воздействие императива СВ предполагает концентрированное в волевом отношении глагольное действие. Говорящий или адресат сосредоточивает свое внимание либо на цели высказывания /"целевая инвольвированность"/, либо на самом действии с эмоционально положительным знаком. Это концентрированное, сосредоточенное воздействие повелительных форм СВ делает и такие иллокутивные акты, как пермиссивная просьба, пермиссивное приглашение или пермиссивное предложение более убедительными и внушительными.

Примечания

1. J.R. Searle. A beszédaktus mint kommunikáció. -- In: Kommunikáció I. Válogatott tanulmányok. Bp., Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1977, p. 255--265.
2. J.R. Searle. Ук. соч., с. 260.
3. Дж.Р. Серль. Классификация иллокутивных актов. -- В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., "Прогресс", 1986, с. 170.

4. Дж.Р. Серль. Ук. соч., с. 175.
5. В.С. Храковский, А.П. Володин. Семантика и типология императива. Л., "Наука", 1986, с. 175.
6. Дж.Р. Серль. Ук. соч., с. 175.
7. G.N. von Wriqth. Deontikus logika. -- In: Kortárs-tanulmányok a logikaelmélet kérdéseiről. Вр., Gondolat, 1985, p. 535.
8. Дж.Р. Серль. Косвенные речевые акты. -- В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., "Прогресс", 1986, с. 219.
9. В.С. Храковский, А.П. Володин. Ук. соч., с. 168.
10. О.П. Рассудова. Использование видов глагола в русском языке. М., МГУ, 1968, с. 111.
11. J. Forsyth. Grammar of Aspect. Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, At the University Press, 1970, p. 215.
12. В.М. Матвеева. Пособие по развитию навыков устной речи. ЛГУ, 1972, с. 56.
13. Я. Светлик. О структурных типах императивных предложений в русском и словацком языках. -- In: Zbornik Katedry ruského jazyka a literatury Filozofickej fakulty Univerzity Komenského k 30 vyrociu vzniku katedry. 1977, с. 17.

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ ПОСЛОВИЦ

Э. Лендваи

1. Адекватная словарная и переводческая передача пословиц затрудняется сложной взаимной обусловленностью их формы и содержания. Будучи устойчивым предложением, пословица заключает в себе, как правило, высказывание /логическое суждение/ как в прямом, так и в переносном смысле. Одновременное проявление двух смыслов, что происходит благодаря высокой степени мотивированности /структурной прозрачности/, обеспечивает пословицам яркую коннотацию, которую принято называть образностью¹. В силу такой двуплановости значения сравнительно редко встречаются пословицы двух языков /да и в рамках одного языка/, которые совпадают в двух указанных аспектах:

/1/ а <u>Не все то золото, что блестит.</u>	<u>Nem mind arany, ami fénylik.</u>
б. <u>Дареному коню в зубы не смотрят.</u>	<u>Ajándék lónak ne nézd a fogát.</u>
в. <u>Беда не приходит одна.</u>	<u>A baj nem jár egyedül.</u>
г. <u>Все хорошо, что хорошо кончается.</u>	<u>Minden jó, ha a vége jó.</u>
д. <u>Яблоко от яблони далеко не падает.</u>	<u>Alma nem esik messze a fájától.</u>

В специальной литературе отмечается, что пословицы такого рода возникают в разных языках в результате аналогичных черт культуры и/или заимствующих процессов². Передача этих пословиц на сопоставляемом языке не доставляет трудностей, поэтому их можно считать полными эквивалентами. При семантической компарации фразеологизмов пословичного типа³ полная эквивалентность составляет идеальный случай, одну крайнюю точку на шкале соотносительности. Этот случай характеризуется, по меньшей мере,

совпадением переносного и прямого значений, следовательно, и совпадением образности, и параллельной синтаксической структурой. По более строгому подходу /абсолютные/ эквиваленты должны еще совпадать по стилистической принадлежности, эмоциональности, лаконичности и частотности⁴. Совпадение прямого значения предполагает наличие одинакового лексемного состава, а это в принципе влечет за собой и отсутствие в сопоставляемых пословицах национального колорита. Судя по жестким требованиям абсолютной эквивалентности, можно сказать, что абсолютных эквивалентов в системе пословиц не существует.

2. Практика двуязычной лексикографии⁵ устанавливает эквивалентные отношения между пословицами на основе сходства переносного значения. Это означает, во-первых, что между тремя основными компонентами существует иерархия /переносное значение -- прямое значение -- синтаксическая структура/ и, во-вторых, диапазон шкалы эквивалентности довольно широк. Рассмотрим показательные примеры в интерпретации Русско-венгерского словаря:

/2/ а. Век живи -- век учись.

Jó pap holtig tanul.

б. В тесноте, да не в обиде.

Sok jó ember megfér kis helyen. /tkp szűken, de nem veszekedve/

в. Цыплят по осени считают.

Nyugtával dicsérd a napot. /tkp ősszel számolják össze a csirkéket/

г. Первый блин комом.

Minden kezdet nehéz /tkp az első palacsinta gombocnak sikerül/

д. Своя рубашка ближе к телу.

Minden szentnek maga felé hajlik a keze. /tkp a saját ing közelebb van a testhez/

Такая практика является адекватной: устанавливает эквивалентные отношения между единицами двух языков, буквальным переводом исходной единицы как бы сопоставляет прямые значения, а

тем самым и семантические структуры. Цитируемый словарь пользуется данным приемом более или менее последовательно.

Существует немало случаев, когда в сопоставляемом языке нельзя найти пословиц сходного переносного значения. В подобных ситуациях двуязычные словари прибегают ко всякого рода преобразованиям и даже созданию "искусственных пословиц":

/3/ а. <u>Каша сама в рот не лезет.</u>	<u>Nem repül a szádba a sült galamb.</u> /tkp a kása maga nem mászik a szádba/
б. <u>Не всякое лыко в строку.</u>	<u>Nem kell a kákán is csomót keresni.</u> /Ф/
в. <u>В Тулу со своим самоваром не ездят.</u>	/Ф/
<u>В Тулу самовар возить.</u>	<u>A Dunába vizet hord.</u> /tkp Tulába szamovárt szállít/
г. <u>Лежачего не бьют.</u>	<u>A döglött oroszlánt nem dicőseég rugdalni.</u> /tkp aki a földre bukott, azt már nem szokták ütni/
д. <u>Нет худа без добра.</u>	<u>Minden rosszban van valami jó.</u> /Ф/

Венгерские поговорки Várja, hogy a sült galamb a szájába repüljön/sült galambra vár 'пассивно ждать улучшения' описывают ту же ситуацию жизни, что и русская пословица в /3а/. Этот удобный случай был использован словарем для создания квази-пословицы. В /3б/ была проделана аналогичная процедура: поговорка kákán is csomót keres 'придираться, чинить препятствия' легла в основу новой пословицы, осуждающей выраженную в ней деятельность. В случае /3в/, в принципе, можно было бы так же поступить, словарь, однако, выбирает другое решение: дает аналог русской поговорки в Тулу самовар возить. Примеры же, данные в /3г-д/, являются преобразованными вариантами венгерских пословиц A döglött oroszlánt a szamár is megrugdossa.

'Человека, лишенного прежней власти, унижают даже ничтожные люди' и Minden jóban van valami rossz is'. 'Во всяком приятном деле есть и плохое'.

Стремление словарей создавать новые пословицы отвечает принципу "пословицу переводить пословицей". Однако имеет ли право составитель словаря на такое лингвистическое новаторство? Нет ли возможности для передачи семантического содержания пословиц описательным путем? Существует мнение, согласно которому "в результате пересказа /описательной передачи -- Э.Л./ пословица перестает быть пословицей, потеряв свои отличительные черты: афористичность, образность, поэтический строй"⁶. Оказывается, в пословицах и форма содержательна. Пословица -- это слишком крупная единица языка для того, чтобы ликвидировать ее ради содержания. Высокая коммуникативная ценность пословицы именно в удачном сочетании назидательной мысли и поэтической формы.

Правда, не все пословицы характеризуются "особым ритмо-интонационным и фонетическим оформлением /параллелизм построения, стихотворный размер, звуковые повторы, рифма и т.п./"⁷. Это бросается в глаза в синонимических рядах, построенных из пословиц:

/4/ а. Все хорошо, что хорошо кончается.

б. Цыплят по осени считают.

в. Конец -- делу венец.

г. Minden jó, ha jó a vége.

д. Nyugtával dicsérd a napot.

'Судить о чем-либо следует по окончательным результатам.'

Перечисленные примеры по-разному обладают признаками "пословичности". /4б/ и /4д/ лишены всякого рода поэтичности, они сформулированы "в прозе". /4а/ и /4г/ не имеют в своем составе конкретного /прямого/ значения, поэтому в них отсутствует коннотативный заряд. Лишь /4в/ совмещает в себе идеальные пропорции стандартной пословицы.

3. Можно найти более объективную аргументацию в пользу принципа "пословицу переводить пословицей", если обратиться к тексту. Оказывается, в тексте эксплицируются все наиболее существенные атрибуты пословиц⁸:

/5/ а. "Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду."

/А. Пушкин: Капитанская дочка/

б. "Вот и я тоже. куда ни поеду, в театр ли, в клуб ли, всегда домой возвращаюсь. По русской пословице: в гостях хорошо, а дома лучше."

/А.Островский: Не от мира сего/

в. "Хоть ты теперь у меня и обученная, а все-таки храни старую нашу пословицу: "Век живи, век учись"."

/Мельников-Печерский: На горах/

Здесь, во-первых, отмечается особый статус "пословица". Атрибуты "русская", "наша" эксплицируют осознанную говорящими национальную принадлежность пословиц. Эпитет "старая" /часто "старинная"/ свидетельствует о том, что языковой коллектив воспринимает большинство пословиц как продукт предшествующих времен, продукт предшествующих поколений. С признаком "старая" тесно связан "народный" характер пословиц:

г. "Народ справедливо говорит: на Бедного Макара все шишки валятся. Все эти события могли действительно одно за другим навалиться на Шошина."

/М. Бубенов: Белая береза/

В текстах часто всплывает на поверхность "мудрый", "справедливый" характер пословиц, которым подчеркивается, что они воспринимаются как правильные суждения:

д. "Друзья познаются в беде!" -- правильные эти слова, но к сожалению, далеко не все люди верно их толкуют."

/Ю. Лаптев: Путь открыт/

- е. "В Петербурге апельсины и лимоны дешевы, а в теплых землях совсем нипочем... Правду пословица говорит: за морем телушка -- полушка, да рубль перевоз."

/М. Салтыков-Щедрин: Пешехонская старина/

Наглядный материал убеждает: пословицы являются своеобразными цитатами, поэтому они нередко ставятся в кавычках /см. /5в, д/. Кроме того, об этом свидетельствуют и обороты "народ справедливо говорит", "правду пословица говорит" и весьма ходовые "говорят", "часто говорится", "как говорится в пословице" и т.п.

Приведенные факты говорят о том, что передача пословиц не может решиться в рамках предложения, ибо в тексте до их употребления вводятся лексемы, словосочетания, дающие знать о "приближении" пословиц. Эти слова-индикаторы требуют осуществления передачи на уровне текста.

Слова-индикаторы выступают в тексте не только до, но и после пословиц. Они, однако, совершенно другого характера, нежели те, что характеризуют статус пословиц:

- /6/ а. "Я очень тихим-то не верю. Знаешь пословицу: в тихом омуте....?"

/А. Островский: Сердце не камень/

- б. "На свои запросы инженеры ответа не получили. Говорят, молчание -- золото. В данном случае следовало бы добавить: потерянное."

/Правда. 10 дек. 1974/

- в. "Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай. -- А мы разве плошаем? -- спросил Яворский... Что мы, сложа руки сидим все это время?"

/Э. Казакевич: Дом на площади/

- г. "... в районе Японского моря возник сильный циклон и с большой скоростью движется на север -- как раз в тот район, где работала экспедиция. В таких случаях гово-

рят: на ловца и зверь бежит. А "зверь" был редкостный и интересный."

/Комсомольская правда. 16 марта 1978/

В приведенных цитатах пословицы как бы подготавливают реплику говорящего, который, ссылаясь на пословицу, повторяет один из ее структурных элементов. В итоге получается, что компоненты внутренней формы пословицы выходят за ее пределы, создавая дополнительный аргумент в пользу принципа "пословицу переводить пословицей".

Существует еще одна причина для соблюдения указанного принципа, которая одновременно облегчает труд переводчика. Это -- наличие в окружении пословицы /обычно в последующих фразах/ семантизирующих моментов:

/7/ а. "И то надобно сказать: "все мы люди, все мы человеки", не без слабости."

/А. Писемский: Старая барыня/

б. "Не сразу, сынок, Москва строилась. И мы тоже не с того начинали, а все в мастера вышли. Ты подожди, подожди.

/Б. Горбатов: Мое поколение/

в. "Японская вежливость не приторна, и потому симпатична, и как бы много ее не было ..., она не вредит, по пословице -- масло каши не портит.

/А. Чехов: Остров Сахалин/

Как видно, совместное расположение пословицы и ее парафразы не является тавтологией. Из этого следует особая, ничем не заменимая функция пословицы: повышение эффекта высказывания.

Как переводческая, так и словарная передача пословиц пользуются средствами инновативного характера. Подобная деятельность мотивируется тем, что в пословицах семасиологические и ономасиологические начала образуют неразложимое единство.

Из этого явствует, что подавляющее большинство пословиц при-
числяется к неполным /частичным/ эквивалентам. Такое положение
поднимает вопрос: существуют ли достоверные способы для
измерения степени эквивалентности пословиц?

4. Для установления степени эквивалентности пословиц
учитываются /в убывающем порядке/: 1. переносное значение,
2. прямое значение, 3. синтаксическая структура.

Для измерения степени эквивалентности применяется форму-
ла $\mathcal{E} = \frac{1,5A + K + 0,5C}{3}$, где \mathcal{E} -- показатель степени эквива-
лентности, А -- переносное значение, К -- прямое значение, С --
синтаксическая структура. Умножители 1,5; 0,5 выражают иерар-
хическую ценность отдельных семантических компонентов. При вы-
ведении показателя степени эквивалентности мы исходим из сле-
дующей трихотомии. В случае тождества сопоставляемых компонен-
тов придается величина в размере 100, в случае сходства /час-
тичного тождества/ -- 50, а в случае различия -- 0. Рассмотрим
показательный пример.

Пословицы Мал золотник, да дорог. и Kicsi a bors, de erős.
полностью совпадают по своим переносным значениям и синтакси-
ческой структуре. Их соединяет общее переносное значение 'не-
большой по величине, но ценный по своим качествам'. Обе посло-
вицы имеют структуру сложносочиненного предложения с противи-
тельным союзом. Прямые значения полностью различаются, что свя-
зано с расхождением лексемного состава, следовательно -- с рас-
хождением ситуаций, легших в основу двух пословиц. Таким обра-
зом, формула приобретает вид $\mathcal{E} = \frac{150 + 0 + 50}{3} = 83,33 \%$. Полу-

ченная величина показывает высокую степень эквивалентности. В
то же время для пословиц, данных в /1/, характерен показатель
степени эквивалентности в размере 100 %. Как было сказано вы-
ше /пункт 1/, они являются полными эквивалентами. Соответствен-
но, для пословиц, показанных в /2/, характерны следующие пока-

затели: 66,66 % /а, б, в/ и 83,33 % /г, д/.

Применение формулы дает дискретные результаты в рамках известной схематизации. Другими словами, расчеты с помощью формулы не могут обойтись без дополнительных процедур по семантической компарации. Нельзя, например, оставить без внимания наличие в структуре пословиц, т.н. языковых реалий. Это именно те лексемы, которые обуславливают наличие/отсутствие национального колорита в пословицах. С этой точки зрения национально маркированными являются, к примеру, пословицы: Москва не сразу строилась., Москва от копеечной свечки сгорела., Язык до Киева доведет., На бедного Макара все шишки валятся., Терпи, казак, атаманом будешь., В Тулу со своим самоваром не ездят. Реалиями в данных пословицах считаются лексемы Москва, Киев, копеечная /свечка/, Макар, казак, атаман, Тула, самовар., Nem egy nap épült Buda vára., Egyszer volt Budán kutyavásár., Ha Katalin kopog, karácsony locsog., Meghalt Mátyás /király/, oda az igazság. Ahogy szokik Pali, úgy cselekszik Pál., Ha fénylik Vince, megtelik a pince. Слова Buda 'правобережная часть Будапешта, в старину: столица Венгрии', Katalin 'венгерское женское имя, имеющее общее происхождение с русским "Екатерина"', karácsony 'день рождества /24 декабря/', Mátyás király 'король Венгрии /1443--1490/', Pál 'венгерское мужское имя, восходящее к тому же корню, что и русское "Павел"', Pali 'краткая, непринужденная форма имени Pál', Vince 'венгерское мужское имя, имеющее то же происхождение, что и русское "Викентий"'.

Пословицы с национально окрашенной семантикой, на наш взгляд, могут иметь лишь аналоги в сопоставляемом языке. Согласно этому пословицы Москва не сразу строилась. и Nem egy nap épült Buda vára. хотя и выражают тождественное переносное значение, имеют сходное прямое значение и параллельную синтаксическую структуру, не признаются эквивалентами.

Под 3 пунктом было сказано о роли пословиц в создании по-

вышенного эффекта высказывания. Было видно, что с переводом смыслового содержания на семантический язык указанный эффект утрачивается /см. /7в/ -- без упоминания о пословице Масло каши не портит./. Для адекватного восприятия/использования пословиц говорящий/слушатель должен владеть соответствующей лингвистической и экстралингвистической компетенцией.

Лингвистическая компетенция, кроме упомянутой выше, сводится к знакомству с соответствующими языковыми реалиями, экстралингвистическая же -- с соответствующими внеязыковыми ситуациями. Компетенции двух типов взаимно обусловлены. Москва отражается в сознании русского человека /и подготовленного иностранца/ не только как 'столица СССР', но и как 'нечто огромное и значительное', а это позволяет осуществить перенос наименования "Москва" с одного значения на другое. Аналогичный перенос был осуществлен с помощью венгерского топонима Buda. Компетенция, связанная с пословицей Москва от копеечной свечки сгорела., основывается, кроме сказанного, на знании семантической связи между 'самая дешевая свеча' и 'нечто незначительное' /см. копеечная свечка/. Осведомленность подобного рода позволяет сделать выводы о 'существовании Москвы как значительного' и о 'существовании копеечной свечки как незначительного'. Эти суждения, собственно говоря, служат предпосылками для безупречного использования/восприятия анализируемых пословиц, поэтому выступают как пресуппозиции⁹. Прагматические знания 'в Москве в течение истории часто были пожары' и 'причиной пожара часто были свечи /в том числе и "копеечные"/' относятся ко внеязыковой ситуации и, безусловно, участвуют в создании экстралингвистической компетенции.

Примечания

1. Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., "Просвещение", 1976, с. 304.

- Ю.Е. Прохоров. Лингвострановедческое описание русской афористики в учебных целях. /Диссертация на соиск. уч. ст. кандидата филологических наук/. М., 1977, с. 17--18. Som-hegyi Gy. Szerbhorvát és magyar frazeológiai egységek összevető vizsgálata /az állandósult szókapcsolatok rendszerezése a testrészekből keletkezett képződmények alapján/. Kandidátusi értekezés. Pécs, 1984, pp. 12, 17.
2. O. Nagy G. Magyar szólások és közmondások. 2. kiadás. Gondolat, 1976, pp. 10.
3. С. Влахов, С. Флорин. Непереводимое в переводе. /издание второе, исправленное и дополненное/ М., "Высшая школа", 1986, с. 252.
4. См. 3, с. 253.
- В этом отношении см.: Csige K. Orosz személyneves frazeologizmusok és magyar megfelelőik konfrontatív vizsgálata. Bölcsészdoktori értekezés. Debrecen, 1982, pp. 67--387.
5. Hadrovics L., Gáldi L. Orosz--magyar szótár I--II. 4. kiadás. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971. Hadrovics L., Gáldi L. Magyar--orosz szótár I--II. 5., változatlan kiadás. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1974.
6. См. 3, там же.
7. См. 1, там же.
8. Иллюстративный материал взят из кн.: В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения /лингвострановедческий словарь/. Под ред.: Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., "Русский язык", 1979.
9. Kiefer F. Az előfeltevések elmélete. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1983, pp. 36--38, 44.

При работе над статьей были еще использованы:

Фельдеш Ч. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц на материале русского и венгерского языков. Slavica XXII. Debrecen, 1986, pp. 5--13.

Tatár B. A frazeológiai egységek szemantikai és grammatikai elemzése /a Krilov-mesék alapján/. Kandidátusi értekezés. Budapest, 1975.

К ВОПРОСУ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ПОДКАРПАТСКИХ
РУСИНОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

3. Медве

Подкарпатские русины!
Оставьте глубокий сон!

/А. Духнович/

Общеизвестный факт, что развитие русинской¹ общественности в начале XIX столетия на полвека отстает от развития других национальностей Венгрии. Эта отсталость является и тому причиной, почему русины не принимают участия в национальной борьбе наряду с другими славянскими национальностями до революции 1848 года.

Выдающиеся представители светской интеллигенции проводят свою работу не в родном краю /большинство населения было безграмотно/, а на территории всей Венгрии, поэтому их связь с русинским народом постепенно прекращается. Те, кто были связаны и с языком, и с народом, эмигрируют. Вот почему ряд профессоров, юристов, врачей, преподававших в начале XIX века в высших учебных заведениях Венгрии /И.С. Орлай, П.Д. Лодий, М.А. Балудянский, В.Г. Кукольник и другие/, играют значительную роль в новообразованных университетах России².

Таким образом, в Венгрии еще не образовалось национальное движение русинов, так как отсутствовала интеллигенция, способная руководить этим движением; а когда постепенно вырос слой интеллигенции, создавший идеологию движения, за ним еще не стояли организованные массы.

В Венгрии рождается теория славянской взаимности, и прогрессивная часть русинской интеллигенции с большим интересом следит за ней. Благодаря ужгородской церковной унии перед семинаристами открываются двери отечественных и зарубежных духовных академий и университетов, таким образом они на родине /Эгер, Эстергом, Трнава, Пешт/ знакомятся со словацкими, хорватскими и сербскими сту-

дентами, а в Вене заключаются тесные отношения между священниками Подкарпатя и Галиции. Здесь они посещают лекции известных профессоров-славяноведов и сами начинают задумываться над судьбой и историей своего народа³. В результате этого образуется и русинская историческая идеология, цель которой доказать, что на данной территории русины жили раньше, чем венгры⁴. Создание такой идеологии являлось первым шагом на пути развития национального движения. Непосредственно после этого -- как второй шаг -- выдвигается вопрос литературного/национального языка.

На первых порах славянские национальности Венгрии серьезно думали об общеславянском языке -- как о литературном языке, -- который будет понятен каждому образованному члену славянской семьи в Венгрии. Но когда они убеждаются в невозможности создания такого искусственного языка, национальное движение уже вступает в фазу политической борьбы: выступает на первый план вопрос о привлечении широких масс в интересах собственно народных целей, а для этого необходим национальный язык.

Отсталость русинского народа указывает и на то, что такого языка в начале XIX века в Подкарпатье не существовало. Из "Литературного наследия Василия Довговича /1783--1849/", члена Академии Наук Венгрии, выясняется, что из его 190 стихотворений 131 написано на латинском, 31 на венгерском и лишь 18 на родном языке⁵.

А. Духнович, первый "будитель" своего народа, самый выдающийся культурный деятель той эпохи, "почав писати поезіі угорською мовою", потом "латинською мовою", и лишь начиная с 1844 года в Пряшеве "почина писати рідною мовою"⁶. Научные труды, *Historia* Духновича и Лучкая тоже были написаны на латинском языке. М. Лучкай был автором и первой "русинской" грамматики, изданной в Венгрии в 1830 г.: *Grammatica slavo-ruthena seu vetero-Slavicae, actu in montibus Carpathicis parvo-russicae seu dialecti vigentis linguae*.

Эта грамматика еще является точным отражением "Institutiones" Иосифа Добровского, о чем говорит и сам автор в эпилоге: "... in Slavica Ductorem meum fuisse Dobrowskym, quem sequi gloriae meae duco".

Причины написания этой грамматики -- по мнению автора -- были следующие:

- а/ Мразович из-за некоторых ошибок для использования учащих-ся неприемлем.
- б/ Добровский же весьма пространен и для бедных слишком дорог /т.е. до сих пор пользовались "общеславянской" грамматикой сербского и чешского издания/.
- в/ Но важнее всего, что "один только диалект /язык/ остался без грамматики, а может быть, без искажения, а именно "dialectus ruthenica" и она "terre incognita".

Автор находился в трудном положении при создании грамматических правил, так как -- по его мнению -- к сожалению, "praeter cathecismum nulla existere alia opera in hac lingua scripta".

После показания совпадений и различий в двух языках -- местный диалект и церковнославянский язык, -- Лучкай придерживается того мнения, что язык народа и образованных людей нигде на свете не может быть одинаковым. Он подчеркивает уже, что "dialectus ruthenica", т.е. разговорная речь русинов, отклоняется от церковно-славянского языка, и сознает, что этот же язык существует и в Галиции, т.е. первым в Венгрии констатирует, что "малорусский и великорусский" языки различаются.

В таких общественно-политических /и языковых/ условиях застала русинов революция 1848 года. Как об этом свидетельствуют данные, интеллигенция Ужгорода /в первую очередь семинаристы/ "пошла в гонимые"⁷. Пряшевская епархия критически подходила к событиям, не говоря о том, что в 1849-ом году А. Духнович пишет: "Одна жизни моей радость восхитила меня, и то было 1849 года, когда я первый раз увидел славную русскую армию, пришедшую на покорение бунтующих мадьяр"⁸. Подобное мнение и у И. Сильвая, не говоря об А. Добрянском, который, как сторонник москвофильства и австрославизма, в "мутное время" составлял петиции, ожидая улучшения Габсбургами судьбы своего народа.

Само собой разумеется, что во время "системы" Баха позиция А. Добрянского имела большой вес. По его мнению, развитие украинского языка в литературный язык, это -- измена против русского народа, и отпавшие от него /т.е. малорусы/ сами обессиливают себя

этим, так как они не смогут справиться в Галиции с польским, в Буковине с румынским, а в Подкарпатье с венгерским языком⁹.

Великорусское языковое направление, т.е. русофильство осталось, можно сказать, одним на арене в Подкарпатье и после Крымской войны /1853--56/, т.е. после начала охлаждения бывших союзников. Поддержанное и австрийским правительством малорусское направление в то время еще не смогло укорениться в Венгрии, хотя не все тогдашние руководители разделяли мнение Добрянского.

Естественным направлением развития было бы внедрение уже существующего украинского литературного языка, располагавшего в России уже многими ценными произведениями. Но жаль, что употребление его в России в то время запрещалось строгими законами /ср. Циркуляр П.А. Валуева, мин. внутренних дел и Эмское соглашение/, и, собственно говоря, украинский язык до Октябрьской революции употреблялся свободно лишь в Галиции.

Противники великорусского языка в Венгрии, в конечном результате, заняли позицию не на стороне украинского языка, а за развитие одного из местных диалектов в литературный "русский" /русинский/ язык. В этом немалую роль сыграли и венгерские правительства, особенно после соглашения 1867 года. Но их радикальные методы и попытки не увенчались успехом. Вследствие исторических и географических причин немногочисленный русинский народ не обладал таким центральным, преобладающим диалектом, который мог бы развиться в литературный язык. Кроме того, в Подкарпатье из-за отсталости территории и в экономическом отношении, не было такого единственного городского центра, следовательно, и центральных культурных учреждений, которые могли бы способствовать господству главного диалекта.

На основе вышеизложенного не удивительно, что вопрос о языке Подкарпатья в течение целого столетия /1850--1946/ сыграл большую роль и "благодаря" правительственным кругам, на основе divide et impera разделяли русинов на сторонников великорусского, украинского и местного "русского" направления, а политически на русофилов, украинофилов, русинофилов и мадярофилов, по-тогдашнему выражаясь: "мадяронов". И это незавидное положение в значительной мере препятствовало и культурному развитию русин-

ского общества. Следует отметить, что венгерские правительства -- конечно, Вена тоже -- выступали против великорусского и украинского направления, боясь, в первую очередь, требования и возможности соединения с этими народами.

О предосторожности, рожденной из непризнанного страха, свидетельствуют повторяющиеся нападки в печати на руководителей русинов, обвиняющие их в симпатии к царю, в тяготении к России, даже в шпионаже. Несмотря на то, что сознательные русины, как славяне, в глубине души мечтали о соединении с братьями за Карпатами, ведь они "одного с ними языка и одной веры", что часть духовной и светской интеллигенции тяготела к русской и украинской культуре и литературе, обладающей в то время уже большими ценностями в мировой литературе, руководящий слой русинского общества во второй половине XIX века был верноподанным другом Габсбургов, сторонником Габсбургов, сторонником австрославянизма. Таким образом, эти обвинения -- за исключением некоторых случаев, -- по мнению Перени, были необоснованы¹⁰.

Но на рубеже XX столетия, в т.н. схизматических процессах, явно выделяется и подпольная работа религиозного направления славянофильства¹¹. И это не удивительно, ведь факты свидетельствуют и о том, что в монархии "слов'янофіли Росії ... виконували агентурну роботу на користь російського царізму. Так, у Відні з такою місією перебував М. Раєвський, протоієрей російської церкви. У Празі задвання винонував представник російської дипломатичної Кацелярії, Троянський"¹².

.....

Грамматика М. Лучкая в 1830-м году была напечатана в столице Венгрии, в типографии университета. Относительно свободную культурную атмосферу эпохи реформ характеризует и тот факт, что там была издана и "Русалка Днестровая", альманах глиейкой "русской тройцы" /1837/. На территории Подкарпатья в то время типографии еще не было, хотя уже до революции она была запланирована епископством, но лишь для церковных целей она была бы нерентабельна. В 1845 году в Ужгороде был открыт филиал типографии Эллингера, но вследствие событий самостоятельная типография от-

крылась только после Октябрьского диплома, в 1861 году, еще без кириллицы. Первое издание, напечатанное кириллицей, это -- "Мъсяцесловъ" на 1864 год, под редакцией А. Хомичкова, будущего редактора журнала "Карпатъ".

Вопрос об издании газеты для русинов по инициативе А. Духновича был выдвинут осенью 1848 года, но по известным причинам это не осуществилось. Непосредственно после поражения борьбы за свободу пражский епископ, Я. Гаганец, хотел издавать "Народную газету", но его стремления -- из-за сопротивления Вены -- потерпели неудачу.

Первую газету на русском языке для населения Подкарпатъ и Галиции издавали в столице Австрии под заголовком: "Вѣстникъ для Русиновъ Австрийской Державы". Так как редакторами его были львовяне, издание газеты "Галицко-русский вѣстникъ" было прекращено и редакцию перевели в Вену. Венгрия в редакции не была представлена, но имела целый ряд корреспондентов, в том числе и А.И. Павловича, писателя и поэта русофильского направления.

Австрийское правительство -- не без всякого основания -- уже в то время видит в русском языке, точнее в русофильстве опасность, поэтому лишает газету поддержки и сменяет состав редакции. Вместе с тем изменяется языковое и политическое направление печати, следовательно, и корреспонденты из Венгрии прекращают связь с Вестником.

В конце 1855 года Общество Святого Стефана решает издавать церковную газету и для русинов. Редактирование было поручено священнику И. Раковскому, официальному переводчику правительства в Будапеште, который привлек к этой работе уже упомянутого М. Раевского и В. Войтовского, священника православной церкви в Бремсе /*Bremse*/ при мавзолее на могиле русской княгини, Александры Павловны, супруги венгерского палатина, Иосифа¹³.

Следовательно, "Церковная Газета" в 1856 году появляется на русском языке. Поэтому довольно рано возникают проблемы с подписчиками: большинство русинского общества неграмотно; грамотные не все понимают русский язык, но почти все свободно читают венгерские и, частично, немецкие газеты, которые на европейском

уровне осведомляют читателей об интересующих их событиях. В то время в Церковной Газете публикуются лишь статьи религиозного и морального характера.

Вследствие уже известных причин, без субвенции, при вмешательстве венгерских властей, из-за великорусского языка и направления в 1856 году было прекращено издание этой столичной газеты, вскоре и "Церковного Вѣстника"¹⁴.

Совет наместничества по инициативе А. Добрянского в 1864 г. дал разрешение создать церковно-культурное /просветительское/ общество. Создание Общества Св. Василия Великого было реализовано лишь в 1866 г. во главе с А. Добрянским и И. Раковским с целью: составлять, редактировать, издавать и распространять школьные и прочие полезные книги и журналы на русском и венгерском языках. В уставе речь идет и об образовании, культуре и литературе грекокатолических русинов двух епархий¹⁵.

Общество не проявляло большой активности, оно издало под руководством русофильских сопредседателей всего четыре календаря /мѣсяцеслова/ и несколько книг /учебников/.

Великорусский язык изданий и содержание книг по истории и географии не понравились венгерским властям и новому епископу, И. Панковичу, который запретил употребление их в своей мукчувской епархии¹⁶.

Журнал Общества: "Свѣтъ. Литературная и общественная газета, издаваемая Обществом Св. Василия Великаго" уже печатается в Ужгороде. Первый номер вышел 13 июня 1867 г.

Для общественного профиля журнала характерно, что он уже в 1870 г. нападает на епископа Панковича: "епископ Мукачевский перекрестясь по русски, мадярски и латински, произнѣсь рѣчь коротенькую на русскомъ языкѣ, по тѣмъ длинную на мадярскомъ языкѣ...", а в то же время: "въ нашей Пряшевской соборной церкви праздникъ Рождества праздновали чисто по русски /Курсив мой - З.М./.

К этому следует добавить, что через три года после соглашения уже чувствуются первые признаки возрождающейся официальной венгерской национальной политики, хотя в то время "Унгваръ" жи-

лю уже солидное количество венгерских грекокатоликов¹⁷.

Редакторы журналы стремятся оставаться верным названием. Из классиков русской литературы печатаются в первую очередь Пушкин, Тургенев и Гоголь. Сотрудники почти все известные лидеры русофильского направления: А. Кралицкий /бывший профессор церковной истории и канонического права в мария-почванском монастыре¹⁸/, А. Митрак /составитель известных словарей/, И. Сильвай и Е. Фендик /лучшие писатели и поэты того времени/. Т. Злоцкий, И. Романец и И. Дулишкович -- известные этнографы. В журнале печатаются статьи -- на основе русофильской идеологии -- о вопросах литературы славянских народов /в первую очередь о русской и украинской/, о "славном прошлом" Подкарпатя, и помещаются произведения фольклорного характера.

Следует отметить, что А. Кралицкий, как секретарь Общества Св. Василия, т.е. деятель культуры, уже в то время рекомендует строить дома культуры, организовывать читальни, даже библиотеки.

Содержание журнала свидетельствует о том, что Свет в свое время -- под руководством редактора В. Кимака -- отличался высоким уровнем, но, в известных нам общественных условиях, читали его в очень узком кругу. Личность Кимака, язык и содержание печати вызвали отпор со стороны епископа и венгерских властей. Поэтому Свет уже в 1871 году реорганизовался в "Новый Свѣтъ". Этот шаг является логическим следствием результата выборов в Обществе Св. Василия, так как там победило русинофильское /и частично мадярофильское/ направление. Сам епископ, И. Панкович, поддерживает новый журнал и его главного редактора, Виктора Гебея, как об этом свидетельствуют нападения сатирической газеты "Сова", под редакцией Кимака, бывшего редактора Света¹⁹.

Хотя программа Нового Света уже не была тесно связана с "будительством", хотя журнал отказался и от "позитивных" черт русофильства, молодой сотрудник его, М. Ставровский-Попрадов убежден в том, что идеи бывшего Света, программа его патриотизма может продолжаться и в изменившихся условиях; и он оказался реальным политиком, дальновидным деятелем своего времени, когда пишет:

"У нас теперь находится только одна газета, Новый Свѣтъ, если сия пропадаетъ, можемъ опять 5-10 годов ждати, пока дру- гую получимъ, ведь известно, сколь много труда и времени стои- ло некогда основание газеты Свѣтъ. Новый Свѣтъ нужно поэтому на всякий случай содерживати и отъ гибели сохранить; и если сего старшие не делаютъ, нужно то делати намъ молодымъ. Непотребно внимати на то, к какой изъ двухъ партий Новый Свѣтъ принадлежить ..., ибо здесь речь идетъ о томъ, имети ли одну газету или нетъ, что для насъ Венгро-Русскихъ столько значить, какъ быти ли намъ или не быти /выделено мной - З.М./".

Попрадов /и сам журнал/ оставался верным своей программе: популизировал народную культуру, печатал материалы народного творчества, заговорил с читателем "языком сердца и чувства", но как и раньше в жизни других журналов, здесь тоже появляется "веч- ная" проблема языка. И хотя статьи уже печатались не только на русском, но и на руськом /т.е. русинском/ языке, ввиду полного отсутствия интереса к нему, журнал к концу 1877 г. прекращает свое существование.

После нескольких частных инициатив реорганизованное Общест- во Св. Василия стало шефствовать над изданием нового журнала "Карпатъ", который уже печатался язычием. Русофилы вначале напа- дали на новый журнал, особенно А. Митрак на страницах львовской газеты "Слово"; но позже, видя культурно-политическую обстановку, он изменил свою прежнюю критическую позицию /в 1880 г./, говоря, что "Карпатъ" единственный орган, который представляет и защища- ет русский язык и народную культуру в Подкарпатъе.

В этих известных нам исторических условиях казалось очень смелым предприятием инициатива Евгена Фенчика: издание нового журнала "Листокъ. Духовно-литературный журналъ". Выходил он с 1885 по 1903 г. и представлял местную, русскую и вообще славян- скую культуру, последним в Монархии, на великорусском языке. Число подписчиков -- особенно после появления журналов "Наука" и "Недѣля" /которые печатались на местном диалекте/ -- постепен- но уменьшалась и периодика на русском языке в Венгрии сошла с арены литературной жизни. Но русофильское политическое направле- ние осталось.

В Листке печаталось старое поколение русофилов, т.е. произведений А. Духновича, А. Павловича, А. Кралицкого, И. Раковского, И. Сильвая, И. Ставровского-Попрадова, и, самого редактора.

Е. Фенцик был верен своей идеологии: в журнале кроме произведений русских писателей /Лермонтов, Пушкин, Толстой, Фет и другие/ представляется культура разных славянских народов и национальностей.

П. Линтур, критикуя и оценивая программу Листка, т.е. печать русофильского направления, подчеркивает его положительную программу²⁰. В связи с этим - так как умолчание фактов и отрицательных черт или неполное объяснение тогдашнего положения препятствуют формированию объективно-оценочного суждения -- следует отметить, что не все перечисленные задачи были реализованы, а те, которые удалось реализовать, не обязательно сдвигали вперед дело политического и культурного подъема подкарпатских русинов.

Ведь известно, что читающая публика была невелика; она не понимала русского языка; т.е. употребление его в журналах было анахронизмом. В концепции русофильства и славянофильства в то время заключалась любовь к царю "Всея России". Таким образом "спасение" ожидалось от жандармов Европы. В данном случае нельзя ссылаться на прогрессивное политическое русофильство, изложенное Иваном Франко в Галиции. В прогрессивном национальном движении Европы в эти годы кроме "национальной основы" важную роль играют и классовые интересы. В начале века прогрессивные общественные деятели /Балудянский, Довгович, Духнович/ положительно оценивают передовую венгерскую литературу и культуру эпохи реформы. В конце столетия И. Франко в Галиции открыл передовую венгерскую /ср. переводы Петефи/ и западную литературу. В то же время русофилы Подкарпатья из своих журналов исключают не только прогрессивную, но и консервативную венгерскую литературу. И это -- шаг назад.

Мы откровенно подходили к этому вопросу, ведь уверены в том, что наступило время открыть полную истину и "сдуть пыль" с пожелтевших страниц журналов, напечатанных на русском языке в Венгрии во второй половине XIX века; познакомиться подробно с русофильской идеологией, и если нужно, поспорить о вопросах язы-

ка, литературы и культуры в Подкарпатье, ведь, кроме того, что эти две культуры /подкарпатская и венгерская/ взаимосвязаны, они составляют органическую часть культуры бассейна Карпат.

Примечания

1. Русин: название закарпатского украинца до советской власти. Ср.: Я русин был, есмь и буду, я родился русином /А. Духнович/.
2. Байцура, Тамара. Закарпатскоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава-Пряшев, 1971.
3. Перени, И. Из истории закарпатских украинцев /1848--1914/. Будапешт, 1957, с. 17.
4. Michael Lutskev. Historia carpatho-ruthenorum sacra et civilis /antiqua et recens/ usque ad praesens tempus. -- В кн.: Науковий збірник 11. Пряшів, 1983, с. 45--181.
5. Poemata Basilii Dóhovits. В кн.: Науковий збірник 10. Пряшів, 1982, с. 4--252.
6. Олена Рудловчак. Творчий шлях Олександра Духновича. -- В кн.: Біля джерел сучасності. Братислава-Пряшів, 1981, с. 13--50.
7. Н. Гомичковъ. Изъ моихъ записокъ 1848. -- В журнале "Карпаты". № 4, Унгваръ, 1885.
8. Степан Добош. Илий Иванович Ставровский-Попрадов. Братислава-Пряшев, 1975, с. 16.
9. А.В. Попов. Ев. Сабовъ. -- В кн.: Карпатскій Свѣтъ. Ужгород, 1929, с. 550.
10. И. Перени. Ук. соч.
11. Mayer Mária. Kárpátukrán /ruszin/ politikai és társadalmi törekvések /1860--1910/. Budapest, 1977, p. 111--135.
12. Юлана Голенда. Анатолій Кралицький. Братислава-Пряшів, 1984, с. 15--16.
13. Олена Рудловчак. Сльоза над могилою російського друга Закарпаття, похованого в угорській землі. -- В кн.: Біля джерел сучасності. Братислава-Пряшів, 1981, с. 161--173.
14. Полные комплекты упомянутых журналов доступны в г. Ниредьхаза. См.: Ojtozi Eszter. A Görögkatolikus Hittudományi Főiskola könyvtárának szláv és román cirillbetűs könyvei. Debrecen, 1985, т. 16.
15. Mayer Mária. Ук. соч., с. 207.
16. И. Перени. Ук. соч., с. 97.

17. а. Petőfi Sándor. Utirajzok. Budapest, 1951.
 - б. В приходах со смешанным языком священник должен был служить обедню и на венгерском языке /и во время Чехословацкой Республики/, а в венгерских селах лишь на венгерском.
18. Я. Голенда. Ук. соч., с. 14.
19. Степан Добош. Ук. соч., с. 54--56.
20. П. Линтур. Значение "Листка" /1885--1903/ в развитии журналистики и литературных стремлений Закарпаття XIX ст. -- В кн.: Ховтень і українська культура. Пряшів, 1968, с. 619.

РОЛЬ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ В СЕМАНТИЗАЦИИ
НЕКОТОРЫХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ
И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

Ш. Марча

1. Решающим фактором информативной полноценности высказываний, созданных как на родном, так и на любом иностранном языке, является семантическая адекватность. Доминирующая роль ее подчеркивается тем, что при наличии семантической неадекватности нарушается информативная полноценность и таких высказываний, которые имеют адекватное фонетическое и грамматическое оформление. И наоборот, информативная полноценность может не нарушаться при неправильной фонетической и/или грамматической оформленности, если высказывание семантически адекватно¹. Важная роль семантики подчеркивается и С.И. Кацнельсоном, который утверждает, что "процесс говорения разворачивается в направлении от семантических структур к структурам фонетическим, что позволяет констатировать доминирующую роль семантики не только в структуре процессов речевой деятельности, но и в структуре языка, призванного обслуживать нужды речи"².

В процессе обучения иностранным языкам вопросы достижения оптимальной семантической адекватности теснейшим образом связаны с вопросами семантизации, т.е. с разворачиванием лексического значения слов.

В дальнейшем рассматриваются вопросы семантизации на материале некоторых приставочных глаголов движения русского языка в сопоставлении с соответствующими венгерскими глаголами.

2. В формировании лексического значения слова определяющая роль принадлежит денотации, обуславливающей как предметную соотнесенность слова с объектами/явлениями реальной действительности, так и адекватное употребление его в потоке речи³. Иными словами денотация слова непосредственно

предопределяет и его парадигматику /значимость/, синтагматику /валентностные, сочетаемостные свойства/ и прагматику. Последнее, по В.А. Звегинцеву, означает "... исторические, культурные, социальные условия и всю совокупность человеческих знаний и верований, в среде которых происходит деятельность языка и которые оказывают влияние на использование языка, на отношение к нему /какие бы формы это отношение не принимало"/⁴.

В практике семантизации лексическое значение слова разворачивается через ее парадигматику /синонимы, антонимы и т.п./ и синтагматику. Семантизация через синтагматику обозначает, что в целях семантизации слова употребляются в словосочетаниях, предложениях. Нередко возможен, однако, и более непосредственный путь семантизации: через саму денотацию. Эта возможность обусловлена тем, что между структурами реальной действительности и /синтаксическими/ структурами языка, -- и тем самым, между отдельными языками -- наблюдаются известные изоморфизмы. Такой изоморфизм, "уровень межчеловеческого понимания"⁵ налицо, например, в языковой интерпретации движения-перемещения предметов в пространстве, так как о механическом движении-перемещении предмета можно говорить только в таком случае, если оно происходит по отношению к другим предметам, составляющим координаты, пространственные ориентиры /в дальнейшем: ПО/ для движущегося предмета⁶. При выражении движения-перемещения движущемуся предмету соответствует приставочный или бесприставочный глагол движения с его субъектом и/или объектом, а ПО -- локальные обстоятельства. Эти элементы как в русском, так и в венгерском языке составляют так называемое поле направления и в и т е л ь н о с т и⁷. В данном поле глаголы движения находятся в разных логико-семантических -- главным образом: эквиполентных и привативных -- оппозициях между собой. Эти оппозиции основаны, с одной стороны, на сочетающихся с глаголом движения приставках и локальных обстоятельствах, а с другой, на отдельных семантических признаках глаголов движения.

Не входя в подробности толкования этих оппозиций, необходимо указать, что эквиполентные оппозиции характеризуют

а/ сравнимые совместимые перекрещивающиеся понятия /ср. Друг, товарищ, б/ сравнимые несовместимые противоположные понятия, между объемами которых возможно и третье, среднее понятие /ср. белый -- /серый/ -- черный/, в/ то же, что б/, но нет третьего, среднего понятия /ср. истинный -- ложный/. Эквиполентные оппозиции охватывают синонимию, антонимию и, частично, полисемию. Они преобладают в лексике по сравнению с привативными оппозициями, которые в свою очередь соотносятся со сравнимыми подчиненными /родовыми и их видовыми/ понятиями /ср. гвоздик -- цветок, гвоздик -- "не-гвоздик" /все прочие цветы/.

3. Эквиполентные и привативные оппозиции в семантическом поле глаголов движения русского языка изучены А.М. Хамидуллиной и В.Л. Ибрагимовой. А.М. Хамидулина выделяет вышеупомянутые оппозиции по наличию/отсутствию отдельных семантических признаков¹⁰. Ср.:

Эквиполентная оппозиция по признакам 'движение к точке безотносительно к границе неподвижной точки' и 'движение от точки безотносительно к границе неподвижной точки' напр.: входить/выходить, взбегать/сбегать, приходить/уходить и т.п.

Привативная оппозиция по семантическому признаку 'движение-перемещение к границе ПО' напр.: прибегать/подбегать -- добегать, убегать/отбегать.

Л.В. Ибрагимова утверждает, что в семантическом поле глаголов движения так называемые периферийные элементы /т.е. глаголы, обозначающие более конкретные типы движения-перемещения/ находятся в привативной оппозиции с ядерными членами /т.е. с глаголами, обозначающими более общий тип движения-перемещения, ср. ехать -- двигаться/ и в эквиполентной оппозиции друг с другом /ср. ехать -- плыть -- лететь/¹¹.

В предлагаемом ниже анализе сосредоточимся лишь на эквиполентной оппозиции типа а/ /см. выше/, которая наблюдается, с одной стороны, между глаголами движения с приставками в-, за-, про-, и с другой, между глаголами движения с приставками под- и про-.

3.1. Глаголы движения с приставками в, за-, про- /соответствующие предлоги: в и на/. Глаголы движения с данными приставками образуют эквивалентную оппозицию по семантическому признаку 'движение-перемещение предмета внутрь ПО'. В возникновении этой оппозиции решающую роль играют не глаголы, а п р и с т а в - к и.

Как известно, глаголы движения с приставкой в- имеют значение актуального пересечения границы ПО предметом/человеком, находящимся в непосредственном соседстве с местом, куда направлено движение - перемещение. Глаголы же с приставкой про- обозначают движение вглубь с небольшого расстояния. В речи, в повелительной форме они часто сопровождаются подходящим жестом. Глаголы движения с приставкой за- нейтральны к вышеприведенным признакам, поэтому они в определенных контекстах могут заменять глаголы с приставками в- и про-, но в отличие от последних они могут обозначать и неглавное, попутное, мимоходное движение внутрь П О¹².

Венгерские переводы следующих примеров свидетельствуют о том, что в венгерском языке обсуждаемый тип эквивалентной оппозиции отсутствует. Ср.:

Я перешел через улицу и вошел за стариком в кондитерскую.
/Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные, с. 22/

Átvágtam az utcán, és az öreg után bementem a cukrászdába.
/Перевод И. Инштиториш, с. 9/

Мы въехали в сосновый бор, стали спускаться по крутому изволоку к какой-то реке.
/К. Паустовский. Повесть о жизни, с. 98/

Sűrű fenyvesbehajtottunk be, és a lankas oldalon lefelé ereszkedtünk egy folyóhoz.
/Перевод К. Селеши, с. 103/

Облонский снял пальто и в шляпе набекрень прошел в столовую, отдавая приказание липнувшему к нему татарину в фраках с салфетками. /Л. Толстой. Анна Каренина, с. 39/

Oblonszkij levette a kabátját, félrevetett kalappal lépett be az étterembe, s közben a frakkban, szalvétával hozzátapadó tatárnak osztogatta rendelkezéseit. /Перевод Л. Немета, с. 39/

Служка-монах, подпоясанный веревкой, провел нас в монастырскую гостиницу. /К. Паустовский. Ук. соч., с. 37/

Перед этим заехали в Сельцо, забрали свиней у Федора Боровского и глухого Десничника. /В. Быков. Обелиск, с. 76/

Майские жуки и бабочки залетали в вагоны трамваев. /К. Паустовский. Ук. соч., с. 80/

Специфичный для русского языка характер данной оппозиции доказывают следующие примеры, в которых венгерские глаголы движения с приставкой be- переводятся на русский язык глаголами движения с приставками в-, про- и за-, в зависимости от типа движения, выражаемого венгерскими глаголами движения. Ср.:

Mikor beléptem, ötven év körülinek néztem a titkárnőt. /Д. Ийеш. Обед в замке, с. 438/

...de tessék bejönni, a napfáliba meleg van. /И. Добози. Вторник, среда, четверг, с. 156/

Korán volt még, bement egy cukrászdába. /Д. Фекете. Смерть врача, с. 84/

Kötélöves templomi szolgál vezetett be bennünket a klastromi fogadóba. /Ук. перевод, с. 38/

Ezt megelőzően bejöttek Szélcóba, elvitték Fjodor Borovszkij és a süket Desznicsnik dísznőjét. /Перевод Э. Надя, с. 43/

Cserebogarak és pillangók repültek be a villamos kocsijáiba. /Ук. перевод, с. 84--5/

Когда я вошел, секретарша показалась мне особой лет пятидесяти. /Перевод Т. Воронкиной, с. 206/

- Но вы проходите, в холле тепло. /Перевод И. Соломина, с. 49/

Было еще рано и старый доктор зашел в кондитерскую. /Перевод Е. Малыхиной, с. 85/

3.2. Глаголы движения с приставками под-, про- /соответствующий предлог: к/. Глаголы движения с данными приставками соотносены по семантическому признаку 'движение-перемещение предмета к границе ПО'. Разница между ними заключается в том, что глаголы движения с приставкой под- подчеркивают непосредственную близость движущегося предмета от ПО, к которому направлено движение-перемещение.

Глаголы же с приставкой про- имеют значение преодолеть небольшое расстояние при движении-перемещении к ПО, или пробраться между разными ПО, в направлении одного определенного ПО. Венгерские переводы, как в 3.1., так и здесь свидетельствуют об отсутствии названной оппозиции в венгерском языке. Ср.:

В то время, как он подходил к ней, красивые его глаза особенно нежно заблестели. /Л. Толстой. Ук. соч., с. 56/

Художник подошел к картине, висевшей на стене и закрытой холстом, и снял холст... /К. Паустовский. Ук. соч., с. 51/

Степан Аркадич, поспешно, как всегда, прошел к своему месту, пожал руку членам и сел. /Л. Толстой. Ук. соч., с. 22/

Но не от того закружилась у меня голова и тосковало сердце так, что я десять раз проходил к их дверям и десять раз возвращался назад, прежде чем вошел. /Ф.М. Достоевский. Ук. соч., с. 48/

Для иллюстрации того, что эквиполентная оппозиция обсуждаемого типа является специфичной для русского языка, здесь вновь приведем переводы венгерских примеров на русский язык. Ср.:

Deső az ajtóhoz lép, kitárja. /И. Добози. Ук. соч., с. 134/

Merényi alezredes, mikor a hídhöz ért, kirántotta az őrnagy kezéből a korbácsot, s vadul csépelve, őt magát terelte vissza az orosz aknátűzbe. /И. Добози. Ук. соч., с. 140/

Ahogy odalepett hozzá, szép szeme különösen gyengéden ragyogott. /Ук. перевод, с. 57/

A festő odalepett a képhez, amely letakarva függött a falon, és levette róla a ruhát. /Ук. перевод, с. 53/

Sztyepan Arkagyics szokása szerint gyorsan a helyére ment, kezét rázott a bíróság tagjaival és leült /Ук. перевод, с. 22/

De nem az fájdította meg a fejem, és nem az nyomasztotta a szívem annyira, tízszer is eljöttem az ajtójukig, és tízszer visszafordultam, mielőtt beléptem. /ук. перевод, с. 35/

Деше подходит к двери и распакивает ее. /Ук. перевод, с. 522/

Подъехав к мосту, подполковник Мерени вырвал из рук майора нагайку и, яростно избивая, погнал его под огонь русских минометов. /Ук. перевод, с. 517--8/

Neszveda tolakszik hozzá,
felgyűrve már az inge uj-
ját. /Д. Фекете. Ук. соч.,
с. 69/

К ним уже протискивается Не-
сведа, на ходу подвертывая
рукав. /Ук. перевод, с. 163/

A székhez bicegett és kö-
rülményesen leült. /Д. Фе-
кете. Ук. соч., с. 106/

Она проковыляла к столу, и
церемонно уселась. /Ук. пе-
ревод, с. 189/

/В двух последних примерах употребление приставки про- мотивиро-
вано и семантикой самих глаголов движения./

На основе материала, приведенного в разделах 3.1. и 3.2.,
можно сделать следующие выводы:

1/ Требование семантической адекватности в употреблении глаго-
лов движения с приставками в-, за-, про- и под-, про- обознача-
ет раскрытие эквиолентных оппозиций, наблюдаемых между этими
глаголами;

2/ Смысловую нагрузку эквиолентной оппозиции рассмотренного ти-
па носят приставки. В венгерском языке, в отличие от русского
языка, оппозиция подобного характера может создаваться на основе
семантике глаголов движения lér и jön/megy. Ср.:

belér a szobába
/войти, зайти в комнату/

--

bejön/bemegy a szobába
/войти, зайти, пройти в
комнату/

odalér az ajtóhoz
/подойти к двери/

—

odajön/odamegy az ajtóhoz
/подойти, пройти к двери/

В связи с belér следует отметить, что этот глагол прежде всего
употребляется тогда, когда выражено движение-перемещение внутрь
ПО с непосредственной близости. Разница между belér и bejön/
bemegy -- на наш взгляд -- заключается в том, что при употребле-
нии последних обязательно указывается и актуальная позиция гово-
рящего/слушателя по отношению к ПО, которая в случае употребле-
ния belér считается нерелевантной. Из сказанного следует, что
belér как правило может заменять bejön или bemegy. Ср.:

bejön

belér a szobába --

bemegy belér a szobába

Итак, относительно глаголов jön и megy и их приставочных дериватов уместно говорить об эквиолентной оппозиции типа б/ /см. выше/ по семантическому признаку 'движение-перемещение в направлении/от места обусловленного ситуацией и/или позицией говорящего/слушателя /в момент речи/'. Этот семантический признак налицо и в семантике некоторых приставочных глаголов движения русского языка, но, здесь, в отличие от венгерского языка, в основе эквиолентной оппозиции /типа б// лежат приставки с упомянутым выше семантическим признаком, а не сами глаголы движения. Ср.: входить в комнату -- выходить из комнаты; приезжать из Москвы -- уезжать в Москву.

/Отметим, что в случае других венгерских глаголов движения с приставками, не представляющих собой дериваты jön и megy, -- подобно приведенным выше примерам с русскими глаголами движения -- также приставкам принадлежит основная роль в возникновении эквиолентной оппозиции. Ср.: kiszalad a szobából -- beszalad a szobába/

4. Накопленный нами опыт в области преподавания грамматики русского языка позволяет установить, что раскрытие характера логико-семантический -- в том числе и обсуждаемых нами эквиолентных -- оппозиций способствует более эффективному усвоению употребления русских глаголов движения в венгерской аудитории.

Примечания

1. Dezső L. A nyelvtudomány szerepe az idegennyelv-oktatás komplex megközelítésében. TIT, Budapest, 1979, с. 43.
2. С.И. Кацнельсон. Семантико-грамматическая концепция У.Л. Чейфа. Послесловие к книге Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975, с. 418.
3. Об этом более подробно см. В.Г. Гак. К диалектике семантических отношений в языке. -- В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 74 и А.А. Новиков. Семантика русского языка. М., 1982, с. 85--110.

4. В.А. Звегинцев. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, с. 8.
5. Papp F. Könyv az orosz nyelvről. Budapest, 1979, с. 247.
6. Семиотическое описание движения-перемещения см. Greimas A.J. Condition d'une sémiotique du monde naturel. In: "Langages", juin 1968, p. 10, 3--36. и А.М. Хамидуллина. Словообразовательные отношения в семантическом поле глаголов движения. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1973, с. 8.
7. Ю.М. Гордеев. Поле направленности /глаголы движения и их распространители/. Автореф.канд.дисс., Саратов, 1974, с. 3.
8. Д.Н. Шмелев. Об анализе семантической структуры слова. В кн.: Zeichen und System der Sprache III. Band, Akademie Verlag. Berlin, 1966, S. 103.
9. Более подробно см. А.А. Новиков. Ук. соч., с. 136--46.
10. Ср. А.М. Хамидуллина. Ук. соч., с. 10--14.
11. В.Л. Ибрагимова. Семантическое поле глаголов движения в современном русском языке. Автореф.канд.дисс. Уфа, 1975, с. 23.
12. Д.И. Фурсенко. Некоторые наблюдения над употреблением приставочных глаголов движения /из опыта работы в подготовительных группах/. В кн.: Русский язык для студентов-иностранцев /сборник методических статей/. М., 1966, с. 36--60.

Примеры взяты из следующих произведений

Л.Н. Тостой. Анна Каренина. М., 1953.

L. Tolsztoj. Anna Karenina. Európa. Budapest, 1960. /Ford. Németh László/.

Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные. М., 1975.

F. Dosztojevszkij. Megalázottak és megnyomorítottak. Magyar Helikon. Budapest, 1970. /Ford. Institoris Irén/.

К. Паустовский. Повесть о жизни. М., 1966.

K. Pausztovszkij. A nagy várakozások kora. Európa, 1969. /Ford. Szőlősi Klára/.

В. Быков. Обелиск. Роман-газета № 24, 1973.

V. Bikov. Obelisk. Európa, 1975. /Ford. Nagy Elek/.

Dobozi I. Kedd, szerda, csütörtök. Budapest, 1967.

И. Добози. Вторник, среда, четверг. М., 1973. /Перевод И. Со-
ломина/.

Illyés Gy. Ebéd a kastélyban. Budapest, 1974.

Д. Ийеш. Обед в замке. М., 1972. /Перевод Т. Воронкиной/.

Fekete Gy. Az orvos halála. Budapest, 1963.

Д. Фекете. Смерть врача. М., 1973. /Перевод Е. Малыхиной/.

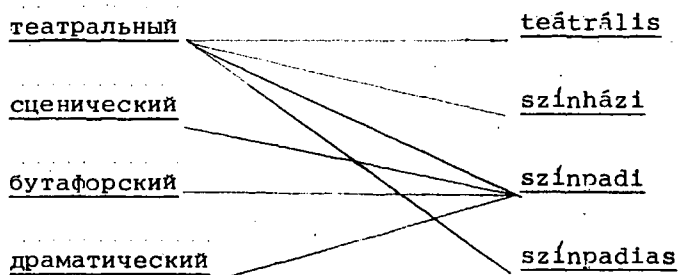
О "ЛОЖНЫХ ДРУЗЬЯХ ПЕРЕВОДЧИКА" В
РУССКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

М. Петер

1. Освоение языком иноязычной лексики -- это сложный процесс, проходящий как в плане выражения, так и в плане содержания. В связи с этим принято различать "формальный статус" заимствований, т.е. степень их фонетической /фонологической/, орфографической и грамматической освоенности, и их "функциональный статус", т.е. характер, сферу и частоту их употребления¹. В отношении последнего особый интерес представляет группа заимствований иноязычных слов, большей частью т.н. интернационализмов, которые, при той или иной степени сходства в плане выражения двух или нескольких языков, "в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу"². Неучитывание различий в семантике и/или употреблении этих слов в разных языках может привести при переводе с одного языка на другой к нежелательным недоразумениям, поэтому слова этого типа и получили во французском языкознании название *faux amis du traducteur* -- "ложных друзей переводчика"³. Однако, эти "ложные друзья" представляют не только практический, но и теоретический интерес, поскольку то или иное различие в семантике, в стилистической значимости или сочетаемости слова всегда связано со "внешней" историей его заимствования /из какого языка, когда, в какой сфере языкового узуса оно заимствовано/, так и со сложными системными /синонимическими, значимостными/ отношениями в заимствующем языке. Проиллюстрируем эти отношения на одном примере.

1.1. В русском языке прилагательное театральный имеет следующие значения: 1/ 'относящийся к театру, связанный с театром, с его деятельностью', 2/ 'неестественный, внешне эффектный' /т. жест, т. поза/, 3/ 'отвечающий требованиям театрального искусства; удобный для сцены, театра, сценичный'⁴. В современном же венгерском языке прилагательное teátrális обладает только значением, соответ-

ствуемому второму, неодобрительному значению русского слова. Дело в том, что интернациональное слово teátrum 'театр' было вытеснено в венгерском языке еще в первой половине XIX в., во время обновления языка новообразованием színház /из szín 'сцена' и ház 'дом'/; ср. подобные новообразования в чешском и сербско-хорватском языках: divadlo, позориште, казалиште/, что и привело к отпадению относительного значения у прилагательного teátrális; таким значением теперь обладает прилагательное színházi. Что касается третьего значения прилагательного театральный, в венгерском языке оно распределено между прилагательными színpadi и színpadias /от színpad 'сцена'/. Вместе с тем, слово színpadias может употребляться и во втором, пейоративном значении слова театральный и, таким образом, конкурирует со словом teátrális. В то же время слово színpadi в некоторых сочетаниях употребляется в соответствии с русскими прилагательными сценический /sz. technika 'сценическая техника'/, бутафорский /sz. kard 'бутафорский меч'/, драматический /sz. mű 'драматическое произведение'/ и т.д. Таким образом, мы видим, что семантическое отношение между прилагательными театральный и teátrális входит в сложное сплетение взаимоотношений семантических полей "театра" в русском и венгерском языках. Графически это можно изобразить так:

2. В настоящей работе мы ограничиваемся рассмотрением некоторых типов семантического отношения между иноязычными словами русского и венгерского языков, сходными в плане выражения; при этом, внимание обращается на различия не только в дескрип-

тивном, но и в оценочном компоненте значения слов⁵. Ввиду ограниченности объема статьи в нашу задачу не входит исчерпывающий сопоставительный анализ тех семантических полей, которые заключают в себе рассматриваемые слова.

2.1. По-видимому, наиболее обширную группу составляют слова с одинаковым значением. Сюда относится, прежде всего, большой лексический массив научной терминологии и различных специальных номенклатур. Сюда же можно отнести слова нетерминологического характера, имеющие в двух языках одинаковое дескриптивное и общее /положительное или отрицательное/ оценочное значение. Такими являются, например, абсурдный и abszurd; балласт и ballaszt в переносном и неодобрительном значении 'то, что излишне отягощает, обременяет кого-, что-л.'; бюрократ и bürokrata; риторика и retorika в переносном значении 'эффектность, напыщенность /речи/'; тенденциозный и tendenciózus и т.п. Весьма близкими являются значения слов бравурный и bravúros, хотя в венгерском слове отсутствует значение 'оживленный' /бр. марш, музыка/; проза и próza в переносном значении 'повседневность, будничность': проза жизни -- az élet prózája /при этом в венгерском сильнее выступает "материальнофинансовый аспект" будничности, а в русском -- ее однообразие/; спекуляция и spekuláció в значении 'умозрительное построение' /при этом в венгерском слове налицо и семантический признак бесплодности такого мышления/.

2.1.1. Важную подгруппу составляют слова, очень близкие по дескриптивному, но расходящиеся по оценочному компоненту своего значения. В венгерском слове akkurátus к семантическому признаку 'тщательности, точности' присоединяются признаки 'мелочности' и 'педантизма', и, таким образом слово имеет, в отличие от русского слова аккуратный, неодобрительное значение. В венгерском прилагательном absztrakt признак 'отвлеченности' часто /но не всегда/ сопровождается пейоративным признаком 'трудный для понимания, недоступный', обычно отсутствующем в русском сло-

ве абстрактный. В прилагательном patetikus /и часто также в существительном pátosz/ к признакам 'приподнятости' и 'взволнованности' присоединяются признаки 'напыщенности', 'высокопарности', придающие этим словам, в отличие от русск. патетический, пафос, неодобрительное значение. С другой стороны, в венгерском слове replika /и в производном от него глаголе replikázik/ семантический признак 'возражения' дополняется моментами 'бойкости' и 'эффектности' данного ответа, придающим этим словам оценочный знак /+/-; в русском же слове реплика этот оценочный момент, как правило, отсутствует.

2.2. Вторую большую группу составляют слова, отличающиеся прежде всего по дескриптивному компоненту своего значения. В нее входит целый ряд подгрупп.

2.2.1. Венг. anekdota, в отличие от русск. анекдот употребляется только в значении 'небольшой, забавный рассказ о какой-л. известной личности' /о художнике, ученом, государственном деятеле и т.п./; оба слова лишены, как правило, оценочного компонента. Венг. ankét имеет значение 'дискуссия для обсуждения какого-л. вопроса, имеющего общественный интерес', и не употребляется в значении русск. анкета 'опросный лист'; оба слова лишены оценочного значения.

2.2.2. Некоторые слова имеют одинаковое оценочное значение, но при этом различаются по своему дескриптивному значению. Так, слова афера и affér имеют одинаково пейоративную окраску, но афера означает 'недобросовестное, мошенническое предприятие, дело, действие', а affér 'неприятный конфликт, столкновение с кем-л.', а также 'дуэль' /устар./. Слова бестия и bestia выражают одинаково отрицательную оценку, но бестия имеет значение 'пройдоха, плут', а bestia 'злая, шкурная женщина'. /В венгерском языке слово употребляется также в значении 'зверь'./ Слова цирк и cirkusz употребляются в обоих языках и в переносно-пейоративном значении, однако цирк означает 'какое-н. смешное зрелище' или 'смешной эпизод', а cirkusz -- 'шумную, скандальную сцену' или 'заранее подстроенное дело, инсценировку'.

2.2.3. В большинстве случаев расхождение по дескриптивному значению сопровождается и отличием в оценочном значении. Русск. аллюр обозначает 'способ хода, бега лошади' и в оценочном отношении нейтрален, венг. же allűr имеет неодобрительное значение 'манерность поведения, замашка, повадка'. Венг. artista употребляется только в значении 'цирковой гимнаст, акробат', а не в значениях русского слова артист, и в отличие от русск. циркач не содержит пейоративной оценки. Венг. gavallér имеет значение 'модно одетый и умеющий держаться мужчина', 'ухажер' и 'щедрой рукой раздающий подарки, чаевые и пр.' /в последнем значении с оценочным знаком +/, но не имеет значения 'человек, награжденный орденом', присущего русскому кавалер.

2.2.4. В некоторых случаях слово, характеризующееся в одном языке многозначностью, в другом языке имеет только одно, при том более узкое, но в оценочном отношении отмеченное значение. В венгерском языке слово lágér употребляется, в отличие от русск. лагерь, только в значении 'концентрационный лагерь'; слово rezsim, в отличие от русск. режим, только в значении 'строй государственного управления' с пейоративной оценкой. С другой стороны, слово банда, имеющее в русском языке только одно, неодобрительное значение '/разбойная, преступная группа, шайка/', в венгерском языке употребляется и в других, эмоционально нейтральных значениях: banda '/цыганский или военный/ оркестр' и 'объединение лиц для совместной работы, артель'.

2.2.5. У ряда словесных пар венгерский язык сохранил и развил только переносно-оценочное значение, которое в соответствующем русском слове может и отсутствовать. Так, например, венг. behemót употребляется только в значении 'неуклюжий человек /или животное/ большого роста', но не имеет значения 'гипопотам' русского слова бегемот. Прилагательное brillians употребляется только в переносно-оценочном значении 'блестящий, восхитительный' /br. szónok -- 'блестящий оратор',/ тогда как русскому бриллиантовый такое значение не присуще. Венг. kriminális употребляется только в переносно-оценочном значении 'ужасный, очень

плохой' /kr. idő 'ужасная погода'/; значение этого слова 'уголовный', характерное для русск. криминальный, в венгерском устарело. Слово náción, в отличие от русск. нация, имеет пренебрежительное значение и часто употребляется как бранное слово: Miféle náción! 'Что за сволочь!', Te qaz náción! 'Мошенник!' и т.п. Подобным образом и слово firma употребляется только в переносно-неодобрительном значении: jó kis firma 'сомнительная, недостоверная личность'; значение же русск. слова фирма 'торговое или промышленное предприятие' является для венгерского языка устарелым. Венг. bagázs обладает только пейоративным значением 'сброд'; значения русск. багаж 'груз пассажиров', 'запас знаний' ему чужды. Слово perszóna употребляется только как пренебрежительное обозначение женщины, значения соответствующего русск. персона 'личность, особа' и 'человек' /как нумератив/ ему не присущи. Венг. praktika не употребляется ни в одном из значений слова практика, а только в пейоративном значении 'хитрый прием, махинация'. Точно так же венг. forszíroz употребляется только в нехарактерном для русск. форсировать значении 'назойливо и/или насильно добиваться чего-л.' Более редко встречаются обратные случаи, когда среди значений иноязычного слова в русском языке имеется одно переносно-пейоративное, отсутствующее в венгерском языке. Так, в русском языке слово субъект и тип могут обозначать человека, к которому говорящий относится пренебрежительно; в венгерском же слова szubjektum и típus такого значения не имеют.

2.2.6. При сопоставлении семантической структуры словесных пар иногда следует учитывать и фактор времени /см. выше слова криминальный и фирма/. Дальнейшим примером может служить слово âgens, которое в современном венгерском языке употребляется только как научный термин; значения 'лицо, уполномоченное для выполнения деловых поручений' и 'шпион', присущие русск. агент, являются для венгерского языка устарелыми. Глагол adreszál является устарелым в значении 'послать по какому-л. адресу', характерном для соответствующего слова адресовать; в современ-

ном венгерском языке он употребляется только в ироническом смысле 'направить кому-л. замечание, критику, упрек и т.п. косвенно, в виде намека'. Для венг. слова apelláta значение юридического термина апелляция является устарелым; в современном языке оно употребляется только в фразеологическом обороте Nincs apelláta!, выражающем категоричное решение или запрет. В современном венгерском языке прилагательное kapitális употребляется как охотничий термин: k. vad 'крупный, матерый зверь /особенно: с большими рогами/'; значение русск. капитальный 'главный, основной' для венгерского слова является устарелым. Обратный пример представляет пара фамилия -- família; для русского слова значение 'семья, домохозяин' устарело, в венгерской же разговорной речи família употребляется только в значении 'семья' и, как правило, имеет иронически-неодобрительную окраску: Szép kis família! 'Хороша семья!'

2.2.7. В некоторых случаях семантическое отношение между русским и венгерским словом может осложняться деривационным фактором. Так, например, слово пакт и raktum имеют одинаковое значение и оба лишены оценочности. Однако, венг. глагол raktál употребляется только в неодобрительном значении 'тайно сговариваться с кем-л. в каком-л. неблагоприятном деле'. Глаголу фиксировать соответствуют в венгерском два глагола: fixál и fixíroz; при этом, fixál употребляется в значении 'окончательно определить, установить', а также в специальном значении 'обрабатывать фиксажем', глагол же fixíroz в пейоративном значении 'пристально и вызывающе смотреть на кого-л.'. Слова партизан и partizán имеют одинаковое значение. Глагол партизанить означает 'вести партизанскую борьбу', и в этом же значении употребляется и венг. глагол partizánkodik; однако, венг. слово обладает кроме того и переносно-неодобрительным значением 'действовать, распоряжаться без ведома и указания компетентного органа'; в русском языке близкое к этому значение может получить собирательное существительное партизанщина: 'неорганизованные, анархические, нарушающие дисциплину действия'.

2.2.8. Наконец, отметим некоторые случаи, когда в венгерском языке семантическим сдвигам подвергались слова, заимствованные из какого-то славянского языка. Существительное ukáz, заимствованное непосредственно из русского, употребляется не только как историзм /'царский указ'/, но и в более широком, неодобрительном значении 'самовластный, произвольный приказ или запрет'. Подобным образом и слово narodnyik употребляется не только как историзм, обозначающий последователя известного общественно-политического движения в России во второй половине XIX в., но и в расширенно-пейоративном значении 'лицо, переоценивающее политическое значение крестьянства в ущерб рабочему классу'. Существительное kurcs, заимствованное из словацкого языка, употребляется, с одной стороны, в суженном значении 'торговец лошадьми или скотом', с другой стороны, как прилагательное, в пейоративном значении 'торгашеский': kurcs szellem 'торгашеский дух'. Слово kalamajka, заимствованное из укр. коломи́йка 'гуцульский массовый танец', в современной разговорной речи употребляется в пейоративных значениях 'суматоха' и 'неприятность'.

3. Кажется, что приведенный здесь материал, хотя его далеко нельзя считать полным, тем не менее позволяет сделать вывод о том, что "ложные друзья переводчика" являются вместе с тем важными "помощниками" лингвиста. В одной более ранней статье мы называли иноязычные слова своего рода "мечеными атомами", позволяющими раскрывать сложные системные отношения в лексико-семантической и стилистической сферах языка, а также динамику этих отношений, обычно менее заметные на материале исконной лексики⁶. Иноязычные слова содействуют также раскрытию сложных процессов взаимодействия между "внутренними" и "внешними" факторами в жизни языка. В свое время Соссюр отрицал значение такого взаимодействия, однако он сам же признал, что "заимствованное слово уже нельзя рассматривать как таковое, как только оно становится объектом изучения внутри системы данного языка, где оно существует лишь в меру своего соотношения и противопоставления с другими ассоциируемыми с ним словами, подобно всем другим, искон-

ным словам этого языка." ⁷ Разумеется, что сколько-нибудь удовлетворительное освещение всей этой проблематики требует тщательного историко-лексикологического изучения каждого отдельного слова /включая его "предысторию" в языке-источнике заимствования/ на широком фоне его синонимических и семантико-полевых связей в заимствующем языке.

Примечания

1. См. О.Б. Шахрай. К проблеме классификации заимствованной лексики. -- Вопросы языкознания, 1961, № 2, с. 53. Михай Петер. О функциональном статусе иноязычной лексики в современном русском языке. -- В кн.: *Hungaro-Slavica* 1978. Budapest, 1978, с. 243.
2. В.Н. Крупнов. В творческой лаборатории переводчика. М., 1976. с. 63.
3. M. Koessler. J. Derocquigny. Les faux-amis ou les trahisons du vocabulaire anglais; conseils aux traducteurs. Paris, 1928. См. еще: Англо-русский и русско-английский словарь "Ложных друзей переводчика". Сост. В.В. Акуленко, С.Ю. Комиссарчик, Р.В. Погорелова, В.Л. Шхт. М., 1969, с. 372.
4. Для толкования значений были использованы следующие словари: Словарь современного русского литературного языка, I-XVII. М., 1950--1965; С.И. Ожеров. Словарь русского языка. Изд. 10-е. М., 1973; *Magyar Értelmező Kéziszótár*. Budapest, 1972; *Bakos Ferenc. Idegen szavak és kifejezések szótára.* 6. kiadás. Budapest, 1983.
5. О дескриптивном и оценочном компонентах лексического значения см. Е.М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985, особенно с. 28--33.
6. Михай Петер. Ук. соч., с. 255.
7. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. -- В кн.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 61.

МОДАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В
СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. Шоймоши

1. "Модальность предложения -- это с у б ъ е к т и в -
н о - о б ъ е к т и в н о е отношение содержания высказы-
вания к действительности с точки зрения его реальности со-
ответствия или несоответствия действительности"¹. Если ос-
новное модальное значение реальности--ирреальности является
н е о б х о д и м ы м конструктивным признаком предложения,
одним из компонентов категории предикативности, то субъек-
тивный аспект модальности, выраженный вводными /модальными/
словами и соотнесенными с ними модальными частицами, образу-
ет как бы в т о р о й с л о й модальных значений в смыс-
ловой структуре высказывания. Модальные слова, частицы на-
кладываются на предложение не внешне, а становятся элементом
его структуры, объективное и субъективное модальные значения
тесно в з а и м о д е й с т в у ю т между собой².

В сложноподчиненных предложениях среди разных средств,
выражающих субъективно-модальное значение, выступают подчи-
нительные союзы.

По мнению В.В. Виноградова, многие союзы, выражающие
синтаксическую независимость, легко превращаются в м о -
д а л ь н ы е с л о в а /ср.: будто, будто бы, не то что-
бы и т.п./³.

Придерживаясь такого же мнения, Г.А. Золотова отмечает,
что с вводными модальными словами соотносятся и наряду с
ними служат средством выражения субъективной модальности
м о д а л ь н ы е ч а с т и ц ы, среди них и группы срав-
нительно-сопоставительных частиц: будто, как будто, словно,
точно, как бы и др.⁴.

Указывая на двоякую функцию подчинительного союза, Н.А. Андрамонова констатирует также, что подчинительный союз не только выразитель подчинительной синтаксической связи, но и **м о д а л ь н ы й к в а л и ф и к а т о р** ⁵.

Разнообразие терминологии выражения модальной функции подчинительного союза также доказывает, насколько не определен статус понятия "модальный союз", не очерчены границы этой группы слов, не установлены до конца их содержательные и формальные признаки. В современной русской лингвистике пока еще нет системного описания модальных союзов.

2.1. Модальность присуща всей системе подчинительных союзов. Они могут быть охарактеризованы как союзы **о б ь е к т и в н о й -- р е а л ь н о й** или **и р р е а л ь н о й** модальности ⁶.

В настоящей работе рассматриваются модальные аспекты сравнительных союзов. Что касается систематизации модальных сравнительных союзов, то можно констатировать, что единого мнения относительно этого среди лингвистов нет.

В Русской грамматике '80 сравнительные союзы противопоставляются по линии **д о с т о в е р н о с т и /как/ -- н е д о с т о в е р н о с т и /будто/** ⁷.

По мнению И.И. Формановской, союзы как, подобно тому как, равно как, также как передают **р е а л ь н о е** сравнение, союзы как будто, будто, словно, точно, как если бы передают сравнения **н е д о с т о в е р н о е**, **в о о б р а ж а е м о е**, **у с л о в н о е**. "При этом возникают субъективно-модальные оттенки, не изменяющие объективно-модального плана предложения, т.е. не реализующиеся в формах наклонения глаголов -- сказуемых" ⁸. От союзов как будто, будто, словно, точно автор отделяет союз как если бы. Союз как если бы не только выводит сравнение из реального плана и вносит в сравнительное предложение условно-предположительный оттенок, но и **и з м е н я е т** объективный модальный план придаточной части. Фор-

мальное выражение изменения модального плана -- это проявление сказуемого в форме сослагательного наклонения.

Следует заметить, что вышеперечисленные трактовки не указывают на возможное место сравнительных союзов, осложненных частицей бы: будто бы, словно бы и т.д. Как нам кажется, мы не можем оставить без внимания эту группу союзов, занимающих несколько особое место в организации модального плана предложения и часто употребляемых в разговорной речи. Именно по этим причинам распределение сравнительных союзов по их модальным качествам нам представляется наиболее тонким в трактовке Н.А. Андрамоновой.

Н.А. Андрамонова противопоставляет союзы реальной и реально-предположительной модальности словно, будто, как будто, точно, ровно /разг./ союзу и реальной модальности как если бы и сходным с ним словно бы, будто бы, как будто бы⁹.

2.2. Сравнительный союз занимает особую, ключевую позицию в организации сложноподчиненных сравнительных предложений. С модальной точки зрения среди сравнительных союзов наибольший интерес представляют союзы с реально-предположительной модальностью типа будто, и их усложненные варианты с частицей бы, типа будто бы.

Необходимо несколько подробнее остановиться на модальных значениях этих союзов. Своеобразие сравнений с союзом типа будто заключается именно в том, что эти союзы обладают яркими модальными свойствами¹⁰. Специфика предложений недостоверного сравнения проявляется в особом взаимодействии модальных характеристик главной и придаточной части предложения. Ср.: "И опять Саня подивился той перемене, которая произошла с ним со вчерашнего дня, будто и не Митяй с ним был, а его двойник..." /В. Распутин/; "... чего Саня и не подозревал в себе, словно и это пришло к нему как недалекое и желанное воспоминание" /В. Распутин/; "Безветрие и грохот воды; ощущение было жутковатое -- точно там, за краем причальной стенки, начина-

ется другой свет" /В. Распутин/.

Главное предложение понимается как истинное, не зависит от придаточного, доминирует над ним. Модальный план главного предложения в подавляющем большинстве случаев объективно-реален, реже объективно-ирреален, т.е. в главной части предикат иногда стоит в форме повелительного наклонения. Ср.: "Живи, Саня, так, будто ты только здесь и родился" /В. Распутин/.

На основе анализа примеров можно сделать вывод, что модальный план придаточного предложения также объективно-реален. Присоединяя придаточные предложения, союзы будто, словно, точно и реализуют объективное значение этой части предложения независимо от его предикатов. Союз и придаточное предложение составляют единый структурный блок и дальше, уже на синтаксическом уровне, передают субъективное значение придаточной части, которое понимается как не имеющее места в действительности, как ложное, метафорическое. Вышеупомнутый структурный блок присоединяется к главному предложению, и модальный контраст между придаточной и главной частью создает тот семантический эффект, который мы ощущаем как сравнение. В этом состоит инвариантное синтаксическое содержание сложного сравнительного предложения, в котором снимается взаимная противопоставленность¹¹.

При недостоверном сравнении передается лишь одна реальная ситуация, выражающаяся главной частью предложения. Основное значение сравнительных предложений, выражающих недостоверное сравнение -- это предположение, сомнение, что-то возможное, воображаемое, даже фантастическое¹².

Подтвердим сказанное выше примером. Ср.: "В западной прессе появились сообщения о том, что в канадском озере Оканеган, расположенном к востоку от Ванкувера, будто бы появился конкурент легендарного лох-несского чудовища -- Несси" /Неделя № 6, 1987/. В этом примере ясно ощутима функция модального союза в сложноподчиненном предложении. В главной части выражается реальный факт о некоем сообщении. Модальный план прида-

точной части также объективно реален, ведь многие действительно убеждены в том, что появилось новое чудовище. Субъективное ирреальное значение вносится в предложение исключительно союзом будто бы, и р е а л и з у я значение придаточной части, передавая при этом на синтаксическом уровне противоположное убеждение автора, а именно: такого чудовища не существует. Из этого видно, что модальный союз обладает двумя разными валентностями. Правая валентность м о д а л ь - н а я /придаточная часть ирреализуется союзом/, левая валентность к о м п а р а т и в н а я, /главная часть соотносится с ирреализованной придаточной частью, выполняющей функцию образа/.

2.3.1. Что касается лексического значения сравнительных союзов с реально-предположительной модальностью типа будто, то мнения разных авторов по этому вопросу расходятся.

Н.И. Формановская считает, что союзы типа будто не обнаруживают сколько-нибудь заметных отличий, поэтому целесообразнее всего их считать в а р и а н т н ы м и. Замена этих союзов союзом как из-за разных модальных планов невозможна¹³. В подтверждение мнения автора приведем пример. Ср.: "Мальчик почувствовал себя польщенным, точно сам привел автолавку" /Ч. Айтматов/. Замена союза точно союзами словно, будто возможна, но замена союзом как невозможна.

Н.С. Валгина подчеркивает, что несмотря на общее с р а в н и т е л ь н о - у с л о в н о е значение союзов будто, словно, точно, есть расхождения в их лексическом значении. Союз будто указывает на п р и б л и з и т е л ь н о е с х о д с т в о сравниваемых предметов. С союзом словно сближается союз точно. Они указывают на б о л ь ш е е с х о д с т в о предметов, явлений¹⁴.

Союз словно имеет не столько предположительный, сколько образный оттенок значения. Признаком сближения ситуаций сравниваемых частей предложения считается с е м а н т и ч е с - к о е с б л и ж е н и е сказуемых. Ср.:

"Даже остановился на какое-то время, словно прислушива-
ясь к тому, что делается там" /Ф. Абрамов/.

остановился

прислушиваясь

"Автобус между тем, словно то-
ропясь домой к себе, разбежался"
/В. Распутин/

топорясь

разбежался

"Митяй заметался, словно что-то
подыскивая под ногами /В. Распутин/.

заметался

подыскивая

"Его взяли в начале ноября,
словно дождавшись, когда он кончит
уборочную" /В. Распутин/

взяли

дождавшись

При анализе примеров сразу обращает на себя внимание преимущественно употребления деепричастных, причастных форм в придаточной части.

Из субъективно-модальных союзов наиболее употребителен союз будто. Он может присоединять и з ъ я с н и т е л ь - н у ю придаточную часть. При этом в главной части часто встречаются слова со значением в о с п р и я т и я , м ы с - л и , р е ч и , а в придаточной части подтверждаются неуверенность, сомнение. Ср.: "Он смотрел, как они, не отрываясь друг от друга, будто связанные, тычутся в углы" /В. Распутин/. "... и это внушение он ощуал в себе все отчетливей, будто сразу не расслышал" /В. Распутин/. "... -- всякий раз чувствует себя в дороге беспокойно, будто он потерял все, что у него в жизни было" /В. Распутин/. "Она несколько раз переводит взгляд с него на Кузьму и обратно, будто Кузьма билет украл или подделал" /В. Распутин/.

Встречаются примеры, где в главной и придаточных частях предложения есть о б о б щ е н н о - л и ч н ы е глаголы. Ср.: "... когда в холодное время с надворья заходишь: будто

из зимы в лето попадаешь" /Ф. Абрамов/.

В таких предложениях общность временного плана обеих частей предложения служит сближению ситуаций.

Некоторые сравнительные предложения вводятся б е з - л и ч н о й главной частью. Также следует отметить, что нередко части сравнительного предложения формально распадаются, составляя два отдельных, только в смысловом аспекте соотнесенных предложения. Ср.: "Ему снится странный сон. Будто идет общее колхозное собрание" /В. Распутин/.

В случаях, где придаточная часть стоит в препозиции, опережая главную, и не содержит подлежащего, непривычный п о - р я д о к частей и н е п о л н о т а придаточной части, по нашему мнению, подчеркивают сомнение. Ср.: "Будто нарочно, сразу подошел трамвай" /В. Распутин/. "Будто свой огород ... захочу -- пишу, не захочу -- заверну" /В. Распутин/. Неполная придаточная часть возможна также и при привычном порядке частей предложения. Ср.: "... а босые, уже потрескавшиеся ноги выкованы, будто по заказу" /Ф. Абрамов/.

Сравнительные союзы могут присоединять придаточное о б р а з а д е й с т в и я, м е р ы, с т е п е н и, если в главной части есть конструктивное слово. Ср.: "Живи, Саяна, так, будто ты только здесь и родился" /В. Распутин/. "Ведь вчера она /степь/ была совсем н е т а к а я. Будто в сказке я слышал о ней,..." /В. Распутин/. Что касается глагольных наклонений в сложноподчиненных предложениях с союзом будто, то в главной части в большинстве случаев глагол стоит в изъявительном наклонении, реже встречается повелительное наклонение, а в придаточной части бывают изъявительное наклонение, причастия. Преимущественное употребление изъявительного наклонения подтверждает тот факт, что модальный план обеих частей предложений реален.

2.3.2. Особую группу сравнительных союзов представляют собой союзы реально-предположительной модальности в случае

осложнения их частицей бы. Н.А. Андрамонова считает возможным двойкий подход к соответствующим союзам. Союзы, включающие частицу бы, можно считать вариантом союзов без этой частицы. Их можно квалифицировать как автономные, где к предположительной семантике субъективного плана, заключенной в союзе без бы, добавляется значение объективной ирреальности, заключенное в бы. Частица бы усиливает семантику предположительности и является средством перевода ее в план ирреальности¹⁵.

По мнению Формановской, частица бы усиливает в союзе значение недоверности, сомнения, она не переводит модальный план всего предложения из реального в ирреальный /сказуемое в придаточной части не ставится в сопоставительном наклонении или инфинитиве, как это оказывается в случае с как бы, чтобы.../¹⁶.

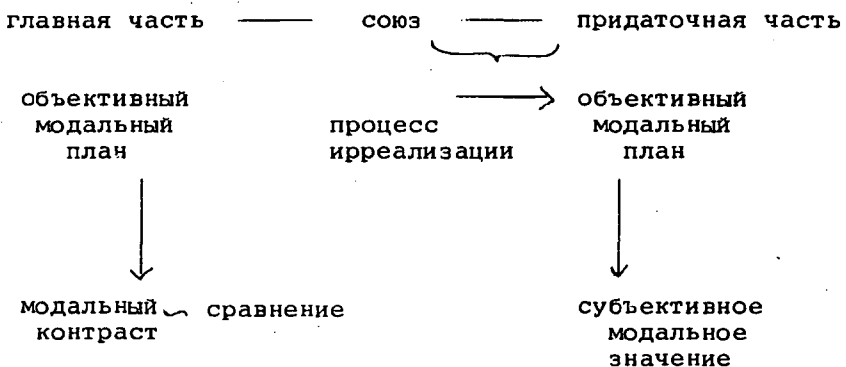
На наш взгляд, союзы словно бы, будто бы только сближаются с союзами ирреальной модальности и составляют как бы зону переходных случаев между союзами с гипотетически реальной и гипотетически ирреальной модальностью. Есть основание считать этот модальный план субъективным, так как модальность придаточной части остается реальной. В качестве примера приведем следующие предложения. Ср.: "... всходя с каждым новым днем с постоянством, неурочной, словно бы дарованной благодати" /В. Распутин/. "... а там на десять, на пятнадцать минут и вовсе забыть про бидон, словно бы допивая начатое снадобье" /В. Распутин/. "Уже далеко отстали от Митяя, вздернутый горбовик которого, закрыв голову, двигался словно бы самостоятельно" /В. Распутин/.

Среди союзов с частицей бы более частотен союз словно бы. В придаточной части часто встречаются причастия, деепричастия, глаголы прошедшего времени изъявительного наклонения в необычном сочетании с союзом. В семантике союза словно бы вырисовываются образный оттенок, значение сравнительности.

В большинстве случаев союз выступает в таком контексте, где описываются ощущения, воспоминания, мысли. Ср.: "... и как приятно было, не заглядывая в бидон, ощущать все его возрастающую тяжесть, а потом, опуская ягоду, словно бы ненароком натолкнуться рукой на его поднявшееся теплое нутро" /В. Распутин/. "Саня уже не сомневался, что бывал здесь. Конечно, он не бывал в действительности, но он словно бы, не свернув с тропы... пришел сюда" /В. Распутин/.

3. Подводя итоги, можно констатировать, что одним из средств выражения субъективной модальности в сложноподчиненном предложении является подчинительный союз, имеющий двоякую функцию; функцию подчинительной связи и модального квалификатора. Среди подчинительных союзов своими сильными модальными значениями выделяются сравнительные союзы. Следует заметить, что в русской лингвистике пока еще нет системного описания модальных союзов.

На наш взгляд, можно суммировать функции сравнительного союза недостоверного значения в следующей схеме.

На основе анализа ряда примеров можно прийти к выводу, что несмотря на общее сравнительно-условное значение, сравни-

тельные союзы отличаются друг от друга лексическими и функциональными свойствами, образуя при этом широкий круг экспрессивно-модальных выразительных средств.

В связи с сравнительным союзом типа будто бы встает ряд вопросов, ожидающих решения в дальнейшем: определение позиции союза типа будто бы в системе модальных союзов; выявление функциональных возможностей данных союзов, а также пределов изменения модального плана предложения.

По нашему мнению, сравнительный союз сам обладает значением предположительности, ирреальности, частица бы только усиливает это значение, не изменяя при этом основного модального плана предложения. Таким образом, союз типа будто бы становится средством выражения более субъективных оттенков значений, чем союз без бы.

Примечания

1. Г.А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 142.
2. Там же, с. 148--149.
3. В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1986, с. 579.
4. Г.А. Золотова. Ук. соч., с. 150.
5. Н.А. Андрамонова. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. "Изд. Казанского университета". 1977, с. 157.
6. Н.А. Андрамонова. Ук. соч., с. 161.
7. Русская грамматика. т. II. Синтаксис. М., 1982, с. 493.
8. Н.И. Формановская. Стилистика сложного предложения. М., 1978, с. 48.
9. Н.А. Андрамонова. Ук. соч., с. 23.
10. М.И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976, с. 186.
11. Там же, с. 199.
12. См.: Н.Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 186, а также ГРМ. т. II. М., 1960, с. 342.

13. Н.И. Формановская. Ук. соч., с. 50.
14. Н.С. Валгина. Синтаксис современного русского языка. М., 1973, с. 328.
15. Н.А. Андрамонова. Ук. соч., с. 172.
16. Н.И. Формановская. Ук. соч., с. 66.

К ВОПРОСУ ОБ ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ И НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МОДАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Э. Саламин

I. Характер категории модальности

1. 1. Модальность -- это функционально-семантическая категория, отражающая сложные взаимоотношения между основными факторами языковой коммуникации. К факторам коммуникативной деятельности человека относятся не только говорящий, собеседник и внеязыковая действительность, но и само высказывание, отражающее, кроме определенного "кусочка действительности", также отношение к нему говорящего и отношение говорящего к собеседнику. Смысловую основу категории модальности образует понятие оценки, представляющей собой проявление "вмешательства" говорящего в высказывание.

Модальность неразрывно связана с другими функционально-семантическими категориями, реализующими отнесенность высказывания к действительности, с такими как темпоральность, персональность, временная локализованность-нелокализованность содержания высказывания и категория определенности-неопределенности. Категория модальности тесно связана со всей системой грамматических средств актуализации, со всей синтактико-семантической структурой предложения.

1. 2. В модальности могут быть выявлены следующие, связанные между собой аспекты: 1/ коммуникативная модальность -- это отношение говорящего к собеседнику, выраженное функциональными типами предложения, т.е. теми суперсегментными, грамматическими и лексическими средствами, которые необходимы для создания отдельных типов предложения; 2/ эпистемическая модальность -- это отношение говорящего к содержанию высказывания в плане достоверности-недостоверности знания говорящего, выраженное лексико-грамматическими, грамматическими и лексическими средствами

ми; 3/ субъективная модальность -- это отношение говорящего к содержанию высказывания в широком оценочно-экспрессивном плане; 4/ объективная модальность -- это отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности-потенциональности-ирреальности, выраженное в основном грамматическими средствами. За исключением субъективной модальности, остальные три аспекта являются обязательным, конститутивным признаком предложения¹.

Выявление названных аспектов было осуществлено с помощью вовлечения в анализ категорий определенности-неопределенности и временной локализованности-нелокализованности. Совместный анализ функций временной локализованности и определенности мы сочли возможным потому, что локализованность действия во времени может рассматриваться как одно из пересекающихся полей в рамках более широкой сферы детерминированности-индетерминированности.

1. 2. 1. Наиболее полный и подробный анализ функции временной локализованности по отношению к русскому языку можно найти в работах А.В. Бондарко. "В плане содержания речь идет о следующем противопоставлении: значение конкретности действия, его прикреплённости к определенному отрезку времени /Когда я открывал дверь, я заметил.../ противопоставлено значению абстрактности, неопределенности положения действия во времени /Каждый раз, когда я открывал дверь, я замечал.../ ...Категория временной локализованности в русском языке, в отличие от ряда других языков, не опирается на специальную систему грамматических форм. Однако выражение рассматриваемой категории не ограничивается лексическими средствами контекста, данная категория находит своеобразное выявление в закономерностях функционирования форм вида и времени, оказывая существенное влияние на эти категории"².

1. 2. 2. Исследователями русского языка вскрыта тесная связь категории модальности с категорией определенности-неопределенности. Исследования показывают, что в предложениях, содержащих реальную модальность, обычно неопределенные местоимения с аффиксами -то /не-/ и кое-, выражающими наименьшую степень неопределенности, реальное существование предмета, о котором

идет речь. Семантика этих аффиксов противопоставлена семантике аффиксов -нибудь, -либо, выражающих большую степень неопределенности, соотносимой с потенциальной и ирреальной модальностью. Функционирование неопределенных местоимений, подобно лакмусовой бумаге, пригодно для выявления модальных различий предложения. Напр.: Вон там что-то на косогоре чернеется... Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади... Соотнесенность реальной модальности с наименьшей степенью неопределенности подчеркивается фактом невозможности высказываний типа: *Вон там что-нибудь/что-либо на косогоре чернеется. Но ср.: Если бы на косогоре что-нибудь чернелось...; Если бы из леса кто-нибудь выезжал на серой лошади...

Следовательно, реальная модальность и полная неопределенность, соотнесенная с потенциальной и ирреальной модальностью, взаимно исключают друг друга. В том факте, что значение реальной модальности воспринимается говорящим относительно определенным, отражается соотнесенность грамматической семантики с действительностью.

2. Понимание обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений в русской грамматической традиции

2. 1. Под русской грамматической традицией нами понимается подробное описание грамматического строя русского литературного языка, представленное в "академических" грамматиках^{3, 4, 5*}. Такое понимание русской грамматической традиции, на первый взгляд, может оказаться неправомерным и необоснованным, особенно по отношению к Гр--70. Известно же, что Гр--54 по своему замыслу была описательной и строго нормативной, составители и редакторы которой в своей работе руководствовались требованиями, традиционно предъявляемыми к академической грамматике. К таким требованиям относятся: общедоступность изложения, отсутствие гипотетических решений, строгая и исчерпывающая кодификация норм. Далее известно, что Гр--70 поставила перед собой другие, прежде всего теоретические цели, не претендовала на полноту описания

* В дальнейшем будут употреблены следующие сокращения: Грамматика = Гр--54, Гр--70 и Гр--80.

и была предназначена в основном для специалистов. Функциональный аспект описания в ней был подчинен формальному аспекту. Несмотря на все это, является фактом, что в выявлении структурных схем предложения, стоящих в центре синтаксической теории этой грамматики, книга опирается на исключительно грамматические критерии, и предложение исключается из структуры /системы/ знаковой ситуации. /О Гр--70 как о продолжении русской синтаксической традиции см.: 6/. В основе ее синтаксической концепции лежит парадигматический принцип: в парадигму предложения входят формы, различающиеся между собой признаками синтаксического времени и объективной модальности. Таким образом, категория лица устраняется из синтаксиса.

Гр--70 является как бы подготовкой Гр--80, поставившей своей задачей совместить научное описание грамматического строя современного русского литературного языка с нормативными рекомендациями и оценками. В отличие от Гр--70, в Гр--80 освещается важная роль семантики в синтаксисе, вводится понятие семантической структуры предложения. Авторы Гр--80 "в меру своих сил стремились сохранить традиции русских научных описательных грамматик: теоретический подход к материалу, непуристическое отношение к норме, внимание к стилистическим характеристикам, к связям грамматики и лексики" /с. 4/.

2. 2. В Гр--54 неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения описываются как отдельные типы односоставных предложений. Неопределенно-личное предложение "обозначает действие, совершаемое неопределенными /т.е. необозначенными/ лицами. Напр.: Нам пишут о новых достижениях строителей; В магазин привезли новые книги; Скоро в магазин привезут новые книги" /с. 5/. Как видно из примеров, главный член этих бесподлежащих односоставных предложений выражен глаголом формы 3-го лица мн.ч. настоящего, будущего или прошедшего времени изъявительного наклонения. Не исключены однако и формы синтаксических ирреальных наклонений, подробно описываемые в Гр--70, напр.: Пусть стучат в дверь; Если бы/лишь бы звонили! /с. 591/.

Обобщенно-личное предложение обозначает действие, в равной мере относящееся "ко всякому, любому лицу, напр.: Вечно тебя ждешь; Скажешь -- не воротишь" /с. 8/. Главный член предложений выражен глаголом в форме 2-го лица ед.ч. /реже -- в других личных формах/ настоящего и будущего времени. Распространено также употребление обобщенно-личных предложений, в которых главный член выражен глаголом в форме повелительного наклонения, напр.: Хлеб-соль ешь, а правду режь; Пей, да дело разумей.

2. 3. В Гр--70 об обобщенно-личных предложениях упоминается среди двусоставных бесподлежащих предложений /структурная схема: $N_1 -- V_f$ / как о неполной реализации схемы. "Неполная реализация форм синтаксического индикатива данной схемы нормальна тогда, когда производитель действия представлен обобщенно... Однако при обобщенном понимании производителя действия не исключено использование и полной схемы" /с. 551. Примеры см. в 3.2./.

В парадигматике двусоставных предложений об обобщенно-личном типе пишется следующее. "Конситуативно не обусловленные бесподлежащие реализации схемы $N_1 -- V_f$, имеющие обобщенно-личное значение, являются одной из нормальных форм синтаксического индикатива; обобщенно-личное значение свойственно именно этим формам предложения; у форм ирреальных наклонений это значение возможно, но редко" /с. 584/. Языковые факты, однако, не поддерживают употребления всех форм индикатива: симптоматично, что формы прошедшего времени отсутствуют. Симпатично также отсутствие форм ирреальных наклонений, за исключением императива, одним словом, отсутствие парадигмы.

Неопределенно-личные же предложения описываются среди односоставных предложений по структурной схеме V_{f3pl} . "Главный член -- глагол в форме 3-го л. мн.ч.: Стучат; Идут; Звонят; Тебя спрашивают; На улице шумят. Такие предложения обозначают действие неопределенно мыслимого лица" /с. 564/. Они изменяются по первой неполной парадигме односоставных предложений, у них отсутствуют формы должностного наклонения /с. 591/. Вопрос о том, почему имеют парадигму неопределенно-личные предложения, и почему не имеют ее обобщенно-личные, в Гр--70 не ставится.

2. 4. В Гр--80 неопределенно-личные предложения рассматриваются также в классе однокомпонентных предложений, к ним приписывается семичленная парадигма, описываются регулярные реализации и распространение по правилам присловных и неprisловных связей /с. 355--356/. В раскрытии же семантики схемы стирается различие между обобщенно-личным и неопределенно-личным значениями: "Специфика субъекта здесь состоит в том, что это или 'вообще всякий, любой', или 'кто-то /некто/' или 'некоторые'" /с. 356/. Эта непоследовательность в освещении семантической структуры предложений названного типа может считаться случайностью, поскольку в другом месте книги дается адекватный семантический анализ таких предложений, а также неопределенных и обобщенных субъектов. "Предложение Стучат формально не членится, а семантически членится на компоненты: неопределенный субъект и его действие... Предложения разного грамматического строения и одинаковой семантической структуры находятся друг с другом в системных формально-семантических соотношениях... Таковы, напр., соотношения предложений Стучат и Кто-то стучит" /с. 125/.

Несколько ниже, в разделе об элементарных семантических категориях о субъекте пишется следующее. "Субъект может быть или определенным, конкретно обозначенным /Геологи вернулись; Поезд опаздывает/ или неопределенным, не обозначенным конкретно /'кто-то', 'некто', 'что-то', 'нечто'/: Стучат; Кто-то стучит..., или обобщенным /'всякий', 'любой', напр., в пословицах: Чужую беду руками разведу; Любишь кататься, люби и саночки возить/" /с. 127/.

Ни в Гр--70, ни в Гр--80 не ставится вопрос о том, почему не существует, аналогично формально-семантическому соотношению Кто-то стучит -- Стучат, соотношения предложений с неопределенным субъектом что-то: Что-то шумит -- ∅; Что-то упало -- ∅. На такие вопросы можно ответить лишь имея в виду, что категория лица глагола-сказуемого, с помощью которой предложение включается в структуру знаковой ситуации, не должна устраняться из синтаксиса. Синтаксической концепцией, могущей ответить на та-

кие вопросы, представляется нам концепция В.С. Юрченко⁷.

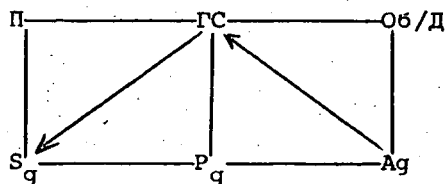
3. Обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения по синтаксической концепции В.С. Юрченко

3. 1. В.С. Юрченко подходит к синтаксису как к иерархической системе, состоящей из основной и производных структур, и вводит в синтаксис принцип синхронного генетизма или синтаксической деривации. Согласно этому принципу "все типы и разновидности предложения, как бы сильно они ни различались, прямо или косвенно восходят к одной базисной синтаксической структуре -- основному типу предложения" /с. 7/, содержащему общий для всех синтаксических структур грамматический инвариант. В.С. Юрченко полагает, что основным типом предложения в современном русском языке является распространенное двусоставное глагольное предложение, "которое распространено за счет приглагольных второстепенных членов -- обстоятельства и дополнения" /там же/.

Инвариантная структура предложения состоит из трех обязательных компонентов: грамматического субъекта /S_g/, выраженного подлежащим /П/, грамматического предиката /P_g/, выраженного глагольным сказуемым /ГС/ и грамматического атрибута /A_g/, выраженного приглагольным второстепенным членом -- обстоятельством, переходящим в дополнение /Об, Д/:

план выражения

план содержания

Самое главное отношение между компонентами инвариантной структуры -- это предикативное отношение, т.е. отношение грамматического атрибута, выраженного обстоятельством и/или допол-

нением, к грамматическому субъекту, выраженному подлежащим, через глагольное сказуемое -- форму выражения грамматического предиката. "Предикативное отношение связывает в органическое единство все элементы инвариантной структуры основного типа предложения, а также оба ее плана -- план содержания и план выражения" /с. 25/. Важнейшей особенностью структуры основного типа предложения является то, что два элемента ее плана содержания -- S_g и P_g -- могут устраняться, редуцироваться в языке / A_g никогда не редуцируется в языке, но может -- вместе с формой своего выражения -- опускаться в речи/. "Последствия этой редукции очень значительны: в конечном счете они сводятся к появлению в языке новых структурных типов предложения, отличных от его основного типа -- двусоставного глагольного" /там же/. Редукция P_g приводит к образованию двусоставного именного предложения /напр.: Человек жил весело---> Человек был весел/, редукция S_g -- к образованию односоставного глагольного предложения /Человеку жилось весело/, а "пересечение" редукции S_g с редукцией P_g -- к образованию односоставного /безличного/ именного предложения /Человеку было весело/.

Изучаемые нами обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения получаются в результате редукции S_g , таким образом, целесообразно рассмотрение именно этой редукции /с. 99 и сл./.

3. 2. S_g бывает трех видов: личный субъект /я, мы и ты, вы/ 1-й личный субъект обозначает говорящего, 2-й личный субъект -- собеседника; предметно-личный субъект /он/а, оно, они и все существительные, относящиеся к лексико-семантическому полю человек/ обозначает предмет действительности, который в другой знаковой ситуации может быть говорящим и собеседником; предметный субъект /он/а, оно, они и все существительные, за исключением тех, что относятся к лексико-семантическому полю человек/, обозначает предмет действительности, который не может стать говорящим и собеседником.

Тот факт, что S_g опирается на элементы знаковой ситуации, создает объективную возможность для его редукции. Соотношение элементов S_g можно изобразить следующим образом:

Процесс редукции S_g начинается с личного субъекта, продолжается на предметно-личном и заканчивается предметным субъектом. Структуры в порядке нарастания редукции S_g следующие: 1/ определенно-личное предложение, 2/ обобщенно-личное предложение, 3/ неопределенно-личное предложение, 4/ предложение с личным глаголом в безличном употреблении, 5/ предложение с безличным глаголом. Начало редукции состоит в том, что два признака личного субъекта -- индивидуальный и определенный -- "разрываются" и элиминируются порознь путем замены на свою противоположность: признак 'индивидуальный' заменяется признаком 'надиндивидуальный' /обобщенный/, а признак 'определенный' заменяется признаком 'неопределенный'.

Обобщенно-личное предложение -- это такое односоставное глагольное предложение, в котором нейтрализуется различие между 1-ым личным, 2-ым личным и предметно-личным субъектами /я + ты + он/а = любой человек/. Сказуемое его стоит, как правило, в форме 2-го л. /но оно принципиально может иметь и любую другую личную форму/, так как собеседник служит той базой, на которой происходит обобщение личных субъектов.

В.С. Юрченко указывает на уникальное явление: в качестве простого предложения обобщенно-личное предложение не существует без приглагольного второстепенного члена /см. все приведен-

ные выше примеры/. Этот факт служит доказательством тезиса о трехчленности основного инварианта предложения.

Нередко встречаются обобщенно-личные предложения, в плане выражения которых содержится подлежащее. Этот факт свидетельствует о том, что редукции подвергается действительно S_g /содержание/, а не подлежащее /форма/. Однако, хотя редукция S_g и не предполагает обязательного устранения подлежащего, она неизбежно ведет к его десемантизации, поэтому в качестве такого подлежащего может употребляться только местоимение, напр.: Охотно мы дарим, что нам не надобно самим; Ну, что ты будешь делать с этим негодяем!

Неопределенно-личное предложение -- это такое односоставное глагольное предложение, в котором предметно-личный субъект, выраженный формой 3-го л. мн.ч., имеет неопределенное значение, т.е. не известен точно говорящему и собеседнику /см. схему/.

3. 3. Анализируя системную организацию синтаксиса, Г.А. Золотова приходит к выводу о том, что ни определенно-личные, ни обобщенно-личные предложения не представляют структурных разновидностей односоставных, а являются коммуникативно-стилистическими вариантами двусоставных предложений⁸ /с. 108 и сл./. Названные коммуникативно-стилистические варианты возникают только на базе лично-субъектных предложений. /Кроме лично-субъектных предложений у Г.А. Золотовой различаются лишь предметно-субъектные./ По мнению Г.А. Золотовой, также можно сделать вывод о том, что неопределенно-личное значение создается не устранением подлежащего, а устранением субъекта действия, агенса в разных его позициях, напр.: Послали за отцом -- Послано за отцом; Здесь продают дрова -- Здесь производится продажа дров. Обобщенно-личное значение, сигнализируемое глагольной флексией 2-го л. ед. и мн.ч., делает собеседника центром инклюзивно-обобщенного значения субъекта при вневременном значении глагола.

3. 4. На наш взгляд, эта "вневременность" обобщенно-личного предложения имеет основное значение для модальной характеристики названного типа предложения. Обобщенно-личные предложения относятся ко времени безразлично; они, в первую очередь, связаны с планом настоящего /в неактуальном значении/ или настоящего-будущего. Обобщенность лица влечет за собой нелокализованность ситуации во времени. Соотношение видо-временной семантики и временной локализованности-нелокализованности проявляется в том, что категория нелокализованности достигает максимальной степени обобщенности в неактуальном настоящем.

Как утверждает Г.А. Золотова, "из соотношения аспектуально-темпоральных признаков выводится следующая закономерность: соответственно усилению степени абстрагированности действия от конкретного времени обнаруживается ослабление степени активности действия, ибо понятие действия и понятие времени -- две диалектически слитые стороны одного явления: активное конкретное действие протекает в конкретном времени, узуальное, обычное действие приближается к состоянию; вневременное, обобщенное действие становится способом выражения свойства, качества предмета"⁹.

Если соотношение -- абстрактное время, "вневременность" и абстрактное действие, состояние -- отнести к обобщенно-личным предложениям, то это соотношение расширяется следующим образом: в едином семантическом комплексе сочетаются элементы обобщенности времени, действия и субъекта. Рассматривая это соотношение в рамках более широкой сферы детерминированности-индетерминированности, можно утверждать, что с полем временной локализованности-нелокализованности перекрещивается также противопоставление детерминированности-индетерминированности /обобщенности/ лица. См. еще: 10 и 12.

С модальной точки зрения значение вневременности, абстрактности соответствует более абстрактному значению потенциальности. Таким образом, для обобщенно-личных предложений характерна потенциальная объективная модальность и отсутствие реальной мо-

дальности. Отсутствием реальной модальности объясняется отсутствие у этих предложений парадигмы. Правомерность такой модальной характеристики обобщенно-личных предложений подтверждается и фактами функционирования неопределенных местоимений: более абстрактное значение потенциальности не ограничивает употребления неопределенных местоимений с аффиксом -нибудь. Напр.: "Задумаешься бывало о чем-нибудь, стоя у двери лавки, а приказчик вдруг начнет проверять мои знания; За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу с ружьем без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки..."¹¹

В отличие от обобщенно-личных, в неопределенно-личных предложениях может выражаться также реальная объективная модальность, напр.: - Слышишь? Стучат /= Кто-то стучит/, и в соответствии с этим неопределенно-личные предложения имеют и парадигму. Различие в объективной модальности влияет и на другие аспекты категории модальности, напр., на эпистемическую модальность.

Поскольку обобщенно-личные предложения передают содержание обобщенное, "надындивидуальное", типа сентенций, постольку не характерны для них модуляции по эпистемической модальности. Обобщенное, "надындивидуальное" содержание как бы предполагает достоверное знание говорящего, в неопределенно-личных предложениях, однако, возможны такие модуляции, напр.: Кажется, стучат; В этом магазине, наверное, говорят по-русски. Этот факт, на наш взгляд, является одним из доказательств того, что категория модальности неразрывно связана с синтактико-семантической структурой предложения.

Примечания

1. Феер Саламин Э. Модальность достоверности-недостоверности в современном русском литературном языке в сопоставлении с венгерским. АКД, М., 1982.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
3. Грамматика русского языка. т. II, М., 1954.
4. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 6--7.
5. Русская грамматика. т. II, М., 1980.
6. F. Szalamin Edit. Két mai orosz szintaktikai koncepcióról és módszeréről. In: Szegedi Bölcsészmuhely '77. Szeged, 1978.
7. Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972.
8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
9. Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 151.
10. Leinonen M. Generic Zero Subjects in Finnish and Russian. In: Scando-Slavica 29, 1983.
11. См. Гр--54, с. 10--12.
12. Белошапкова В.А. Общность семантического наполнения нулевых позиций субъекта и объекта в русском предложении. РЯР 1987. № 2 /с. 55--58./

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Г. Секей, А. Шальга

1. Изучение категории состояния как самостоятельной части речи имеет большую традицию в русской грамматике¹. В последние годы этому классу слов посвящен и ряд специальных работ². Однако несмотря на постоянный и тщательный анализ вопросов, связанных с категорией состояния, все еще нельзя утверждать, что существует единая, общепринятая теория о круге слов, однозначно принадлежащих к этому классу лексем. Нет и единого термина. Наиболее распространены используемые в дальнейшем в нашей работе термины "категория состояния" и "предикативные слова". В практике преподавания русского языка как иностранного более целесообразно использовать второй термин, так как он может обозначать и группу слов как часть речи /в форме множественного числа -- "предикативные слова"/ и одно слово, относящееся к этой части речи /"предикативное слово"/. Такая трактовка отражается и в специальных книгах, широко используемых в ВНР³. Авторы указанных работ описывают грамматические явления русского языка, исходя из разных теоретических основ, и они касаются вопросов, связанных с исследованием этой группы слов с разной точки зрения. Для нас, венгров эта группа русских слов важна потому, что выражения типа Мне весело, Мне очень жаль. "чужды венгерскому языку"⁴. Самыми спорными, по нашему мнению, являются следующие вопросы: 1. Можно ли говорить о категории состояния как о самостоятельной части речи? 2. На основе каких критериев производится классификация предикативных слов? 3. Синтаксическая характеристика данных слов. 4. Трудности, типичные ошибки венгерских учащихся в употреблении данных слов в различных предложениях.

2. Категория состояния относится к "спорным" частям речи русского языка⁵. Теоретическими проблемами частей речи -- классов самостоятельных слов занимались многие лингвисты⁶. К

числу таких работ относится и статья В.М. Алпатова⁷. Эти проблемы находятся также в центре внимания авторов академических и других грамматик, построенных на разных теоретических основаниях. Большинство лингвистов в классификации слов по частям речи руководствуются все еще теми же принципами, которые отражены в Академической грамматике 1980-го года: 1/ наличие обобщенного значения, абстрагированного от лексических и морфологических значений всех слов данного класса; 2/ комплекс определенных морфологических категорий; 3/ общая система парадигм и 4/ общность основных синтаксических функций⁸. Различия в классификации слов обусловлены тем, какой принцип предпочитают авторы: семантический, морфологический, синтаксический, интуитивный, или комбинацию этих принципов⁹. В работах представлены три точки зрения на категорию состояния: 1. Категория состояния выделяется в самостоятельный класс слов¹⁰; 2. Предикативные слова не выделяются в самостоятельную часть речи¹¹; 3. О предикативных словах говорится обособленно, но не как о словах, принадлежащих к самостоятельной части речи -- категории состояния¹². В практике преподавания русского языка как иностранного выбор точки зрения зависит от того, какая позиция является менее проблематичной и более полезной.

Если учитывать принцип общности основных синтаксических функций, то предикативные слова бесспорно входят в особый класс слов, так как они способны сочетаться со связкой и употребляться в функции сказуемого безличного предложения и в функции сказуемого двусоставного предложения с подлежащим-инфинитивом¹³. Предикативные слова также имеют обобщенное значение, абстрагированное от лексических и морфологических значения всех слов данного класса, так как они "обозначают состояние живых существ, природы, окружающей среды, возможность, долженствование, необходимость"¹⁴. К этому можно добавить, что предикативные слова обозначают состояние, а не процесс, и этим отличаются от глаголов¹⁵. Морфологические категории, характеризующие слова категории состояния, подробно описывает А.Н. Тихонов¹⁶.

Он указывает следующие отличительные морфологические категории: настоящее, будущее и прошедшее время, изъявительное и сослагательное наклонение, форма вида и степени сравнения. Об общей системе парадигм относительно предикативных слов нельзя говорить, но все же, учитывая перечисленные характерные признаки, кажется обоснованным их выделение в самостоятельный класс слов. С точки зрения обучения русскому языку как иностранному, является более целесообразным выделять категорию состояния в самостоятельную часть речи и потому, что при таком подходе больше возможностей указывать на интерференцию между двумя языками.

3. В трактовке объема и классификации предикативных слов также нет единого мнения. Вергиева пишет о том, что она в своей диссертации дала описание 433 реальных и 262 потенциальных слов категории состояния¹⁷. В грамматическом словаре Зализняка¹⁸ представлено не более 300 слов /по предварительным подсчетам -- 281/ с пометой "предик.". /= предикатив -- 'слово, употребляемое в функции сказуемого', с. 20/. Видимо, в русском языке более 300 предикативных слов, но их число не превышает 700.

Группировка этого небольшого словарного фонда вызывает также ряд проблем. Вергиева справедливо считает, что "формы "рад", "горазд", "должен", "готов", "намерен", "прав" в силу утраты соотносительности с полными формами имен прилагательных обособились от классов имен прилагательных. Но включить их в категорию состояния нельзя, так как они, выступая в функции сказуемого в двусоставной конструкции, сохранили согласовательную категорию рода и числа, что роднит их с прилагательными, но не с категорией состояния"¹⁹. Аналогичное мнение высказывает Гвоздев²⁰. Хотя вузовские грамматики, вышедшие в СССР в последнее время и трактующие категорию состояния как самостоятельную часть речи²¹, уже не зачисляют рассматриваемые слова в состав предикативных слов, но вопрос об этих словах /рад, наме-

рен/и подц/ и до настоящего времени остается спорным. Об этом свидетельствует работа Рожковой, вышедшая в 1986 г., в которой она все еще поднимает этот вопрос²². В ВНР Ференц Папп в 1968-ом году относил слова рад, прав, намерен к словам категории состояния, изменяющимся по родам и числам²³, позднее он уже исключил их из этой группы слов²⁴. Такая же точка зрения представлена у Иштвана Пете²⁵.

Спорным является вопрос о страдательных причастиях на -но, -то типа пито, едено²⁶. Венгерские авторы при сопоставлении русского и венгерского языков слова закрыто, занято, разбито относят к причастиям /в венгерском языке им соответствуют деепричастия/²⁷. Можно согласиться с мнением Вергиевой, которая пишет о том, что причастия "выражают не столько состояние, сколько результат действия"²⁸, и поэтому рассматриваемые слова не следует включать в категорию состояния.

С другой стороны, Вергиева обращает недостаточного внимания на слова категории состояния с модальным значением. О них не говорится в данном ею определении категории состояния: "... категория состояния -- часть речи, включающая слова, которые имеют аналитические формы словоизменения, выражают недействительное состояние /человека, природы, сферы/, не связанное с идеей его производителя, и выполняют функцию главного члена в безличном предложении"²⁹. При классификации предикативных слов она не выделяет слова с модальным значением типа надо в особую группу³⁰. С точки зрения практической грамматики выделение этих слов в особую группу необходимо³¹.

В практике преподавания целесообразно использовать следующую классификацию предикативных слов по значению:

III. Слова, обозначающие состояние живых существ:

-- физическое состояние человека, живого существа

/холодно, жарко/,

-- психическое состояние человека:

а/ эмоциональное состояние человека /радостно, весело/,

б/ моральное состояние человека /стыдно, совестно/,

в/ интеллектуальное состояние человека /ясно, известно/,

2. Слова, обозначающие состояние окружающей среды, обстановки, состояние природы, воспринимаемое

а/ органами зрения /бело, пусто/,

б/ органами слуха /тихо, шумно/, /подробную классификацию этой группы слов дает Вергиева³²/.

3. Слова, выражающие временные и пространственные отношения /поздно, далеко/.

II. Слова, выражающие модальные оттенки:

1. Слова со значением долженствования, возможности /надо, можно, нужно/;

2. Слова, выражающие отрицательную или положительную оценку какого-либо состояния или действия /верно, правильно/;

3. Слова с модальным значением, выражающие проявление чего-нибудь в достаточной, с точки зрения говорящего, мере; обозначающие необходимость прекращения действия /достаточно, хватит/.

Тихонов зачисляет в особую группу слова типа крышка, как, капут, крест, конец³³. Зализняк относит к предикативным словам только слово крышка³⁴.

Известно, что большинство слов категории состояния представляет собой "слово, принадлежащее к двум или нескольким частям речи" /термин взят из венгерской лингвистики³⁵/. Так как у предикативных слов нет единой системы парадигм, венгерским учащимся необходимо знать, с какой частью речи омонимично слово категория состояния. С этой точки зрения на основе словаря Зализняка можно выделить следующие группы предикативных слов:

I. Слова, которые употребляются только как предикативы /боязно/;

II. Слова, которые употребляются как предикативы и

1. как глаголы /хватит/,
2. как существительные /беда/,
3. как наречия /безразлично/,
4. как вводные слова /видать/,
5. как частицы /нет/,
6. как междометия /бах/;

III. Слова, которые употребляются как предикативы и как

1. существительные и междометия /стук/,
2. наречия и числительные /мало/,
3. наречия и союзы /равно/;

IV. Слова, которые употребляются как предикативы и как наречия, вводные слова и частицы /спасибо/.

4. В практике преподавания русского языка как иностранного большое значение имеет вопрос об употреблении безличных предложений с главным членом -- предикативным словом. В связи с морфологией мы коснулись и теоретических и грамматических вопросов. Здесь мы рассмотрим только типичные ошибки венгерских учащихся. Сначала рассмотрим безличные предложения, выражающие физическое и психическое состояние человека, затем безличные предложения, выражающие возможность, неизбежность, необходимость, желательность действия и другие модальные оттенки.

Для первого типа безличных предложений характерны такие ошибки, как неправильное употребление слов трудно, довольно, здорово. Эти слова могут выступать в разной синтаксической функции /в роли главного члена безличного предложения и в роли обстоятельства/, и они относятся к двум частям речи: к наречиям и предикативным словам³⁶. Кроме этого они омонимичны краткой форме среднего рода данного прилагательного. В предложении Я трудно говорю по-русски. нарушено правило, по которому предикативное слово трудно должно сочетаться с инфинитивом³⁷.

Ошибочные предложения Ему было довольно. И Вам здорово сейчас. по своему значению и грамматическим признакам относятся к предложениям типа Ребенок послушен.³⁸, в них нарушены правила употребления краткой формы прилагательного. Эта же ошибка допущена в предложении Если вам будет своблдно, мы поговорим., в котором вместо краткой формы прилагательного /Если вы будете свободны, мы поговоримь/ употребляется предикативное слово.

Ошибки другого типа наблюдаются в связи с употреблением предикативных слов, выражающих физическое состояние человека /плохо, нехорошо, дурно, холодно, жарко, душно, больно и другие/. Иногда одно и то же слово может выражать и физическое состояние человека, и душевное. Учащимся надо показать различия. Это можно сделать, например, на основе сопоставления таких предложений: Когда дотрагивались до руки, ему было больно и Мне больно за вас; Мне больно смотреть на ваши страдания.

Безличные предложения, выражающие возможность, неизбежность, необходимость, желательность действия и другие модальные оттенки, представляют собой очень разнообразную группу предложений как по форме выражения главного члена, так и по тем модальным оттенкам, которые они могут передавать. Это большой материал для работы по практической грамматике³⁹. Ошибки могут быть связаны как с неточным пониманием значения модального слова, входящего в состав главного члена, так и с неправильным употреблением вида инфинитива, сочетающегося с предикативным словом или с глаголом в спрягаемой форме. Употребление того или иного вида инфинитива может зависеть от наличия или отсутствия отрицательной частицы при спрягаемой части главного члена /Мне надо -- следует -- купить эту книгу; Мне не надо -- не следует -- покупать эту книгу/.

Типичным для венгерских учащихся является неправильное употребление слов возможно и невозможно в сочетании с инфинитивом. В предложениях "Возможно так сказать? Нам возможно заказать билеты в железнодорожной кассе?" в русском языке обычно употребляется слово можно или личное предложение с глаголом мочь. Зна-

зительно труднее объяснить ошибки, связанные со смешением или отождествлением слов должен и надо; может и можно; нельзя и не надо; невозможно; нельзя и не может. Сейчас мы остановимся только на смешении слов нельзя, невозможно, не надо, не нужно. В русском языке слову можно в отрицательном предложении соответствует слово нельзя. Венгры же склонны употреблять сочетание не можно. Эту ошибку легко исправить, тренируя их в отрицательных ответах на вопросы типа: В читальном зале можно громко разговаривать? В магазине можно купить эту книгу и т.д.

Кажется, труднее научить венгерских учащихся употреблять инфинитив после слова нельзя в совершенном или в несовершенном виде в зависимости от того, какое модальное значение они хотят выразить: Запрещение совершать действие /инфинитив в несовершенном виде/ или неосуществимость, невозможность его совершить в силу каких-то причин /инфинитив в совершенном виде/. Помимо упражнений на употребление инфинитива нужного вида, очень полезны упражнения, заключающие в себе ответ на заданный вопрос с объяснением причины невозможности действия или его запрещения /например: Почему в комнату нельзя войти? Почему в комнату нельзя входить?/ или задания закончить предложение, например: На улице очень большое движение, поэтому ...

Слово невозможно, являясь синонимом слова нельзя в одном из его значений, требует после себя инфинитива совершенного вида. Оно более свойственно книжной речи.

Слова не надо, не нужно могут употребляться параллельно со словом нельзя, если после них следует инфинитив несовершенного вида, в этом случае они имеют значение запрещения с оттенком совета не совершать действия или сожаления по поводу уже совершенного действия, ср.: Тебе не надо туда уходить и Тебе не надо бы /было/ ходить туда. Предложение же Тебе нельзя туда ходить чаще имеет значение запрещения: не разрешается, не положено. Это значение особенно ярко ощущается в предложениях, содержащих разного рода сентенции: Детям нельзя ходить на вечерние сеансы в кино; В читальном зале нельзя громко разговаривать.

5. В нашей работе мы исходили из того, что в русском языке существует особая группа слов категории состояния и пытались обратить внимание на некоторые теоретические и практические вопросы, связанные с этой частью речи. Есть такие теории, которые вполне отрицают идею существования этого класса слов⁴⁰. Нам кажется бесспорным, что выражение состояния в русском языке является одним из интереснейших вопросов грамматики, который заставляет лингвистов с новой и новой стороны приближаться к этой теме⁴¹. И именно эти споры и расхождения помогают нам все больше и больше понимать сущность данного вопроса.

Примечания

1. Об истории термина "категория состояния см.: А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Часть . М., 1973, с. 405; Современный литературный язык. Под редакцией Н. Шанского. Л., 1981, с. 382--388.
2. Н. Вергиева. Слова категории состояния в современном русском языке. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. Л., 1971. А.А. Одеков, Л.В. Птицына. Категория состояния -- межъязыковое явление. Изв. АНТССР. Серия общ. наук, АН Туркменск. ССР. 1973. В.Т. Бондаренко. Предикативные фразеологические единицы с грамматическим значением состояния в современном русском языке. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. Калинин, 1975. И.М. Богуславский. О понятии сферы действия предикативных слов. Изв. АН СССР, Серия лит., яз. 39. № 4, с. 359--368. А.А. Камалова. Лексика со значением состояния в современном русском языке. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. Днепропетровск, 1984.
3. К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. Курс современного русского языка. Под редакцией Ф. Паппа. Будапешт, 1968. Dr. Erdei Mihály. Orosz nyelvtan. Akaktan. Budapest, 1977. Papp Ferenc. Konyv az orosz nyelvról. Budapest, 1979. Pete István. Orosz magyar egybevető alaktan /Морфология современного русского языка/ в сопоставлении с венгерским языком. Budapest, 1981. Л. Деже. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт, 1984. А. Шальга. A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében. -- Венгерский язык в зеркале русского языка. Будапешт, 1984.

4. Ук. соч., с. 82. См.: А. Шальга.
5. Г. Секей. Учение о частях речи в русском языке и его восприятие в венгерской аудитории. Русский язык за рубежом. 1985/6, с. 68--70.
6. См., например: А.Е. Супрун. Части речи в русском языке. М., 1971. А.А. Алексеев. О названиях частей речи. Русская речь. № 3, с. 64--68. А.Т. Кривоносов. "Части речи" или "классы слов"? Сборник докладов и сообщений лингвистического общества Калининского университета, 5, с. 280--301. Е.Т. Калечиц. Переходные явления в области частей речи. Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1977.
7. В.М. Алпатов. О разных подходах к выделению частей речи. Вопросы языкознания 4, с. 37--46.
8. Русская грамматика. Том I. М., 1980, с. 457.
9. Ук. соч., с. 42. См.: В.М. Алпатов. О разных...
10. Ук. р. А.Н. Гвоздев. Современный ... Современный русский литературный язык. Под редакцией Н. Шанского. Л., 1981. Ук. р. К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. Курс ... Pete Istvan. Orosz-magyar ... А. Шальга. A magyar nyelv ...
11. Грамматика современного русского литературного языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970. Ук. р. Русская ..., Н.А. Янко-Триницкая. Русская морфология. М., 1982.
12. См.: Ук. кн. Papp Ferenc, Konyv ... с. 241. Sajatos használatu határozószók... 1. Szeles ertelemben vett állapotot fejezбек ki... 2. A modosító szók...
13. Ук. кн. Русская ... с. 382.
14. См.: Ук.р.: Pete Istvan. Orosz-magyar ... с. 203, но аналогичным образом сформулирована эта мысль и в Русской грамматике, с. 705.
15. В связи с этим см. ук. р. А.Н. Гвоздев. Современный... с. 405. Pete Istvan. Orosz-magyar ... с. 203.
16. См.: ук. кн. Современный ... с. 386--387.
17. Ук. соч., с. 3. Н. Вергиева. Слова ...
18. А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
19. Ук. соч., с. 11. Н. Вергиева. Слова ...
20. Ук. кн. с. 408--409. А.Н. Гвоздев. Современный ...
21. Напр.: Ук. кн. Современный ...
22. Г.И. Рожкова. Русский язык в нерусской аудитории. Спецкурс по основам функциональной морфологии. М., 1986.
23. Ук. кн., с. 412. К. Болла, Ф. Папп, Э. Палл. Курс ...

24. Ук. кн., с. 241--242. Papp Ferenc. Konyv ...
25. Ук. кн., с. 203--204. Pete Istvan. Orosz-magyar ...
26. См.: ук. соч., с. 4. Н. Вергиева. Слова ...
27. См. ук. кн., с. 156 и с. 58--59. Л. Деже. Типологическая ...
А. Шальга. A magyar ...
28. Ук. соч., с. 9. Н. Вергиева. Слова ...
29. Ук. соч., с. 4. Н. Вергиева. Слова ...
30. Там же, с. 6.
31. Ferenczy Gyula. Gyakorlati orosz nyelvtan. Debrecen, 1983.
Г.И. Рожкова. Русский ... /Ук. кн./
32. Ук. соч., с. 6. Н. Вергиева. Слова ...
33. Ук. кн., с. 384. Современный ...
34. Ук. кн. А.А. Зализняк. Грамматический ...
35. Benczedy Jozsef, Fabian Pal, Racz Endre, Velcsov Martonne.
A mai magyar nyelv. Szerkesztette: Racz Endre. Budapest,
1976, p. 16.
36. См.: ук. кн. А.А. Зализняк. Грамматический ...
37. См.: ук. кн., с. 204 и 78. Pete Istvan. Orosz-magyar ...
Г.И. Рожкова. Русский ...
38. Русская грамматика. Том II. М., 1980, с. 293--296.
39. См., например, уже цитированные работы: Ferenczy Gyula.
Gyakorlati ... с. 209--225. Г.И. Рожкова. Русский ... с.
78--80.
40. См. об этом: Л. Бэбби. К построению формальной теории час-
тей речи". В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск
XV. Составление и общая редакция Т.В. Булычаной и А.Е. Киб-
рика. М., 1985, с. 171--203.
41. На этот факт указывает, например, что практическая грамма-
тика, до этого времени еще не цитируемая нами, Метс трак-
тует данную тему совсем иначе, чем Рожкова. См.: Практичес-
кая грамматика русского языка для зарубежных преподавате-
лей-русистов. Под редакцией Н.А. Метс. М., 1985, с. 86--97.

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИ СВЯЗАННОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА

Б. Татар

За последние тридцать лет было написано довольно большое количество работ, посвященных освещению вопросов, связанных с проблемами общей и частной фразеологии, в том числе и фразеологии русского языка. Появились и работы, анализирующие сущность фразеологической единицы, ее компонентный состав, семантику составляющих слов-компонентов, однако мало внимания было уделено тем фразеологическим единицам, в состав которых входят слова-компоненты, не обладающие лексическим значением в современном русском языке. В данной работе сделаем попытку восполнить этот пробел.

Общеизвестно, что основы теории русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины были заложены В.В. Виноградовым. Он ввел термин фразеологическая единица в русское языкознание, сделал попытку описать структуру фразеологических групп в современном русском языке, четко разграничить их основные типы и определить их семантические основы, их отношение к слову¹.

В.В. Виноградовым создано оригинальное учение о различных типах лексических значений слов в русском языке; он и тем самым выдвинул новый принцип фразеологического исследования. Он указал на то, что в русском языке действуют внутренние законы, ограничивающие связи слов в определенных значениях с другими словами, в результате чего образуются фразеологические единицы. Им различены три значения слова: номинативное, синтаксически обусловленное и фразеологически связанное значение. По его мнению, процесс образования фразеологически связанных значений обусловлены утратой или ослаблением основных значений слов².

Под номинативным значением следует понимать именное, на-

званное, свободное значение слова, то есть, отображение предмета, лица, действия, явления, процесса, отношения, качества, признака действительности окружающего мира в сознании, которое непременно становится фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется, то есть, лексическое значение. Напр., толкование лексического значения слова вопрос заключается в следующем: "Словесное обращение, требующее ответа"³. Это его прямое номинативное значение, которое, как правило, выражается словом вопрос в сочетании с предлогом о и формой предложного падежа имени существительного или же в абсолютивном употреблении. Напр.: Вопрос об отпуске. Вопрос о рецензии⁴. Задать, повторить, понять, уточнить вопрос⁵.

В понятие синтаксически обусловленное значение входит закрепление за словами определенной функции в предложении. Это значит, что слово вопрос /или же любое другое слово, обладающее аналогичной способностью/, попадая в синтаксическую среду, приобретает новое значение, обусловленное этой же средой. Напр.: Это совсем другой вопрос /то есть, это совсем другое дело/. Мы еще вернемся к этому вопросу /то есть, к этой проблеме/⁶.

Этот тип значений еще более ярко проявляется у некоторых других слов, как, напр., ворон, ворона, недотрога, орел, перекати-поле и др., приобретая во многих случаях переносное, метафорическое значение. "Синтаксически ограниченное значение слова с семантической точки зрения часто представляет собой результат образно-типического обобщения какого-нибудь общественного явления, характера, каких-нибудь свойств личности и является народным выражением их оценки, их характеристики. Поэтому оно применяется как предикат, как обращение, как приложение, или обособленное определение, или даже сначала как возникающее в речи переносное, нередко метафорическое, обозначение, в тех случаях, когда необходимо отнесение лица, предмета,

явления, к какому-нибудь разряду в системе коллективно осознанных способов их характеристики. Своеобразные семантические особенности этого типа значений слова особенно ярко выступают в случаях переходных, развивающихся, но еще не ставших стандартными. В этом отношении показательно складывающееся предикативно-характеризующее значение у слова перекати-поле⁷.

Фразеологически связанное значение приобретается словом только в составе данной фразеологической единицы. Напр.: большой вопрос /= трудная проблема/, вопрос жизни или смерти /= важное дело/, ставить/ вопрос ребром /= решительно /заявлять/, под /большим/ вопросом /= сомнительный/, что за вопрос?! /= несомненно; обязательно/. Это значение может возникнуть в тех случаях, когда в процессе употребления слово приобретает переносное, образное значение, которое закрепляется за ним, связано только с ним, действительно только с ним в сочетании с другими словами, приобретающими аналогичное фразеологически связанное значений, и которые уже вместе будут выражать одно или несколько значений как фразеологическая единица. И здесь будет небезынтересно привести несколько примеров, иллюстрирующих это значение. Напр.: По молчаливому уговору они избегали касаться больших вопросов разногласий в неофициальной обстановке /Фадеев: Последний из удэге/. Я решился, непременно, во что бы то ни стало, снова найти этого человека... Отыскать его -- это сделалось для меня вопросом жизни или смерти /Тургенев: Сон/. -- А сколько ты возьмешь -- ставит господин X вопрос ребром. -- Десять целковых! /М. Горький: О жене, проданной за 40 рублей/. -- Это еще не решено, это еще под вопросом, -- сказал Иван Петрович. -- Государь мой! куда вы бежите? -- В канцелярию, что за вопрос? /Некрасов: Крещенские морозы/⁸.

Необходимо отметить, что у слова в номинативном значении может быть несколько свободных /производных/ значений, служащих источником для возникновения новых, переносных значений. "Связь значений в смысловой структуре слова, способы

сочетания слов и значений в речи определяются внутренними закономерностями развития языковой системы. Здесь кроются основания и условия исторически сложившихся ограничений в правилах связывания значений слов и в семантических сферах их употребления. Вот почему далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают. И в этой сфере язык представляет собой продукт разных эпох. Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты и используются для обмена мыслями в соответствии с исторически установившимися фразеологическими условиями их употребления. Многие слова в современной языковой системе вообще не имеют прямых номинативных значений. Они существуют лишь в составе немногочисленных фразеологических сочетаний. Их значение выделяется из этих сочетаний чаще всего путем подстановок синонимов⁹.

В нижеследующем изложении дается фразеологическое описание таких фразеологических единиц, в компонентном составе которых имеется слово, не обладающее лексическим значением в современном русском языке, и которое употребляется только в перечисленных фразеологических единицах. Параллельно же приводится толкование первоначального архаичного номинативного значения этих слов-компонентов с целью указать на некоторые особенности их фразеологически связанного значения. /Само собой разумеется, никак не можем ставить целью дать полную историческую или этимологическую характеристику. Однако, в случае необходимости, даются соответствующие ссылки./

андроны едут, устар., 1/ бессмыслица, вздор, ерунда, чепуха; 2/ будет ли, осуществится ли, удастся ли; андрон, -ы, устар., стар., шест, жердь; совок, плита, черпак; антик с гвоздикой, устар., восторг, восхищение, прелесть; антик, лат., устар., стар., древность, старина; без обиняков, разг., прямо, открыто, откровенно, без намеков /говорить, сказать, спраши-

вать, созна/ва/ться/; обиняк, стар., намек, иносказание, обо-
юдность речи, двусмысленность, загадочное объяснение; без
околичностей, разг., откровенно, открыто, прямо /говорить,
спрашивать/; околичность, устар., косвенный намек; бить баклу-
ши, бездельничать; баклуши, стар., чурка для выделки деревян-
ных изделий /чурка = короткий обрубок /кусок/ дерева, метал-
ла/; бить челом, кому, устар., 1/ кланяться кому-л.; 2/ по-
чтить, благодарить кого-л. за что-л.; 3/ просить о чем-л.;
4/ жаловаться на кого-л.; чело, высок., стар., лоб; бразды
правления, высок., устар., власть, начальство; бразды, стар.,
удила конские; в эмпириях витать /жить, быть, находиться/,
книжн., ирон., мечтать, жить в отрыве от действительности; эм-
пирей, миф., самая высокая часть неба, где обитают боги; голь
перекатная, устар., нищие, оборванцы, бездомная беднота; пере-
катный, устар., кочующий, летучий, постоянно меняющий свое
место; давать /задавать/ стрекача; дать /здать/ стрекача,
прост., убежать, удирать, пускаться наутек; стрекач, устар.,
бег, побег; задавать /здать/ храповицкого, прост., спать;
храповицкий, устар., морда, рыло; храп; земная юдоль, устар.,
церк.-слав., жизнь; юдоль, стар., церк.-слав., букв.: долина;
земля; камень преткновения, книжн., помеха, затруднение; прет-
кновение, библией., стар., камень о Сионе, о который "претыка-
лись" /= спотыкались/ неверующие и грешные; козел отпущения,
библией., церк.-слав., /невинный/ виновник в чем-л.; отпущение,
устар., стар., церк.-слав., отпуск; благословение; молитва;
кондрашка хватил /стукнул, ударил/, кого, прост., скончался,
умер, разбит параличом; кондрашка, устар., паралич, кровавый
или нервный удар; на пропой /души/, прост., для выпивки, на
выпивку; пропой, устар., парень-пьяница; на свой салтык, прост.,
по-своему, на свой лад; салтык, тюрк., обычай; лад; образец;
на цыпочках, тихо, незаметно /подниматься, становиться, ходить/;
цыпочки, устар., пальцы ног, кончики пальцев ног; на юру /на
самом юру/, разг. 1/ на открытом возвышенном месте, на холме;

2/ на виду у всех, где все проходят, в толпе, в толкотне; юр, устар., возвышенность, холм; толкотня, бой; ни бельмеса, прост., ничего /не знать, не понимать, не смыслить/; бельмес, устар., стар., балбес, болван, дурень; ни зги не видно, темно; зга, 1/ устар., темнота; стега, стезя /= тропа, тропинка, дорожка/; 2/ стар., кольцо у дуги, через которое продевают повод обратни; одержать верх, сов., высок., победить; одержать, что, устар., владеть чем-л.; обладать чем-л.; занимать что-л.; держать во власти своей; питаться акридами, книжн., недоедать, не есть, голодать; акриды, греч., род съедобной саранчи; под хмельком, разг., навеселе, подвыпивший; хмелек, стар., растение; охмеляющий напиток; опьяняющий напиток; поднять тарарам /тамтарарам/, разг., шуметь, скандалить; тамтарарам, устар., разг.-фам., гам, скандал, шум; подпускать андрона, устар., врать, лгать; хвастаться; андрон, см. андроны едут; провалиться в тартарары, разг.-фам., в пропасть, к черту; тартарары, устар., ад, преисподняя; разводить антимо-нии, разг., шутил., болтать, пустословить; антимония, лат., спец., металл антимоний, сурьма; разводить бодягу, балагурить, шутить; бодяга, устар., стар., игрушка; разводить вавилоны, темнить; вавилон, устар., стар., запутанный, криволинейный узор; плохое письмо с криволинейными строками; разводить муру прост., пустословить; мура, устар., стар., тюря /= куманье из крошеного хлеба в квасе или воде/, крошенный хлеб в квасу, крошки хлеба для кваса; разводить тары-бары /растабары/, с кем, разг., болтать; тары-бары, устар., стар., беседа, разговор; /растабара, устар., стар., болтун, говорун/; с кондачка, 1/ прост., легкомысленно, несерьезно, необдуманно /делать что-л./; 2/ устар., бесцеремонно /вести себя, обращаться с кем-л./; кондачок, греч., устар., стар., греческий танец; пляска; прием выступки в русской пляске; прыжок в воду через голову; сбивать/ся/ /сбить/ся// с панталыку, кого, 1/ приводить в замешательство, смущать; 2/ толкать на что-л. плохое;

панталык, устар., стар., толк, смысл; порядок; сбивать/ся/
/сбить/ся// с пахвей, кого, устар., приводить в замешатель-
ство, смущать, запутывать; пахва, -и; -ы, устар., стар., под-
хвостник, ремень от седла на лошади, в который продевается
хвост лошади с целью удержать седло в движении вперед; точить
балясы, прост., пустословить; балясы /балясины/, устар.,
стар., ласы, белентрясы, балы, шутки, веселые рассказы; то-
чить ласы, прост., пустословить; ляса /лясы/, устар., стар.,
балясы, шутки, потешные рассказы, остроты; трын трава, кому,
для кого, разг., все равно, /все/ нипочем, не имеет значения;
никак не трогает, не волнует; трын, 1/ др.-русск., устар.,
сильно есть, превращать в труху; м.б. от слова труха-трава;
2/ греч., истреблять; крин-трава, т.е. лилия, цветок лилии;
трава, ст.-сл., др.-русск., пища, корм; ходить ходуном, разг.,
дрожать, трястись, сотрясаться; ходун, 1/ стар., зыбкая, шат-
кая, ходячая поверхность; болото зыбун; 2/ брус под горновым
мехом, которым он приводится в движение; 3/ мн.ч., большие,
высокие, болотные или охотничьи чеботы, сапоги, бахилы; 4/
верхняя половина ворсостригательных ножниц; юдоль печали,
церк.-сл., тяжелая жизнь; юдоль, см. земная юдоль; юдоль пла-
ча, церк.-сл., горе, печаль; печальная жизнь; юдоль, см. зем-
ная юдоль¹⁰.

Уже при беглом взгляде можно установить, что вышепере-
численные фразеологические единицы состоят из двух или более
слов-компонентов, один из которых не имеет прямого номинатив-
ного значения в современном русском литературном языке, сле-
довательно, не может принадлежать к активной лексике, но ко-
торое, однако, в своей основной функции обладает архаичным
значением, явно отличающим его от того фразеологически свя-
занного значения, благодаря которому это слово могло вступить
в фразеологическую связь с другими словами и употребляется в

современном русском литературном языке только в рамках данной фразеологической единицы. Само собой разумеется, что эти слова в старославянском или древнерусском языке употреблялись в свободных словосочетаниях и входили в активный запас лексики. /Ведь нет сомнения -- и это факт неоспоримый, -- что генетически все фразеологические единицы восходят к свободным словосочетаниям./ Ярким примером этого могут служить памятники древнерусской письменности, как, напр., "Грамота Владимира Мономаха к Олегу Святославовичу" /XI в./, "Новгородская летопись" /XIV в./ и мн. др.¹¹

Трудно сказать, когда и в каких условиях, где и как произошел процесс метафоризации и было приобретено фразеологически связанное значение этими словами¹². Вопрос этот усугубляется еще и тем фактом, что накладывание фразеологически связанного значения у этих архаичных элементов могло происходить также и двояким образом как, напр., у фразеологических единиц кричать во всю ивановскую, ни зги не видно и нек. др.¹³

То обстоятельство, что в компонентном составе этих фразеологических единиц имеется архаичный элемент, в некоторой степени уже предопределяет их принадлежность к семантической группе, называемой В.В. Виноградовым фразеологические сращения, в которую входят фразеологические единицы с немотивированным значением. /Разумеется, наличие архаичного элемента в компонентном составе фразеологических единиц отнюдь не является основным признаком или критерием причисления их к фразеологическому составу языка./ Таким образом, из-за отсутствия мотивированности определить возникновение фразеологического значения или же появление фразеологической абстракции является крайне затруднительным. Это требует дальнейших тщательных этимологических исследований¹⁴.

Однако для того, чтобы мы могли себе представить сложность проблемы, думается, достаточно привести в качестве примера несколько таких фразеологических единиц, как андроны едут, бить баклуши, бить челом, ни бельмеса и т.п., содержа-

щие компоненты андроны, баклуши, чело, бельмес с архаичными значениями и сопоставить их с фразеологическими единицами антик с гвоздикой, без обиняков, без околичностей, бразды правления, питаться акридами и т.п., также содержащими архаичные элементы антик, обиняк, околичность, бразды, акриды. Эти фразеологические единицы, так же как и подобные им, употребляются в современном русском языке, однако не все они были в употреблении в прошлом. Так, напр., первые четыре /да и другие/ фразеологические единицы часто встречаются в русском языке XVIII в. /См. произведения Батурина "Эговор"; Николаева "Самолюбивый стихотворец", "Феникс", "Так ли?"; Коткова, Панкратовой, "Источники по истории..."; Дмитриева, "Модная жена"; Сумарокова "Опекун; Фонвизина "Недоросль"; Хераскова "Вдова в суде" и др./, следовательно, есть предположение думать, что они были в употреблении и в более ранний период. В отношении же последующих пяти /да и других/ фразеологических единиц можно предполагать, что они возникли в XIX в. /а, может быть, в начале XX в./, так как они в более ранних произведениях не встречаются /?/.

При более внимательном рассмотрении всех проанализированных фразеологических единиц заслуживает внимания их стилистическая характеристика /которая первоначально не ставилась целью этой статьи/: тут невольно обращает на себя внимание тот факт, что описанные выше фразеологические единицы с архаичными компонентами принадлежат к различной сфере употребления, обладают различной стилистической окраской и имеют различную стилистическую функцию; здесь наиболее интересным оказывается сфера употребления, так как распределение фразеологических единиц по сфере употребления является неодинаковым: из общего числа рассмотренных единиц 11 являются просторечными, 16 -- разговорными, 10 -- устаревшими, 4 -- книжными.

В заключение следует отметить, что перечисленные выше фразеологические единицы /их здесь всего 41/ представляют собой лишь небольшую часть /приблизительно одну треть или же одну четвертую или пятую часть/ тех единиц, которые имеют в своем составе компоненты с архаичными значениями, но подробный фразеологический, семантический или же стилистический анализ вряд ли может быть осуществлен в рамках одной небольшой статьи¹⁵. А вопрос о том, причислять ли к этим фразеологическим единицам также и единицы, имеющие в своем компонентном составе библейские, мифологические и другие названия, пока оставлен открытым¹⁶.

Примечания

1. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. -- В кн.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук. Л., 1946. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. В сб.: А.А. Шахматов. АН СССР, М.-Л., 1947.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. ВЯ, 5, 1953. Ср.: Pete I. Orosz-magyar egybevető szótan. Бр., 1982.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1968, с. 93.
4. Прокопович Н.Н. и др. Именное и глагольное управление в современном русском языке. Изд. 2, испр. М., 1981, с. 68.
5. Денисов П.Н. и др. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. /Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина./ М., 1978, с. 73.
6. Виноградов В.В. Фразеология. Семасиология. -- В кн.: Лексикология и лексикография. Избранные труды. /Отв. ред. В.Г. Костомаров./ М., 1977, с. 188.
7. Там же, с. 185.
8. Молотков А.И. /ред./ Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.

9. Виноградов В.В. 1977, указ. труды, с. 175--176.
10. См. и ср.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1--4, изд. 2-е, СПб.-М., 1880--1882; Молотков. 1967; Ожегов, 1968; Словарь современного русского литературного языка в семнадцати томах. Изд. АН СССР, М.-Л., 1950--1965; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Тт. I--III, СПб., 1893--1912; Ушаков Д.и. /Под ред./, Толковый словарь русского языка. Тт. I--IV, М., 1935--1940; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. В. I--IV. Heidelberg, 1953--1958. Ср. также: Татар Б. К вопросу о происхождении фразеологической единицы "ни зги не видно". In: "Russica" /In memoriam E. Balczyku./, ELTE, Br., 1983; Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1965--1985.
11. См. об этом более подробно: Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами. М., 1976. См. также: Палевская М.Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. /Отв. ред. Л.И. Донских./ Кишинев, 1980.
12. Разумеется, все эти вопросы могут быть в конце концов выяснены в результате тщательной -- и длительной -- научно-исследовательской работы и при помощи объективного, географического, историко-сравнительного и описательного методов можно дать диахроническое описание фразеологических единиц и их слов-компонентов с архаичными значениями. Однако публикация такого исследования по своему объему никак не может вмещаться в рамки этой статьи.
13. Ср.: Молотков, 1967, с. 177; Палевская, 1980, с. 129, 168; Попов, 1976, с. 50, 56, 64--66; Татар, 1983, с. 95.
14. См.: Виноградов, 1946; 1947; Попов, 1976; Татар Б. Семантический и грамматический анализ фразеологических единиц. АКД, Будапешт, 1975. Ср.: Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980.
15. В процессе работы над данной статьей были найдены и обработаны еще такие фразеологические единицы: без зазрения, блангим матом /Кстати, компонент мат ничего общего не имеет с ругательством./, бог весть, вверх тормашками, во весь опор, во всю ивановскую, во плоти, воспрянуть духом, воспрянуть ото сна, входить в плоть и кровь, глазом не моргнуть, денно и ночью, держать ухо востро, до тла, дубина стоеurosовая, задавать лататы, задавать феферу, задавать чесу, злачное место, змея подколотная, и вся недолга, из-под спуда, испокон века, как в воду канул, как кур во щи, кануть в вечность, кануть в лету, карачун пришел, купчая крепость, ку-

рить финнам, мороз по коже подирает, на карачки, наливать зенки, на фуфу, не класть охулки на руку, не смигнув, облекать в плоть и кровь, облекать плоть и кровью, облекаться в плоть и кровь, одним миром мазаны, паче глаза, паче чаяния, плоть и кровь, плоть от плоти, подкидные дураки, под спудом, продирать зенки, сбоку припека, с лихвой, с перепоя, спокон веков, спятить с ума, с развальцем, статочное ли дело, у черта на куличках.

16. Имеются в виду такие фразеологические единицы, как, напр., авгиевы конюшни, аредовы вежи, ахиллесова пята, дамоклов меч, сизифов труд, танталовы муки и мн. др.

ЗАМЕТКИ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ВИДОВ В ИМПЕРАТИВЕ

Л. Тоот

Вопросы функционирования вида в императиве затрагиваются в работах многих лингвистов, среди которых самыми авторитетными, по нашему мнению, являются И.П. Мучник, Д.Н. Шмелев, М.А. Шелякин, О.П. Рассудова, В.С. Храковский и А.П. Володин, И. Пете, Й. Крекич¹.

И. Большинство авторов при анализе вопроса придерживается "семантического подхода" описания "видового механизма" в императивных конструкциях, выделяя разные семантические значения, закрепленные за тем или другим видом глагола.

О.П. Рассудова, например, различает следующие значения в семантическом поле императива: побуждение, приступ к действию, просьбу, совет, пожелание, приглашение, разрешение, согласие, предостережение, опасение².

В.С. Храковский и А.П. Володин в книге "Семантика и типология императива" выделяют значения приказа, просьбы, инструкции, предложения, разрешения и совета в области утвердительных форм³.

И. Пете в своих работах функционирование видов глагола в императиве связывает с т.н. "отношением зависимости" между участниками императивного акта: говорящим /побуждающим/ и адресатом /побуждаемым/⁴.

Теория, выдвинутая Й. Крекичем, основана на иллокутивном воздействии императива, в центре которой стоит вопрос о том, "... как, каким образом, в какой степени воздействует говорящий на адресата, насколько, в какой мере зависит адресат от волеизъявляющего /от воли, от воздействия говорящего/, и как ведут себя в связи с этим императивы НСВ и СВ, чем они отличаются друг от друга не только в семантическом, но и в прагматическом плане"⁵. В работе Й. Крекича два подхода к данно-

му вопросу: прагматический /при анализе "качеств актов" и иллокутивного воздействия императива/ и семантический /при рассмотрении позиционных аспектуальных значений, зависящих от контекста и ситуации/.

Критика любой концепции не является целью настоящей статьи. Представители разных взглядов в сущности являются сторонниками различных подходов к данному языковому явлению: одно и то же языковое явление ими объясняется с разных точек зрения, что, естественно, еще не ставит под сомнение уместность той или другой концепции.

На таком же основании нами делается попытка обосновать еще один подход к проблеме, который, в основном, близок концепции И. Пете, но в некотором отношении и отличается от нее.

Й. Крекич не согласен с И. Пете в том, что оба участника /говорящий и адресат/ могут зависеть друг от друга в ходе речевого акта⁶. В статье, написанной на венгерском языке, автор задает вопрос: "Ha viszont a felsorolt nyelvészek véleményével összhangban azt állítjuk, hogy a felszólító igealakok a beszélő akaratlagos cselekvését /волеизъявление/, a beszélő szándékát fejezik ki, akkor az illokúciós beszédaktus során hogyan állhat elő az a fordított helyzet, amikor a beszélő függ a címzett akaratától"⁷.

В настоящей статье попытаемся дать ответ и на этот вопрос.

Поскольку наша концепция фактически основывается на концепции И. Пете, представляется целесообразным остановиться на ее сущности.

1.1. "Если нет отношения зависимости между побуждающим и побуждаемым, то в утвердительных и отрицательных побудительных предложениях выражается **п р и з ы в**, **с о в е т**, **п р и г л а ш е н и е**, **п о о щ р е н и е** и императив, употребляется в несовершенном виде. В таких случаях говорящий только высказывает свое мнение, а адресат может поступать по своему усмотрению"⁸.

1.2. "Если побуждающий /говорящий/ зависит от воли побуждаемого /адресата/, т.е. побуждающий просит, предостерегает, умоляет, угрожает, то в утвердительных и отрицательных предложениях употребляются глаголы совершенного вида"⁹.

1.3. "Если побуждаемый зависит от воли побуждающего, тогда в утвердительных предложениях выражаются приказание, требование, распоряжение, в отрицательных -- глаголы НСВ"¹⁰.

2. По нашему представлению описание "видового механизма" русского императива можно осуществить и в более упрощенном виде. Считаем необходимым при этом выделить по крайней мере два "уровня". Первый "уровень", это "уровень" "маркированных" /"вещественных"/ констатирующих факторов, влияющих на выбор вида в императиве. Сюда относятся все те факторы, которые предполагают "категоричность" выбора вида глагола в императивных ситуациях.

Ко второму "уровню" относится характер "отношения зависимости" между участниками речевого акта. Хотя нередко эти два "уровня" не исключают друг друга, нет необходимости учитывать оба их одновременно при анализе, а также при использовании вида в императиве. Иначе говоря: если факторы первого "уровня" достаточны для дифференциации видовых форм, то есть могут сами по себе "предсказывать" форму вида /СВ или НСВ/ в данной конструкции, то нет надобности опираться еще и на второй "уровень", -- на отношение зависимости.

Факторами первого "уровня" по нашей концепции являются:

2.1. Побуждение к повторяющемуся действию /не в "суммарном значении", поскольку "суммарное значение" в императиве -- хотя и в принципе оно возможно -- проявляется крайне редко/. Напр.: Каждый день вставайте вовремя!

2.2. Побуждение относится к "качеству" действия /к способу его совершения/, и, таким образом, внимание говорящего сосредоточено на процессе. Напр.: Списывайте внимательнее!

2.3. Побуждение к началу действия /"начинательное значение" или же "оттенок приступа к действию"/. Напр.: Приготовились? Отвечайте!

2.4. Побуждение к продолжению действия. Напр.: Почему вы остановились? Продолжайте!

2.5. О т р и ц а н и е.

2.5.1. В "прохибитивном" значении /термин В.С. Храковского и А.П. Володина/, т.е. в значении "запрещения" употребляется несовершенный вид. Напр.: Не открывай окно! Не вешай пальто сюда!

2.5.2. В "превентивном" значении /термин В.С. Храковского и А.П. Володина/, т.е. в значении предостережения или предупреждения используется глагол совершенного вида. Напр.: Не простудись: сегодня морозно. Смотри, не открой окно: очень холодно /И.Ф. Надежина и др./.

В.С. Храковский и А.П. Володин указывают, что в "превентивной" конструкции "наиболее естественно употребляются глаголы, обозначающие вред или ущерб, т.е. действия, обычно не подконтрольные воле исполнителя /не упади, не порежься, не простудись, не поскользнься, не утони, на солнце не стори, палец не обожги и т.п./"¹¹.

К сказанному выше нам хочется добавить, что в русском языке СВ в императиве тоже может сочетаться помимо "неподконтрольности" и с оттенком "потенциальной возможности" действия при отрицании, сопровождающейся обычно элементом "случайности" даже в том случае, если действие в превентиве мыслится как "подконтрольное". Напр.: Не напиши какой-нибудь глупости! Не объясни им по ошибке еще одно правило! Смотри, не Расскажи об этом отцу /См.: Абрамович-Банно-Фролки-на-шахова. 1. Мост дружбы/. -- Говорящий предупреждает, пред-

остерегает собеседника не совершить /случайно/ действие, которое он считает "потенциально возможным" со стороны адресата.

В превентивных конструкциях, содержащих неопределенные местоимения с частицей -нибудь, -- хотя они выражают то же самое значение /значение предостережения/ -- при выборе вида достаточно учитывать лишь этот "формальный" фактор. При неопределенных местоимениях с частицей -нибудь императив при отрицании употребляется в форме СВ. Ср.: Не дай кому-нибудь эту книгу! Не уйди куда-нибудь! и т.п.

В "прохибитиве" такими формальными критериями использования НСВ являются отрицательные местоимения и наречие "больше", при наличии которых уместен только НСВ императива. Напр.: Ничего не оставляйте здесь! Не ошибайся больше!

По мнению И. Пете, слово больше, выражая предостережение, указывает на "в о з м о ж н о е п о в т о р е н и е"¹²: Ну, смотри, не спотыкайся больше! и т.п.

В конечном итоге, основную разницу между "прохибитивом" и "превентивом" мы видим в наличии у "превентива" пресуппозиции: 'говорящий потенциально считает возможным совершения /нежелательного со своей точки зрения/ действия со стороны адресата'. Для "прохибитива" такая пресуппозиция не характерна.

В качестве примечания, к вышесказанному добавим, что в "превентивных" конструкциях в первую очередь и в подавляющем большинстве случаев употребляются глаголы, обозначающие действие с "негативным результатом" /закрывающимся уже в лексическом значении глаголов/, такие, которые в утвердительных побудительных конструкциях, как правило, не используются. Не говорим вообще: Упади! Простудись! Урони тарелку! и т.п., хотя они с грамматической точки зрения являются правильными.

3. Сущность нашей концепции сводится к тому, что -- если исключить факторы, охарактеризованные нами как элементы

первого "уровня" -- вид в императиве /фактически речь идет только об утвердительных побудительных конструкциях/ зависит только от наличия или же отсутствия отношения зависимости между говорящим и адресатом. В случае наличия /точнее установления говорящим/ отношения зависимости, по нашему убеждению, во всех возможных конституациях используется совершенный вид, при отсутствии же /при "снятии" говорящим/ данного отношения -- употребляется несовершенный вид императива. /Из сказанного следует, что, если говорящий выбирает глагол СВ, этим он и устанавливает каким-то образом отношение зависимости, и, наоборот, если использует НСВ, -- автоматически снимает его. С точки зрения выбора вида "направленность" отношения /говорящий зависит от адресата или адресат от говорящего/ не играет роли.

Систему "обоюдного направления" отношения зависимости можем представить следующим образом.

3.1. В случае зависимости говорящего от адресата выражается просьба, совет, умоление, то есть имеется в виду действие "такого рода", которое адресат не обязательно должен выполнять. Говорящий, как "волеизъявляющее лицо" считает важным или целесообразным выполнение действия со стороны адресата, поэтому "просит" его совершить. То, что адресат выполнит или нет просьбу говорящего, полностью зависит от его воли /т.е. говорящий зависит от адресата/. Напр.: Пожалуйста, переседайте на другое место! /В принципе адресат может и отказаться, но выполнение данного действия для говорящего не безразлично./

3.2. Если адресат зависит от говорящего, конституация содержит приказ. Приказ -- это такое побуждение, которое адресат /независимо от

того, хочет или нет/ должен выполнить.

/ Можем отметить, что с точки зрения семантики "каузации" между "просьбой" /советом, умолением/ и "приказом" существенной разницы нет. В них говорящий /побуждающий/ выражает свое "положительное" /"маркированное"/ отношение к выполнению действия со стороны адресата. "Просьба" и "приказ" по "силе" могут противопоставляться друг другу. Поскольку оба эти действия закреплены -- на наш взгляд -- за формой СВ императива /с учетом упомянутых выше ограничений!/, в их дифференциации важнейшую роль играет ситуация /"внеязыковое содержание"/, а также интонация говорящего. /

По данной аналогии, например, формы "Сядь!" /"Сядьте!" одинаково могут обозначать как "просьбу", так и "приказ".

Ср.: Пожалуйста, сядь ко мне! /"просьба"/

Подсудимый, сядьте! Вы получите слово после. /"приказ"/

По всей вероятности, существует еще один семантический фактор, играющий роль при выборе вида в императиве: признак "з а и н т е р е с о в а н н о с т и" лица в выполнении действия, который, как правило, как бы связывается с "отношением зависимости". В случае "просьбы", "приказа" заинтересованным лицом является обычно говорящий, при выражении же "совета" -- адресат. Следует в то же время оговориться, что "совет" очень часто трудно на таком основании отличить от "просьбы", так как говорящий "интересы" адресата может как бы отождествлять со своими "интересами", то есть делать самого себя "заинтересованным" /вместе с адресатом/, выражая этим самым свою вежливость, заботливость по отношению к адресату. Напр.:

Дай мне ручку на минуту! /заинтересованное лицо: говорящий/

Сходи к врачу, прошу тебя! /заинтересованное лицо: адресат/

3.3. В конситуациях третьего типа "о т н о ш е н и е з а в и с и м о с т и" между побуждающим и адресатом равно

нулю, то есть отсутствует: адресат может поступать по своему усмотрению, желанию. Отношение говорящего к выполнению действия со стороны адресата -- нейтральное /"немаркированное"/. Ср.: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Разделяй и властвуй! Приезжайте к нам в Венгрию! Читайте журнал "Советская Женщина"! и т.п.

В конкретной ситуации типа: -- Простите, можно открыть окно?
-- Открывайте! /т.е. 'открывайте, если хотите'/

В этом смысле мы не полностью разделяем взгляды И.П. Мучника, который считает говорящего "волеизъявляющим участником" речевого акта, а слушающего -- адресатом волеизъявления говорящего¹³. Ведь если мы кому-либо лишь "предоставляем возможность" действовать таким образом, что решение о том, совершать или не совершать действие полностью "переносится" на адресата, трудно говорить о "воле" говорящего, что и подчеркивается именно отсутствием "отношения зависимости" между членами императивного акта. Императив как форма, только в таких ситуациях передает "волю" говорящего /побуждающего/, в которых имеются упомянутые нами выше факторы /первого уровня/, или, если говорящим установлено "отношение зависимости".

3.4. Анализ некоторых "типичных" ситуаций.

В начале и в конце урока русского языка дежурный к классу обращается формой СВ: Встаньте. После доклада, однако, он употребляет форму НСВ императива: Садитесь!

Если кто-нибудь приходит к нам в гости, после того как он вошел в комнату, мы предлагаем ему сесть формой НСВ: Садитесь!

Во время судебного процесса, обращаясь к подсудимому, судья использует глагол СВ: Подсудимый, сядьте!

Если юноша просит девушку, чтобы она села рядом с ним, также уместна форма СВ: Сядь со мною рядом... /песня/
Стихотворение Ш. Петефи "Национальная песня" в переводе

на русский язык начинается словами: Встань, мадьяр, // зовет отчизна... /перевод Мартынова/. Начальные строки знаменитой песни Великой Отечественной войны следующие: Вставай, страна огромная, // Вставай на смертный бой...

При стуке в дверь /если побуждающий не знает, кто стоит за дверью/ используется императив СВ: Войдите! В то же время, если говорящий знает, кто именно намеревается войти, то более правильной формой является императив НСВ: Это ты, Сережа? Входи!

Чем объясняется функционирование или выбор вида в подобных конситуациях?

Форма СВ Встаньте! /на уроке/ выражает приказ. /НСВ императива Вставайте! можем представить в ситуациях, содержащих 1. побуждение к началу действия /часто с оттенком нетерпения, торопливости/: Вставай! Чего ты ждешь?; 2. согласие говорящего -- при отсутствии "отношения зависимости": Простите, у меня совсем онемели ноги. Можно мне встать? -- Вставайте /'если вам так удобно'/; 3. побуждение, относящееся к "качеству" совершения действия: Вставайте медленнее, вы еще больны; 4. повторяемость: Вставай каждый день вовремя, то не будешь опаздывать в школу.

НСВ императива Садитесь! после доклада дежурного на уроке выражает, что ученики могут приступить к действию /после того, как "предшествующее" действие 'доклад' завершилось/. Ученики знают, что после доклада дежурного им необходимо будет сесть, поэтому дежурный формой НСВ указывает лишь на время, дает сигнал, когда действие должно совершаться. /Данное значение очень характерно для инфинитивных конструкций под названием "оттенок приступа к действию".

Ср.: Приготовились? -- Можете отвечать. /'Отвечайте!'/

Несколько иначе обстоит дело, когда формой Садитесь! говорящий обращается к гостю. Данная форма является тут более вежливой именно оттого, что "снимается" зависимость между участниками императивного акта. Использованием в данной

ситуации НСВ говорящий предоставляет полную свободу адресату в решении вопроса, совершать или не совершать предлагаемое говорящим действие. /"Воля" говорящего, выражаемая формой СВ в качестве просьбы или приказа, в таких ситуациях полностью отодвигается на задний план./

Форма СВ Сядь/те! -- в зависимости также от конситуации и от интонации говорящего -- может восприниматься как приказ /распоряжение/ /Подсудимый, сядьте!/, или как вежливая просьба /Сядь ко мне, пожалуйста!/.

И. Пете указывает, что формы СВ и НСВ у глаголов встать/вставать и сесть/садиться в императиве могут отличаться по значению¹⁴: встаньте! /т.е., если лицо сидело/ вставайте! /т.е., если лицо лежало/ и сядьте /если лицо лежало/, садитесь! /если лицо стояло/.

Кажется, что упомянутые выше различия вытекают в первую очередь не из противопоставления видов, а объясняются скорее лексической полисемией данных лексем, как на это указывают и разные пресуппозиции глаголов /поставленные нами в скобках/.

Относительно формы Войдите! /при стуке в дверь/ мы разделяем взгляды В.М. Матвеевой, приписывающей совершенному виду в указанной ситуации значение "п р о с ь б ы"¹⁵. /Дело в том, что человеку, услышавшему стук в дверь, не может быть безразлично, кто хочет к нему войти. Чтобы узнать, кто войдет в помещение, побуждающий должен сначала п о п р о с и т ь стучащее лицо "покажаться", то есть, до того момента, пока побуждающему адресат "неизвестен", побуждающий заинтересован в выполнении действия со стороны адресата, поэтому и "просит".

По мнению И. Крекича, в приведенной ситуации идет речь о "приглашении"¹⁶. С нашей точки зрения, о "приглашении" целесообразнее говорить в случае отсутствия "отношения зависимости", выраженного императивом НСВ: Приходите к нам в гости! Заходи ко мне вечером, я буду дома! и т.п. /При "просьбе", естественно, и в такой ситуации может использоваться СВ императива: Приди/зайди ко мне завтра вечером, я хочу с тобой поговорить.

В заключение остановимся на еще одном, не менее интересном вопросе. А.А. Спагис пишет: "... мы не употребляем повелительной формы от глагола выздороветь, потому что лексическое значение не позволяет употреблять слово в значении строгого приказа. Мы можем употребить только несовершенный вид, передающий пожелание: выздоровливайте скорее"¹⁷.

Действительно, только ли в несовершенном виде может употребляться глагол выздороветь/выздоровливать? Правда, приказать довольно трудно любому человеку, чтобы он выздоровел. Но, оказывается все-таки, попросить об этом вполне возможно /особенно, если побуждающий заинтересован в "выздоровлении" адресата/: /Васков:/ -- Я здоровый, не боюсь. Выздорой вей /разрядка наша: Л.Т./ только к завтраму. Очень тебя прошу, выздоройей /Б. Васильев: А зори здесь тихие.../

Примечания

1. И.П. Мучник. О значениях форм повелительного наклонения в современном русском языке. -- Ученые записки Московского областного пед. института. т. XXXII, вып. 2, 1955, с. 13--15. Д.Н. Шмелев. О значении вида в повелительном наклонении. -- РЯШ, 1959, № 4, с. 13--17. О.П. Рассудова. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982, с. 128--141. В.С. Храковский, А.П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Ленинград, 1986. И. Пете. Современный русский язык. т. IV, Будапешт, 1975, с. 106--111. Он же. Морфология современного русского языка в сопоставлении с венгерским языком. Будапешт, 1983, с. 89--93. И. Крекич. Иллокутивное воздействие императива на адресата. -- В сб.: Вопросы изучения и преподавания русского языка и литературы в ВНР. часть I. Навстречу VI конгрессу МЛПРЯЛ. Будапешт, 1986, с. 96--106. A felszólító módú orosz igealakok használatának pragmatikai és szemantikai megközelítése. -- In: Módszertani közlemények, 1986. p. 128--139.
2. О.П. Рассудова. Указ. соч., с. 128--141.
3. В.С. Храковский, А.П. Володин. Указ. соч., с. 145.
4. И. Пете. Современный русский язык. т. IV, Будапешт, 1975, с. 106--111.

5. Й. Крекич. Ук. соч., с. 98.
6. См. указ. работы Й. Крекича.
7. Он же. A felszólító ... р. 129.
8. И. Пете. Указ. соч., 1975, с. 106.
9. Там же, с. 107.
10. Там же, с. 109.
11. В.С. Храковский, А.П. Володин. Указ. соч., с. 151.
12. И. Пете. Указ. соч., 1975, с. 108.
13. И.П. Мучник. Указ. соч., с. 17.
14. И. Пете. Указ. соч., 1975, с. 110.
15. В.М. Матвеева. Пособие по развитию навыков устной речи. Ленинград, 1972, с. 56.
16. Й. Крекич. Иллокутивное... с. 99.
17. А.А. Спагис. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., 1969, с. 298.

К ИЗУЧЕНИЮ СЛУЦКОЙ ПСАЛТЫРИ

И.Х. Тот

Слуцкая псалтырь /СлПс/, которая восходит, по мнению ученых, к XI в.¹, занимает своеобразное место среди древнейших кирилловских рукописей, потому что ее оригинал был утрачен еще в прошлом веке, но вскоре после этого события художник Д.М. Струков нашел рукопись².

Мы знаем СлПс только по тому изданию, которое как первое издание /editio princeps/ было осуществлено известным знатоком древних славянских рукописей И.И. Срезневским. В своей книге "Древнеславянские памятники юсового письма" на с. 21--24 исследователь дает краткое палеографическое описание рукописи, характеризуя ее важнейшие орфографические особенности.

Все, что мы знаем об оригинале СлПс, восходит к этому анализу рукописи. Текст СлПс был опубликован И.И. Срезневским в той же книге на с. 155--165.

Вскоре после первого издания оригинал СлПс был утрачен и следующий издатель этого ценного памятника В.И. Ягич переиздал текст СлПс по изданию И.И. Срезневского с разночтениями по Болонской и Погодинской псалтырям³.

Третье издание СлПс было осуществлено в "Хрестоматии старославянского языка" М. Вайнгартном и Й. Курцем⁴.

Дальнейшее, более углубленное изучение СлПс стало бы возможным в том случае, если исследователи имели бы возможность работать над самой рукописью СлПс.

Однако, мы все же можем — до определенной степени — представить себе некоторые особенности оригинала этого важного памятника древней славянской письменности. Источником для этого служат те копии СлПс, которые ныне хранятся в Библиотеке Академии Наук в Ленинграде. Там хранится часть архива И.И. Срезневского. В бумагах ученого под сигнатурой Ф. 25.24.817 находится "Карта из альбома И.И. Срезневского",

в которой имеется папка "Воспроизведение югославянских памятников". В этой папке под № 25 находятся копии /прориси/, сделанные рукой на прозрачной бумаге с оригинала СлПс. Копии с оригинала СлПс состоят из двух листков бумаги, на которых тушью была списана часть текста СлПс.

Первая, большая по объему часть, состоящая из 24 строк, представляет собой 12--24 стиха 118-го псалма. Однако на копии не хватает последних 5 слов 24-ого стиха, так как текст кончается словом сѣть. Эта копия, несомненно, сделана с 1-ой стороны оригинала СлПс.

На втором листке находится фрагмент стихов 163--166. Однако 166-й стих тоже неполон потому, что в копии отсутствует последнее слово вззлаговиъ 166-ого стиха.

Важность этих копий была осознана уже И. Огиенко, который в 5-ом томе своей книги "Исторія церковно-слов'яньскої мови" опубликовал снимки обеих копий⁵. К сожалению, снимок второй копии, который сохранился очень плохо, и в издании Огиенко является неудовлетворительным.

В виду того, что книга И. Огиенко в наши дни является бесспорной библиографической редкостью, мы вновь опубликуем копии с оригинала СлПс.

Копии с рукописи СлПс важны для изучения этого памятника, поскольку они могут нам дать представление о некоторых формальных деталях утраченной рукописи, которые даже при точном, буквенном воспроизведении текста могли остаться неотмеченными.

Из графических особенностей СлПс обратим внимание на следующее:

1. В СлПс каждый стих начинается с маленького инициала. Однако следует также добавить, что в оригинале СлПс писались маленькие инициалы внутри отдельных стихов, как об этом можно судить по их употреблению в стихах 12, 21, 23 /инициалы И, П, Р/.

2. Конец строк в СлПс, как правило, оканчивается на согласные буквы. Исключение представляют собой только два случая: оуки ланѣхѣи с Δ /стих 21/, гл лоумѣаше с Δ /стих 23/.

3. В СлПс имеются два типа диакритических знаков. Первый тип диакритических знаков в виде апострофа ставится обыкновенно на месте пропущенных еров: в'сѣмъ стих 24, н'нази стих 23. Второй тип диакритических знаков в виде точек ставится обычно над йотированными буквами: гѣно, разоумѣѣ, твоѣѣ, уагѣхѣ, спѣньгѣ. В некоторых случаях диакритическая точка пишется и над буквами о, а, н, в, ѡ: ѡчи, законѣ, твоѣхѣ, ѣмѣ, оуниучѣньѣ, ѣго, твоѣ. Несомненно, диакритические точки имелись во всей рукописи СлПс. В изданиях И.В. Ягича, М. Вайнгарта-Й. Курца диакритические точки оригинала не указаны.

4. В изданиях СлПс, осуществленных И.И. Срезневским и И.В. Ягичем, употребляются буквы Δ , Δ на месте буквы Δ . На первом листке копии, списанной с оригинала СлПс, три раза можно отметить употребление буквы Δ на месте Δ , там, где указанные нами издания имеют букву Δ / Δ /. Однако, в "Хрестоматии старославянского языка", составленной М. Вайнгартом и Й. Курцем, в этих случаях вместо Δ ставится Δ .

	Копия	И.И. Срезневский	В.И. Ягич	М. Вайнгант-Й. Курц
Стих 12	твоѣ Δ	твоѣѣ Δ	твоѣѣ	твоѣѣ Δ
Стих 21	с Δ	с Δ	с Δ	с Δ
Стих 23	с Δ	с Δ	с Δ	с Δ

В "Хрестоматии по старославянскому языку" в введении к тексту СлПс говорится о том, что стихи 12--24 были сверены издателями со списком⁶. По копии, опубликованной И. Огиенко, М. Вайнгант и Й. Курц внесли в текст СлПс нужную поправку -- поставив букву Δ три раза там, где и в копии ставилась эта буква.

Копия СлПс с употреблением буквы А вместо га позволяет сделать вывод о том, что в оригинале СлПс вместо га употреблялась и буква А. Эта черта графики СлПс впервые была отмечена И. Голубовым⁷ на основании издания М. Вайнгарта и Й. Курца. Известно, что в древнейших кирилловских рукописях буква га не встречается, а вместо нее употребляются а, А и А. Древнеболгарские рукописи по-разному классифицируются по употреблению этих букв. В Саввиной книге вместо га ставятся буквы а, А, А. В Супрасльской же рукописи вместо га употребляются буквы а, А⁸. На основании употребления букв а, А, А И. Голубов правильно определил место СлПс среди древнейших рукописей, Употребление букв а, А, А определяет принадлежность оригинала СлПс к определенной орфографической школе, а именно к той школе, которая представлена Саввиной книгой.

5. В копии нами были обнаружены своеобразные написания, которые не передаются имеющимися изданиями СлПс. Эти написания восходят к пропавшему оригиналу СлПс. Так, напр., в 16 стихе в копии в слове по.ууѣ са точка разделяет буквы о и у а буква о отсутствует. По всей вероятности, этот способ написания глагола поууати са объясняется порчей пергамена, на котором в данном месте имелась дырка. Подобным же образом в 21 стихе в слове оуки ланѣжцей са между буквами о и у оставлено свободное место. Это написание может быть объяснено также порчей пергамена, на котором между буквами о -- у имелась небольшая дырка.

Не является, однако, ясным, пишется ли местоимение первого лица единственного числа аѣ действительно над строкой, или оно было пропущено во время снятия копии и сам копист поправил текст, вынеся местоимение за строку. На это нет указаний ни в изданиях, ни в копии.

Наконец, возможно, что в 13 стихе отсутствие букв оу в слове [оу]стнама также объясняется повреждением пергамена.

6. На копии хорошо видно, что письмо оригинала СлПс бы-

ло непрямым. Мачты букв обыкновенно писались с легким наклоном вправо. Скошенное письмо в СлПс связывает рукопись с Саввиной книгой и Хиландарскими листками.

С помощью копий из Библиотеки Академии Наук СССР /Ленинград/ потерянную рукопись /оригинал/ СлПс с графико-орфографической стороны можно охарактеризовать следующим образом:

Рукопись была двуеровой /со смешением букв ѣ и ь/. В ней употреблялись буквы ѣ, ѣѣ, ѣ, ѣ и ѣ. Надстрочные знаки ставились в виде точек над буквами, обозначающими гласные: ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣѣ, ѣѣ, ѣѣ. На месте букв ѣ, ь, там, где пропускались редуцированные гласные в слабой позиции, пропуск букв ѣ, ь обозначался специальным надстрочным знаком в виде апострофа /в'сѣмь, к'нази/. Надстрочные точки в рукописи, по всей вероятности, имели полисемический характер они и часто указывали и на правильное деление /чтение/ текста. Письмо СлПс было скошенным.

Эти особенности письма СлПс позволяют сказать, что в изданиях СлПс мы видим отражение древнейшей рукописи, которая -- несмотря на то, что ее оригинал был потерян -- заслуживает большего внимания, чем того, которое уделялось ей исследователями.

Примечания

1. Б. Цонев. История на българския език. т. 1. София, 1919, с. 187. А.М. Селищев. Старославянский язык. т. 1. М., 1951, с. 87.
2. І. Ориѣнко. Історія церковно-слов'янскої мови. т. 5. Найважніші пам'ятки церковно-слов'янскої мови. Варшава, 1929, с. 56.
3. И.В. Ягич. Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам. СПб., 1882, с. 52--56.
4. М. Weingart. Texty ke studiu jazyka i písemnictví staroslověnského. Druhé, revidované vydání nově upravil. J. Kurz. Praha, 1949, с. 100--105.

5. І. Огієнко. Ук. соч., с. 388, 392.
6. М. Weingart. Ук. соч., с. 100.
7. И. Гълъбов. Старобългарски език с увод в славянското езикознание. София, 1980, с. 72.
8. П.А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Энциклопедия Славянской филологии. Вып. 4/1. Пг., 1914, с. 32, 38, 43.

Листок 1

Псалом 118

Стих

12. Бѣгнѣ еси гн. ꙗкоуши ма правдѣи. твоѣ
13. стнама монма не повѣдѣхъ всѣ
сѣдѣхъ оусть твоихъ /.
14. Вѣ пѣти сѣвѣдѣнии твоихъ на сланиахъ
ѣако ш въ семь зѣтѣствѣ.
15. Вѣ заповѣдѣхъ твоихъ поглоумѣхъ сѣи
разоумѣхъ пѣти твоѣ.
16. Вѣ оправданнихъ твоихъ поучѣхъ сѣи. и не
забѣхъ словеса твоихъ.
17. Вѣ заждѣхъ рабѣи твоемѣи жи(в)и ма. и сѣ
хранѣхъ словеса твоѣ.
18. О тирѣи оуи мон. ѣ разоумѣхъ оуаеса о
законѣ твоего.
19. П рѣшѣльцѣ есѣмъ азъ на земли не сѣхрѣи отъ
мене заповѣди твоихъ
20. Вѣ злѣи аше мога желѣти сѣдѣхъ твоихъ.
на всѣи врѣмѣ.
21. Запрѣтилѣ еси грѣдѣи. Проклати оуи
ланѣищѣи сѣи отъ заповѣди твоихъ.
22. Шѣи отъ мене поносѣи оуниуѣженѣи. ѣа
ко сѣвѣдѣнии твоихъ възнесѣхъ ✓
23. И бо сѣдѣхъ ѣнази на ма глѣхъ. Рабѣи же твои г
лоумѣдѣше сѣи въ оправданнихъ твоихъ.
24. И бо сѣвѣдѣниѣ мога поучѣнѣи мога сѣхъ. ✓

Листок 2

/Неразборчивый текст XIX в./

Псалом 118

Стих

163. Неправда възненавидѣхъ. и мразѣ ми законъ же
твой възлюбихъ.

164. Се дѣиши ми днѣмъ хвалихъ та о сѣдѣхъ
правда твоя.

165. Въ многъ грѣшихъ законъ твой. и
нѣсть мнѣ спасѣна.

5

166. Убогахъ спсенья твоего гдѣ. и заповѣди твоѣ

БѢГНѢСНГН. МѢ ОУЧН МѢ ПРАВЪДЪ ГЕОЕА
СТНА МѢ МОИ МѢ Н СПОВѢДЪ ХЪ ВСА
СѢДЪ БѢ ОУСТЪ ТВОИ ХЪ.

ВЪ ПЖТН ГЪ ВѢДѢ НН ТВОИ ХЪ НА СЛАД. НХА СѢ
РАКОШЕ СЕРДѢЛѢ ГЪ СЪВѢ.

ВЪ ЗДНО БѢДЪ ХЪ ТВОИ ХЪ ПОГЛОУМАХЪ СѢ Н
РАЗОУМЪ ХЪ ПЖТН ТВОА.

ВЪ О ПРАВДА НН ХЪ ТВОИ ХЪ. УЧѢ СѢ Н НЕ
ЗАКЪ ХЪ СЛОВЕ СЪ ТВОИ ХЪ.

ВЪ ЗДЪ ХЪ РАБОУ ТВОЕ ПЛОУЖИ СѢ МѢ. Н СЪ
ХРА НН СЛОВЕ СѢ ТВОА.

ОТЪ КРЪ ИНОУ ЧИ МОИ. Н РАЗОУМЪ ХЪ ОУДЕ СѢ О
ЗАКОНѢ ТВОЕГО.

МѢ ШЪ ЦѢ СѢ МѢ НА ЗЕМИ НЕСЪ КРЪ ИНОТЪ
МЕНЕ ЗА ПОБѢДН ТВОИ ХЪ

ВЪ ЗДЪ ХЪ БНДѢ ПЛОУЖИ СѢ ТН СЪДЪ БЪ ТВОИ.
Н МѢ СѢ КОВРѢ МѢ.

З. ПРѢТН ЛѢ СѢ Н ГРЪДЪ МЪ. МѢ РОКЛАТИ О УК
ЛАНЪ ХЪ ЦЕН СѢ ОТЪ ЗА ПОБѢДН ТВОИ ХЪ.

ВН ПН ОТЪ МЕНЕ ПОНОСЪ Н СУННЪ ЖЕНЬЕ. Н
КОСЪ ВѢДѢ НН ТВОИ ХЪ ВЪЗН СКА ХЪ.

Н БѢ СѢДЪ КЪ НАЗН НА МѢ ГЛѢ ХЪ. РАБЪ ЖЕ ТКОИ Г
ДОУМА ТѢ ШЕ СѢДЪ О ПРАВДА НН ХЪ ТВОИ ХЪ.

Н БѢ СѢ ВѢДѢ НН МѢ ОУ ПОСУЧЕНА МѢ ОУ СѢ ТЪ.

НЕ ПРАВЪДЪ ВЪЗНЕНА ВНАВЪ ХЪ. Н МРЪЗЪ ГН ЗАКОНЪ ЖЕ
ТВОИ ВЪЗДЪ БН ХЪ.

СѢДЪ МНШѢ ДНА ПѢ МЪ ХЪ ВАЛН ХЪ ТА ОСТАДЪ БѢ ХЪ
ПРАВЪДЪ ТВОА.

МѢ РЪ МЪ НО ПЪ ЛЮБА ЦИ НН МЪ ЗАКОНЪ ТВОИ. Н
НѢ СѢ ТЪ И ПЪ ГЪ ВЛАДЪ НА.

ОУ РА ХЪ СѢ ПЕНЪ ТВОЕГО ГН. Н ЗА ПОБѢДН ТВОА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ДЕРИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ С КЛЮЧЕВЫМ СЛОВОМ СУМКА

С.М. Васильченко

Ключевое слово сумка встречается в словарных/дефинициях 32 существительных, зафиксированных в семнадцатитомном "Словаре современного русского литературного языка": бумажник, бювар, кобура, колчан, котомка, котомка, кошелек, кошель, лядунка, патронташ, патронница, патронохранилище, перемет, планшет, подсумок, пороховница, порошница, портмоне, портмоне, портплед, портфель, ранец, ридикюль, рептух, саквояж, саше, сетка, сума, ташка, торба, через, ягдташ. В толковании ключевого слова сумка нашли отражение семемы "устройство, форма" /изделие в виде небольшого мешка, футляра/, "назначение" /для ношения чего-либо/, "материал" /из кожи, ткани и т. п./.

Наибольшим варьированием отличается семема "назначение" -- за счет детализации вмещаемого предмета: "для ношения и хранения денег" /бумажник, кошелек, кошель, портмоне, портмоне, через/; "для ношения и хранения деловых бумаг" /бумажник, портфель/; "для ношения книг, тетрадей" /портфель, ранец/; "с листами пропускной бумаги" /бювар/; "для ношения продуктов, мелких вещей" /сетка, авоська¹/; "для хранения носовых платков, расчесок и т.п." /саше/; "для дичи и мелкого зверя" /ягдташ/; "для ношения карт" /планшет/; "для корма лошадей в дороге" /рептух/; "багажная" /кобура/; "для хранения пороха" /пороховница, порошница/; "для патронов" /подсумок/; "запасная сумка для хранения патронов" /патронохранилище/; "для патронов к пистолету или карабину" /лядунка/; "для ружейных или пистолетных патронов" /патронташ, патронница/; "для стрел" /колчан/; "дорожная", то есть "вмещающая то, что берут в дорогу" /котомка, портплед, саквояж/.

Как приспособление сумка представляет собой простое по устройству вместилище. Поэтому сема, связанные с устройством сумок /наличие или отсутствие застёжки, запора, ремней, ручки и др./ в словарных дефинициях указываются редко: "с застёжкой" /портфель/; "с запором" /саквояж/, "с заплочными ремнями, лямками" /ранец/, "носимая на ремнях" /ташка/, "носимая на поясном ремне" /подсумок/, "с прозрачной пластинкой на наружной стороне" /планшет/, "две связанные сумки" /перемет/; "с футлярами, гнездами" /патронтаж, патронница/, "сплетенная из веревок, шнурков" /сетка/, "сетчатая" /авоська/. По признаку "плетенная" названия сумок сближаются с названиями корзин, отличаясь от них признаком "материал". Об этом свидетельствует принадлежность звукоряда кошель к трем разным лексико-семантическим группам: названиям плетеных сумок, названиям мешком и названиям корзин.

Семема "материал" зафиксирована в толковании значений существительных бумажник /"кожаная или матерчатая"/, подсумок, ташка /"кожаная"/, ранец /"из кожи или другого материала"/, рептух /"полотняная"/, саквояж /"обычно из кожи или плотной ткани"/, сетка /"из веревок, шнурков и т.п."/, авоська /"сетчатая"/. В прилагательном сетчатая эксплицитно выражена семема "внешний вид, форма", реализованная также в прилагательных "плоская сумка" /планшет/, "узкий и длинный кошелек" /через/.

Наиболее распространенный способ ношения вместилищ типа сумки -- в руке. Поэтому сема "ручная" отсутствует в толковании значений существительных этой группы. Эксплицитно выражена она только в словарной дефиниции звукоряда ридикюль. Реализована семема "способ ношения" в семах: "карманная" /бумажник/, "носимая обычно за плечами" /котомка, котомка/, "носимая на спине" /ранец/, "надеваемая через плечо" /лядунка/, "носимая на поясном ремне" /подсумок/, "обвязывали вокруг пояса или ноги под одеждой" /через/, "прикрепляемая к седлу" /кобура/, "две сумки, перекидываемые через конское плечо" /перемет/.

Персональная семема /кто использует этот предмет/ нашла отражение в толковании значений 5 слов: ридикюль /"дамская"/, ягдташ /"охотничья"/, ташка /"гисарская"/, кобура, лядунка /"кавалеристов"/. Семема "величина, емкость" отмечена в словарной дефиниции ключевого слова сумка /"изделие в виде небольшого мешка, футляра"/, слова подсумок /"небольшая сумка"/ и в отсылочном существительном с уменьшительно-ласкательным значением сумочка /ридикюль -- дамская сумочка"/.

Темпоральная семема представлена семой: "старинная" в толковании значения слова через и в помете "устарелое", которая сопровождает существительные котама, кошель /2-е значение/, портмонет, поршница, патронница, ташка, портфель /2-е значение/, кошелек /2-е значение/, патронохранилище.

Номету "областное" имеют слова перемет, кошель /1-е значение/, рептух, котама; помету "просторечное" имеет звукоряд торба, из разговорной речи проникло в литературный язык существительное авоська. Больше половины рассматриваемых наименований стилистически нейтральны: сумка, сума, котомка, портплед, саквояж, сетка, ягдташ, саше, ранец, портфель /1-е значение/, портмоне, пороховница, кобура, лядунка, патронташ, подсумок, колчан.

Так как сумка представляет собой изделие в виде небольшого мешка, футляра, то ЛСГ названий сумок связана с другими ЛСГ в составе названий вместилищ -- прежде всего с наименованиями мешков /портплед, кошель, кошелек, саше, патронохранилище, торба/ и футляров /кобура, колчан/, а также с названиями сосудов /пороховница, порошница/ и с названиями специального приспособления в виде пояса с футлярами, гнездами /патронташ, патронница/.

Значительную часть наименований сумок составляют заимствования². Больше всего заимствований из французского языка:

бювар³, планшет, саше, ридикюль, саквояж, портмоне, портмонет, портплед /вторая часть плед является заимствованием из английского языка/, портфель. Последние 5 слов представляют собой в языке-источнике сложные образования: саквояж -- буквально "мешок для путешествий", первая часть порт выражает назначение, функцию /"носить"/, вторая часть называет вмещаемый предмет /портмоне, портмонет -- буквально "для того чтобы носить деньги", портплед -- "для того чтобы носить плед", портфель -- "для того чтобы носить бумаги, документы".

Несколько слов заимствовано из немецкого языка. В немецком языке звукоряд Ranzen /русское соответствие ранец/ имеет значение "походная военная или ученическая сумка, которую носят на спине". Звукоряд таш, которому соответствует немецкое слово Tasche, что означает "карман, сумка", заимствован в русский язык трижды: в составе простого слова ташка /произошло изменение звуковой оболочки таш, к ней присоединился словообразовательный комплекс -ка; ср.: в венгерском языке taska, tasak -- "сумка"/ и в составе двух сложных в языке-источнике слов: патронташ /буквально "карман, сумка для патронов"/ и ягдташ /буквально "охотничья сумка для дичи"/.

Из польского языка заимствованы слова лядунка и сума. Последний звукоряд представляет собой переоформление древневерхненемецкого soim, которое буквально обозначает "груз вьючного животного"⁴. Из тюркских языков заимствованы слова кобура /тюрк. кубур - колчан/, торба /в турецком языке torba означает "мешок"/, колчан⁵. А.Г. Преображенский не соглашается с мнением Н.В. Горяева, который сравнивает слово котомас со словами латинского, итальянского и немецкого языка, и оставляет вопрос о языке-источнике заимствования звукоряда котомас открытым⁶. А.Г. Преображенский излагает различные точки зрения на происхождение слова рептух: из немецкого или из польского языка⁷.

От существительного сума суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом образованы названия сумка и подсумок. Словообразование происходит внутри одной ЛСГ: от названий сумок образуются названия сумок. При помощи суффикса -к- от существительного котомы образовано адекватное ему по значению существительное котомка. Суффиксальным способом /суффикс -ек-/ образовано существительное кошелек от существительного кошель, которое отмечается в памятниках с XV века и также является суффиксальным производным /суффикс -ель-/ от общеславянского кошь -- "корзина"⁸. Производящие слова котомы, кошель ограничены в употреблении: котомы -- "устарелое и областное", кошель -- "устарелое и просторечное".

От названий вмещаемых предметов /бумаги, порох/ при помощи суффиксов -ник, -ниц, -овниц образованы существительные бумажник, порошница, пороховница по варианту словообразовательной модели со значением "вместилище по отношению к вмещаемому предмету". Способом сложения с суффиксацией /суффикс -лиц-/ образовано существительное патронохранилище; мотивирующее слово патрон обозначает вмещаемый предмет, мотивирующий глагол хранить выражает назначение: "то в чем хранят /патроны/". Семантика многих моделей, по которым образованы рассмотренные производные русские и заимствованные названия сумок, является универсальной: "вместилище /сумка/ по отношению к вмещаемому предмету". В сложных словах в семантике модели есть указание на назначение, функцию: "то, в чем хранят, носят" /французское port/.

В 30-е годы XX века образовалось при помощи словообразовательного комплекса -ка от слова авось существительное авоська -- хозяйственная сетчатая сумка, которую "удобно носить с собой в расчете на неожиданную и случайную покупку /"авось что-нибудь и купишь"/"⁹.

Одно и то же идеальное содержание объективировалось различными способами, поэтому некоторые названия синонимичны:

авоська /разг./ -- сетка, сумка -- сума, котомка -- котама /уст. и обл./, кошель /уст. и простор./, кошелек, портмоне¹⁰ -- портмонет /уст./, пороховница -- порошница /уст./, патронташ -- патронница. Большинство указанных синонимов представляет собой однокоренные слова, находящиеся в различных отношениях: производящее слово и производное /сума -- сумка, котама -- котомка, кошель -- кошелек/, два заимствованных слова /портмоне -- портмонет/, два производных слова, образованных при помощи суффиксов -овниц- и -ниц- /пороховница -- порошница/, заимствование и производное слово с суффиксом -ниц- /патронташ -- патронница/.

Словообразовательной структурой и фонетическим обликом обусловлены формы рода рассматриваемых наименований. В форме мужского рода употребляется 18 слов, в форме женского рода -- 13, в форме среднего рода -- 3. К мужскому роду относятся существительные с нулевым окончанием в форме им.п. ед.ч. и основой на твердый согласный к, который входит в состав суффикса /кошелек, подсумок, бумажник/, т /перемет, планшет, портмонет/, д /портплед/, ш /патронташ, ягдташ/, ж /саквояж/, з /через/, н /колчан/, р /бювар/, ц /ранец/, х /рептух/. Нулевое окончание в им.п. ед.ч. и основу на мягкий согласный имеют три существительных мужского рода: этимологически производное существительное с суффиксом -ель и 2 заимствования также с основой на мягкий л- портфель и ридикюль. Среди существительных женского рода представлены только формы с окончанием -а в им.п. ед.ч., их основа оканчивается на к суффиксального происхождения /авоська, котомка, лядунка, сетка, сумка, ташка/, ц, который входит в состав суффикса /патронница, порошница, пороховница/, м /котама, сума/, б /торба/, р /кобура/. Со словообразовательной структурой /суффиксом -лиц-/ связана форма среднего рода сложного существительного патронохранилище. К среднему роду относятся также два несклоняемых, за-

имствованных из французского языка существительных с основой на ударный гласный е /портмоне, саше/.

Описываемые названия вместилищ обладают различной словообразовательной активностью. Не зафиксированы в 17-томном словаре производные от некоторых непроеводных существительных ограниченного употребления: заимствованных существительных саше, кобура, ташка, лядунка, колчан, от слова рептух, пришедшего в литературный язык из областной речи, от слова через обозначающего предмет, которым пользовались в старину. Нет производных слов у заимствований с первой частью порт -- /портмоне, портмонет, портплед/, у производных суффиксальных существительных пороховница, порошница, патронница, бумажник, у заимствований ранец, ягдташ, у сложного существительного патронохранилище. Не имеет производных 50 % рассмотренных названий.

Наиболее последовательно образуются от названий сумок суффиксальные существительные с уменьшительно-ласкательным значением и суффиксальные относительные прилагательные. Уменьшительно-ласкательные существительные теоретически возможны от любого рассмотренного названия вместилища. Практической реализации этой возможности могла препятствовать словообразовательная или фонетическая структура: производный характер, длина слова /патронохранилище/, основа несклоняемого слова оканчивается на ударный гласный е /портмоне, саше/. Имеют производные с уменьшительно-ласкательным значением следующие слова: кошелек /кошелечек Ум.-ласк./, ридикюль /ридикюльчик Разг. Ум.-ласк./, саквояж /саквояжик Разг. Ум.-ласк./, котомка /котомочка Ум.-ласк./, сумка /сумочка Разг. Ум.-ласк./. Звукоряд сумочка имеет не только уменьшительно-ласкательное значение, но и обозначает небольшое по размерам вместилище -- небольшую сумку для денег, носового платка и некоторых принадлежностей дамского туалета. В этом значении слово сумочка употребляется в сочетании с прилагательными дамская, женская. Нет поме-

ты "уменьшительно-ласкательное" при существительном торбочка, оно обозначает небольшой мешок; сумку /торба -- "мешок", сума"/.

Наибольшее количество производных со значением субъективной оценки и уменьшительности имеет звукоряд портфель: портфельник, портфельчик, портфелька, портфелишко. Существительные с уменьшительно-ласкательным значением портфельник и портфельчик отличаются только стилистически: слово портфельчик употребляется в разговорной речи. Звукоряд портфелька имеет значение "уменьшительное к портфель" и помету "устарелое". В разговорной речи употребляется существительное портфелишко, в котором отмечено уменьшительно-уничижительное значение.

Выбор суффиксов со значением уменьшительности и субъективной оценки в рассмотренных производных существительных обусловлен объективируемым идеальным содержанием /значением/ и формой родп производящих слов. В формах мужского рода представлены суффиксы -чик /портфельчик, ридикюльчик/, -ик /портфельик, саквояж/, -ек /кошелечек/; с помощью этих суффиксов выражается уменьшительно-ласкательное значение. Уменьшительно-уничижительное значение выражено только в одном существительном мужского рода портфелишко при помощи суффикса -ишк-.

Если производящее слово женского рода, в производном с уменьшительно-ласкательным значением используется суффикс -к-: сетка -- сеточка -- котомка -- котомочка, сумка -- сумочка; во всех случаях суффикс присоединяется к основе на согласный ч /на месте к/, который находится после беглого о. Только в одном существительном женского рода встречается суффикс очк-: торбочка. Нарушено соответствие в роде между производящим существительным портфель, которое в современной речи относится к мужскому роду, и производным устаревшим существительным портфелька, которое относится не только к мужскому, но и к женскому роду. Видимо, в начальный период ос-

воения русским языком в этом заимствованном слове были колебания в форме рода, так как слова с основой на мягкий согласный л могут относиться как к мужскому /апрель/, так и к женскому роду /ель/.

Не совпадают формы рода в производном существительном женского рода планшетка и в его производящем планшет, которое относится к мужскому роду. Такое несовпадение можно объяснить освоением заимствования планшет русским языком, поэтому суффикс -к- в слове планшетка не выражает значения уменьшительности, ни значения субъективной оценки. В значении "плоская сумка" производное слово планшетка тождественно своему производящему, отличается от него только стилистической характеристикой: оно употребляется в разговорной речи.

Во всех рассмотренных случаях словообразование происходит внутри лексико-семантической группы: от названий сумок образуются названия сумок. Ключевое слово сумка является мотивирующим к существительному сумочник с иным лексическим значением: образованное с помощью суффикса -ник существительное сумочник обозначает "род растений семейства крестоцветных, к которым относится пастушья сумка". Плоды этих растений представляют собой стручки в форме сумочки. Значение варианта словообразовательной модели, по которой образовано слово сумочник, можно сформулировать как "растение по отношению к предмету-вместилищу, на который похожи его плоды". При помощи суффикса -щик от слова портфель образовано зафиксированное в "Частотном словаре"¹¹ существительное портфельщик со значением лица.

Большинство относительных прилагательных, мотивированных названиями сумок, образовано при помощи суффикса -н- по словообразовательной модели со значением "относящийся к тому, что обозначено производящим существительным": бювар -- бюварный, патронташ -- патронташный /патронташный ремень/, подсумок -- подсумочный /подсумочный ремень/, портфель -- портфельный /портфельный замок/, планшет -- планшетный /планшет-

ная пластинка/, саквояж -- саквояжный /саквояжные ремни/, ридикюль Устар. -- ридикюльный Устар. /ридикюльная ручка/, перемет /обл./ -- переметный /словосочетание переметные сумы, дублирующее по семантике производящее слово перемет, ограничено в употреблении -- устаревшее и областное/, сума -- сумочный. Последнее прилагательное сумочный семантически соотносится с двумя словами: сумка и сумочка, оно имеет значение "относящийся к сумке и к сумочке". Образованное при помощи суффикса -ат- прилагательное сумчатый соотносится не с первичным значением, а с вторичными, специальными значениями звукопорядка сумка. При помощи суффикса -ов- образовано только одно прилагательное кошельковый со значением "относящийся к кошельку".

Таким образом, звукоряд портфель имеет 6 производных: 5 суффиксальных существительных /портфелик, портфельчик, портфелька, портфелишко, портфельщик/ и одно суффиксальное прилагательное портфельный. Этот звукоряд обладает наибольшей частотностью¹² -- 47. Высока частотность ключевого слова сумка¹³, она равна 20, его производящее слово -- сума употребляется реже /частотность равна 3/. Звукоряд сума является исходным в словообразовательном гнезде также с 6 производными словами: сумка /1-ая ступень словообразования/, сумочка, сумочник, сумочный /2-ая ступень словообразования/, подсумок /1-ая ступень/, подсумочный /2-ая ступень/. Это словообразовательное гнездо включает в свой состав 4 словообразовательные цепочки: сума -- сумка -- сумочка, сума -- сумка -- сумочный, сума -- сумка -- сумочник, сума -- подсумок -- подсумочник.

Из двух словообразовательных цепочек состоит словообразовательное гнездо с исходным словом кошель: кошель -- кошелек -- кошелечек, кошель -- кошелек -- кошельковый; частотность звукоряда кошель равна 5, звукоряда кошелек¹⁴ -- 4.

Также из двух словообразовательных цепочек состоит словообразовательное гнездо трех существительных, которые имеют по два производных -- одному существительному и одному прилагательному: планшет, планшетка, планшетный; ридикюль, ридикюльчик, ридикюльный; саквояж, саквояжик, саквояжный. Существительное ограниченного употребления /устаревшее и областное/ котама этимологически является мотивирующим к семантическому дублету -- суффиксальному существительному котомка, которое, в свою очередь, мотивирует уменьшительно-ласкательное существительное котомочка.

Словообразовательное гнездо остальных исходных слов -- названий сумок -- состоит из одной словообразовательной цепочки. По одному производному существительному имеют слова сетка /сеточка/, торба /торбочка/; по одному производному прилагательному у трех наименований: бювар /бюварный/, патронташ /патронташный/, перемет /переметный/. Абсолютное большинство рассмотренных производных слов, мотивированных названиями вместилец типа сумки, образовано суффиксальным способом, только одно слово образовано префиксально-суффиксальным способом. Производные слова относятся к двум частям речи -- существительным и прилагательным.

С помощью отсылочного слова портфель /"род портфеля"/ раскрывается в четырехтомном словаре¹⁵ одно из значений звукоряда папка. В словарной дефиниции нашли выражение также семемы "назначение" /"для хранения и ношения бумаг"/ и /устройство" /"без ручек"/. В процессе освоения заимствования из немецкого языка /Pappe -- картон/ на русской почве произошла суффиксация; словообразовательной структурой обусловлена принадлежность слова папка к женскому роду. С описываемым значением звукоряда папка соотносятся два производных слова: употребляемое в разговорной речи существительное папочка с уменьшительно-ласкательным значением и относительное прилагательное папочный со значением "относящийся к папке, папкам, служащий для изготовления папок". Оба слова образова-

ны суффиксальным способом: при помощи суффикса -к- /папочка/ и -н- /папочный/.

Лексико-семантическая группа названия сумок представляет собой подвижный пласт лексики; с одной стороны, часть слов выходит из употребления, о чем свидетельствует помета "устаревшее", с другой стороны, ЛСГ пополняется новыми наименованиями. Так, в современной речи в значении "сумка, портфель" используется звукоряд дипломат, первичным значением которого является "должностное лицо". Такое употребление звукоряда дипломат можно объяснить влиянием слова портфель, которое используется для обозначения поста, должности. Это значение реализуется в словосочетаниях министерский портфель, портфель министра, министр без портфеля. Актуализируется компонент "для деловых бумаг", имеющийся в семантике звукоряда порфель. Тип переноса: "вместилище /сумка/" -- "должностное лицо, которое ходит с такой сумкой" -- "пост, который занимает это должностное лицо". Обратное явление характерно для звукоряда дипломат, тип переноса "должностное лицо" -- "сумка, портфель". По модели составных наименований /диван-кровать и под./ от двух названий вместилищ рюкзак /"заплечный вещевой мешок"/ и ранец /"сумка из кожи или другого материала, носимая с помощью заплечных ремней, лямок на спине"/ образовано название вместилища промежуточного типа рюкзак -- ранец¹⁶.

Примечания

1. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1961.
2. Фактический материал и сведения об источнике заимствования взяты из 17-томного "Словаря современного русского литературного языка" и из "Краткого этимологического словаря русского языка" Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской. М., 1971.

3. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Под редакцией и с предисловием проф. В.А. Ларина. М., 1985, т. I, с. 260.
4. Ук. соч., с. 431. См.: Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий ...
5. А.Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, т. I, с. 339.
6. Ук. соч., с. 370. См.: А.Г. Преображенский. Этимологический ...
7. Ук. соч., с. 198 /918/. См.: А.Г. Преображенский. Этимологический ...
8. См. об этом подробно: Ук. соч., с. 217. См.: Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий ...
9. Ук. соч., с. 23. См.: Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий ...
10. В "Словаре иностранных слов" /10-ое издание, М., 1983, с. 394/ дана только форма портмоне с пометой "устаревшее".
11. Частотный словарь русского языка. Под редакцией Л.Н. Засориной. М., 1977, с. 520.
12. Ук. соч., с. 520. См.: Л.Н. Засорина. Частотный ...
13. Ук. соч., с. 697. См.: Л.Н. Засорина. Частотный ...
14. Ук. соч., с. 281. См.: Л.Н. Засорина. Частотный ...
15. "Словарь русского языка" в четырех томах. Изд. 2-ое. М., 1983, т. 3, с. 19.
16. "Неделя", воскресное приложение к газете "Известия". 1986, № 3, с. 15.

PETE ISTVÁN PUBLIKÁCIÓI

1957

1. Употребление неопределенных местоимений в современном русском языке. РЯШ. 1957/2, 18--21, Moszkva.
2. Az orosz közmondások költői sajátosságai. Néprajz és Nyelvtudomány, Szeged, I., 137--52.

1958

3. Случаи лексикализации в русском языке. РЯШ, 1958/3, 1--6, Moszkva.

1962

4. Чередования гласных звуков в корневых морфемах. РЯШ. 1962/5, 11--8, Moszkva.
5. Окрашенное употребление временных форм глаголов в русском языке. Dissertationes Slavicae, 1962, I., 21--34, Szeged.

1963

6. О количественном измерении русских вещественных имен существительных. РЯШ, 1963/4, 8--11.

1964

7. Заметки об употреблении русских предлогов "в" и "на" в пространственном значении. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, VIII, 67--76, The Hague.
8. О противоположных значениях одного и того же слова в русском языке. Dissertationes Slavicae, II., 18--26, Szeged.

1965

9. К сопоставительному изучению обстоятельства времени. НЛВШ. Филологические науки, 1965/4, 174--80, Moszkva.

10. Родительный партиитивный в современном русском языке. Scando-Slavica, XI., 186--97, Copenhagen.
11. Обозначение времени с помощью предлогов "в" и "на" в конструкциях, отвечающих на вопрос когда? в современном русском языке. Dissertationes Slavicae, Szeged, III., 27--36.
12. Magyar ekvivalensektől eltérő előljárós esethasználat az orosz helyhatározói viszonyok kifejezésében. Modern Nyelvoktatás, III. évf., 1. sz., 61--76, Budapest.
13. A hely- és időhatározói viszonyok kifejezése a főnevek előljárós és előljáró nélküli eseteivel a mai orosz nyelvben és magyar ekvivalenseik. Szeged, 1965, 21. l. Kandidátusi értekezés tézisei.
14. Омонимия в кругу глаголов движения. РЯШ, 1966/3, 100--7. Москва.
15. Eltérések az orosz és a magyar nyelv frazeológiai szókapcsolatai között. Modern Nyelvoktatás, IV. évf., 32--48, Budapest.
16. К вопросу изучения системы обстоятельства места в русском языке. Studia Slavica Hung., XII., 335--44. Budapest.
17. Обстоятельство времени со значением дистрибутивности в русском языке. Dissertationes Slavicae. IV., 23--34, Szeged.
18. Обстоятельство места, обозначающее локальную протяженность в русском языке. Dissertationes Slavicae. IV., 35--6, Szeged.

1967

19. Az interpozíciós és szuperpozíciós térbeli viszonyokat kifejező orosz előljárók használatáról. Modern Nyelvoktatás, V., évf., 1. sz., 123--135, Budapest.
20. Антонимичные пары в русском языке. Dissertationes Slavicae, V., 35--41, Szeged.
21. K. Horálek. Bevezetés a szláv nyelvtudományba. Néprajz és nyelvtudomány, XI., 109--10. /Recenzió/, Szeged.

1968

22. Az orosz igeszemléleti formák használata az imperativus második személyében. Modern Nyelvoktatás, VI. évf., 1--2. sz., 91--9, Budapest.
23. Категория отчуждаемости и неотчуждаемости в грамматическом строе русского языка. Dissertationes Slavicae, VI., 21--27, Szeged.
24. Глагольные словосочетания с названиями частей тела в русском языке. Studia Slavica Hung., XIV., 303--11, Budapest.
25. Глагольные словосочетания с названиями частей тела в русском языке. VI. Mezinárodní Sjezd Slavistu v Praze 1968, Resumé přednasek, přípevku a sdelení. 479, Praha.

1969

26. Выражения причинных отношений в русском языке. РЯШ, 1969/1, 92--96, Moszkva.

1970

27. Типы синтаксической модальности в русском языке. Studia Slavica Hung., Bp., XVI., 36--50.
28. Категория отчуждаемости и неотчуждаемости в грамматическом строе русского языка. РЯЗР, 1970/2, 92--95.

1971

29. Orosz újságok olvasása. Bp., Tankönyvkiadó, 213.

1972

30. О целесообразности применения сопоставительного метода. Сб. "Вопросы лингвистического описания русского языка в целях обучения". 3--4. 113--6, Praha.
31. Mai orosz nyelv /hangtan, helyes kiejtés, írásmód, helyesírás, morfématan/, Kézirat, Szeged, 1972, 163.
32. Orosz nyelvgyakorlat. II. Idegenvezetés. Magyarország. Tankönyvkiadó, Budapest, 190. 1980-ban 4. utánnyomás.

33. Orosz nyelvgyakorlat. III. Országismeret. Tankönyvkiadó, Budapest, 162.

1973

34. Orosz nyelvgyakorlat. IV. Országismeret. Tankönyvkiadó, Budapest, 160.
35. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Dissertationes Slavicae, IX., Szeged, 240.

1974

36. Komplex nevelési program. JATE BTK. Szeged, 1974. A szerkesztő bizottság tagja.
37. Современный русский язык I. /Фонетика, орфоэпия, графика, орфография, пунктуация/. Tankönyvkiadó. Budapest, 202.

1975

38. Современный русский язык. II. /Морфемика, словообразование, Введение в грамматику, имя существительное/. Tankönyvkiadó. Budapest, 220. J2--1048.
39. Современный русский язык. III. /Имя прилагательное, имя числительное, наречие, категория состояния, местоимение/. Tankönyvkiadó. Budapest, 231. J2-1049.
40. Современный русский язык. IV. /Глагол, модальные слова, служебные слова, междометия/. Tankönyvkiadó. Budapest, 299. J2--1050.
41. A korszerű gyakorlati nyelvoktatás problémái a nyelvszakos hallgatók képzésében. In: Az egyetemi oktató-nevelő munka időszerű kérdései karunkon. III. Szeged, 59--89.

1976

42. Видовое противопоставление глаголов в повелительном наклонении. РЯНШ, 1976/6, 72, Moszkva.
43. Az időviszonyok kifejezése az orosz nyelvben a magyar nyelv tükrében. Tankönyvkiadó. Budapest., 1976, 1980, 256 o., J2--1126.

44. Az időviszonyok szemantikai rendszere az orosz és a magyar nyelvben. In: "Csongrád megyei ruszisztikai konferencia". Szeged, 5--7.
45. A komplex államvizsgákkal kapcsolatos tapasztalatok és a komplex oktatás összefüggése /az orosz szakon/. In: "Az egyetemi oktató-nevelő munka időszerű kérdései karunkon": IV., Szeged, 153--183.
46. Способы выражения контактирования в русском языке в сопоставлении с венгерским. Dissertationes Slavicae, 1976, 79--101, Szeged.

1977

47. Типы склонения имен существительных в русском языке. Dissertationes Slavicae, XII., 101--11, Szeged.
48. Szerbhorvát-magyar kontrasztív nyelvtan. 4. st. Vajda József, A hely- és időhatározós szerkezetek. Újvidék, 1975. In: Hungarológiai közlemények, IX. évf., 1977, 30--31. sz. 147--152, Újvidék /Recenzió/.

1978

49. Типы спряжения в русском языке. Сб. "Вопросы методики и преподавания русского языка и литературы". 12--15, Будапешт--Сегед.
50. Общая типология, типологическая характеристика и сопоставительная грамматика. Сб. "Проблемы сопоставительного изучения русского и венгерского языков". Материалы симпозиума. Вып. 2, Будапешт, 1978, 23--32.
51. Основы синтаксических сопоставительных исследований. /Тезисы/. Сб. "Проблемы сопоставительного изучения русского и венгерского языков". Материалы симпозиума. Будапешт, 1978, 33.
52. Лингвистическая и методологическая типология лексических соответствий русского и венгерского языков. Сб. "Проблемы сопоставительного изучения русского и венгерского языков". Материалы симпозиума. Вып. 2. Будапешт, 1978, 34--43.
53. Семантические типы и способы выражения состояния в русском языке в сопоставлении с венгерским. Dissertationes Slavicae, XIII., 87--112, Szeged.

54. Az egyetemi tanárképzés távlati reformjához. Felsőoktatási Szemle. Budapest, 27. évf., 4. sz. 236--40.
55. Zbornik Katedry Ruského Jazyka a Literatúry Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského k 30. Vyrociu Vzniku Katedry. Bratislava, 1977. Dissertationes Slavicae, XIII, 263--267. /Recenzió/, Szeged.

1979

56. Дательный притяжательный в русском языке и его синонимы. Die Welt der Slaven, 1979, XXIX, 2., 418--429, München.
57. Типы вопросительных предложений в русском языке. Scando-Slavica, Tomus 25, 183--92, Copenhagen.
58. Употребление полных и кратких форм прилагательных в функции сказуемого в русском языке. Svantevit, Aarhus, 1979, V./1--2, 159--165, Dansk Tidsskrift for Slavistik.

1980

59. Некоторые замечания о структурных и семантических типах глагольных побудительных предложений в русском языке. Slavica Slovaca, r. 15, 1980/1, 75--87, Bratislava.
60. A magyar esetek sorrendje és elnevezésük. Magyar Nyelv, 1980/2, LXXVI. évf., 20/7, Budapest.
61. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. Москва, 1978, 727 с. Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 1980, 82. kötet, 1--2. sz. 462--463. /Recenzió/.
62. Ударение имен прилагательных в русском языке. Studia Russica, III., Budapest, 1980, 136--49.

1981

63. Несовпадение языковой и логической категории количества в русском и венгерском языках. Dissertationes Slavicae, XIV. 147--164.
64. Количественные вопросительные предложения в русском языке. Rusky jazyk, 1981/7, 196--98, Praha.

65. Дистрибутивная множественность в русском языке. *Russian Linguistics* 6 /1981/, 57--63, Dordrecht, Holland, and Boston, U.S.A.
66. Семантические типы количественных отношений. *Die Welt der Slaven*, Jahrgang XXVI, 2, 338--345, München.
67. Морфология современного русского языка в сопоставлении с венгерским языком. Tankönyvkiadó. Budapest, 1981, 271. о. J2--1388.
68. A névmások osztályozása. *Magyar Nyelv*. Budapest, 1981/3, 331--4.
69. Б. Татар. Русская лексикография. Анализ одноязычных филологических словарей русского языка. Т. 1--2--3. Будапешт, 1977, 634 о. *Dissertationes Slavicae*, XIV., 336. /Recenzió/.
70. Румяна Павлова. Причинные отношения в современном русском языке в сопоставлении с болгарским языком. София, 1978, "Народна Просвета", 171 о. *Dissertationes Slavicae*, XIV., Szeged, /Recenzió/, 331---335.
71. Kazimierz Bajor. Konstrukcje z przyimkiem o w języku polskim i rosyjskim. /Studium konfrontatywne/. *Acta Universitatis Lodziensis*, 1976. 384 о., *Dissertationes Slavicae*, XIV., 337--38.
72. *Russian Language Journal*. Michigan State University, 1979, Volume XXXIII, № 114, p. 245, № 115, p. 249, № 116, p. 262, *Dissertationes Slavicae*, XIV., 339--340.
73. Количественные отношения в русском и венгерском языках. Tankönyvkiadó, Budapest, 1981, 298 о. J2--1298.
74. Употребление числовых форм имен существительных, обозначающих парные предметы в русском и венгерском языках. *Studia Russica* IV., Budapest, 1981, 279--293.

1982

75. Mennyiségi viszonyok az oroszban és a magyarban. Szeged, 1982, 14 о. Akadémiai doktori értekezés tézisei.
76. Лексикология русского языка в сопоставлении с венгерским языком. Tankönyvkiadó, 1982, Budapest, 110 о. J2--1429.
77. Количественные вопросительные предложения в русском языке. *Studia Russica* V., Budapest, 1982, 45--52.

1983

78. Обозначение движения транспортных средств. Russian Language Journal, Michigan, U.S.A., XXXVII, Nos 126--127 /1983/, 52--60.
79. Порядок падежей в парадигме сербскохорватских имен. Hungaro-Slavica, Budapest, 1983, 247--249.
80. Явления интерференции, связанные с категорией числа исчисляемых существительных в русском и венгерском языках. Studia Russica, VI., Budapest, 1983, 115--134.
81. Местоимение 'ничто' в позиции подлежащего и сказуемого. Russica. In memoriam Emilii Balczky, Budapest, 1983, 61--66.

1984

82. Към употребата на глаголите от свършен вид в отрицателни побудителни изречения. Dissertationes Slavicae, XVI., Szeged, 1984, 95--101.
83. О взаимосвязи пространства и времени в русском языке. Dissertationes Slavicae, XVI., Szeged, 1984, 41--49.
84. Semantic types of approximate quantitative relations in Russian and Hungarian. In "Contrastive Studies Hungarian-Russian", Edited by Ferenc Papp, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1984, 69--85.

1985

85. Семантические типы единичности предметов. Dissertationes Slavicae, XVII., 1985, Szeged, 23--32.
86. Роль пресуппозиции в обучении иностранным языкам. Сб. "Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы". Тезисы докладов и сообщений региональной конференции, Сегед, 1985, 6--7.
87. Заметки к сопоставительному изучению венгерского и русского языков. Dissertationes Slavicae, XVII, Szeged, 1985, 33--45.
88. Salga Attila. A magyar nyelv az orosz nyelv tükrében. Magyar Nyelvőr, 109 évf., 1985, 500-504, /Recenzió/.

89. Az aspektuális jelentés az igei jelentésfajták rendszerében. Nyelvészeti dolgozatok, JATE, BTK, Szerkeszti Róna-Tas András, 233, Szeged, 1985--1986, Néprajz és Nyelvtudomány, XXIX.--XXX., 159--172.

1986

90. Синтаксис современного русского языка в сопоставлении с венгерским. Első rész, Tankönyvkiadó, Budapest, 1986, J2--1490, 226 о.
91. Роль пресуппозиций в обучении русскому языку. Сб. "Лингвистика, литературоведение, методика". Исследования венгерских русистов, подготовленные к VI конгрессу МАПРЯЛ, Под ред. Ф. Паппа, Будапешт, 1986, 66--78.
92. О связи неопределенных местоимений с отрицательными местоимениями, Сб. "Вопросы изучения и преподавания русского языка и литературы в ВНР", Часть III, Русский язык и методика его преподавания, Будапешт, 1986, 81--94.

1987

93. Синтаксис современного русского языка в сопоставлении с венгерским языком. Ч. 2, Tankönyvkiadó, Budapest, 1987, 407 о. J2--1528.
94. Az orosz és a magyar igeszemlélet. In "A nyelvoktatás korszerűsítéséért". /Tanulmánygyűjtemény orosznyelv-tanárok intenzív-komplex továbbképzéséhez/, Pécs, 1987, 4--35.

1988

95. A magyar nyelv állami változatai. In "A magyar nyelv rétegződése", Szerkesztette Kiss Jenő és Szűts László, Akadémiai Kiadó, Budapest, 1988, 779--788.
96. Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским языком. Tankönyvkiadó, Budapest, 1988.

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Саламин:	К 60-летнему юбилею профессора Иштвана Пете	3
Г. Балаж:	Порядок падежей в славянских языках	7
Й. Бихари:	Некоторые замечания к проблематике видов русских глаголов	15
К. Босилков:	Някои случаи на вокална хармония в съвременния български език	33
Л. Деже:	Approaches to historical typology of morphosyntax: past and present	39
К. Фабриц:	An outline of the SZEHAТ machine translation system	55
И. А. Гончар:	О некоторых функциях номинативных предложений в художественной публи- цистике	69
Л. Хайзер:	Венгерские экзотизмы в художествен- ных произведениях, переведенных на русский язык	77
И. Кечкеш:	Трудности венгров в обучении кате- гории вида	91
Й. Крекич:	Пермиссивные побудительные высказы- вания в русском языке	103
Э. Лендваи:	Проблема эквивалентности русских и венгерских пословиц	113
З. Медве:	К вопросу языка и культуры подкар- патских русинов во второй половине XIX века	125
Ш. Марча:	Роль логико-семантических оппозиций в семантизации некоторых приставоч- ных глаголов движения в русском и венгерском языках	137

М. Петер:	О "ложных друзьях переводчика" в русском и венгерском языках	147
М. Шоймоши:	Модальные аспекты сравнительных союзов в сложноподчиненных предложениях в современном русском языке	157
Э. Саламин:	К вопросу об обобщенно-личных и неопределенно-личных предложениях с модальной точки зрения	169
Г. Секей, А. Шальга:	К вопросу о категории состояния	183
В. Татар:	К вопросу о фразеологически связанном значении слова	195
Л. Тоот:	Заметки о функционировании видов в императиве	207
И. Х. Тот:	К изучению Слуцкой псалтыри	219
С. М. Васильченко:	Семантическая структура и деривационные связи существительных в составе лексико-семантической группы с ключевым словом <u>сумка</u>	229
Pete István publikációi		243
Содержание		253

B 128557